

САЛЬНИКОВ
Константин Владимирович
Кандидат исторических наук
ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ УРАЛА
Свердловское Областное Государственное Издательство
1952

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Предисловие</u>	Стр.3
<u>Археология, как источник изучения древнейшей истории</u>	5
<u>Археологические памятники Урала</u>	9
<u>Древние поселения</u>	10
<u>Погребальные сооружения</u>	12
<u>Другие виды археологических памятников</u>	14
<u>Что такое археологическая культура</u>	16
<u>Древнейшие этапы изучения истории Урала</u>	17
<u>Нижний и средний палеолит (древнекаменный век): Эпоха первобытного стада</u>	19
<u>Верхний палеолит: Ранняя родоплеменная община</u>	22
<u>Мезолит (среднекаменный век): Ранняя родоплеменная община</u>	27
<u>Неолит и энеолит лесной полосы: Матриархальная родоплеменная община</u>	29
<u>Неолит и энеолит степи и лесостепи: Матриархальная родоплеменная община</u>	46
<u>Эпоха бронзы в степной и лесостепной полосе: Патриархальная родоплеменная община</u>	51
<u>Андроновская культура</u>	53
<u>Срубно-хвалынская культура</u>	70
<u>Эпоха бронзы в лесной полосе: Патриархальная родоплеменная община</u>	72
<u>Абашевская культура</u>	72
<u>Шигирская культура</u>	78
<u>Ранний железный век в степной полосе: Распад патриархальной родоплеменной общины</u>	86
<u>Савроматская культура</u>	88
<u>Прохоровская культура</u>	92
<u>Сарматская культура</u>	96
<u>Аланская культура</u>	99
<u>Ранний железный век в лесостепной полосе: Распад патриархальной родоплеменной общины</u>	104
<u>Ранний железный век в лесной полосе Приуралья: распад патриархальной родоплеменной общины</u>	116
<u>Ранний железный век в лесной полосе Зауралья: Распад патриархальной родоплеменной общины</u>	122
<u>Памятники Южного Урала в V-XV веках нашей эры</u>	135
<u>Памятники конца первого тысячелетия нашей эры в лесной полосе</u>	148
<u>Список литературы</u>	155

ПРЕДИСЛОВИЕ

Самая передовая в мире советская наука, вооруженная могучей теорией марксизма-ленинизма, развивает и обогащает накопленные человечеством знания. Она проникает в тайны природы, она изучает законы развития общества на всем многотысячелетнем пути истории человечества.

«Седая древность» при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития, потому что она имеет своим исходным пунктом выделение человека из животного царства, а своим содержанием — преодоление таких трудностей, которые никогда уже не встретятся будущим ассоциированным людям»^[1].

Эту «седую древность» — раннюю историю народов, населяющих нашу страну, изучает особая историческая наука — археология. Археологические исследования ведутся специальными научными организациями, университетами, музеями. Ежегодно государством отпускаются крупные ассигнования на археологические экспедиции, которые снаряжаются для обследования и раскопок памятников древности. Предметы древности обнаруживаются и случайно во время различных земляных работ, распашки новых площадей. Они обогащают собрания местных музеев, привлекают к себе внимание краеведов

Неизмеримо выросший за советский период культурный уровень трудящихся масс породил огромную тягу к знанию, стремление изучить прошлое своего края.

Героическое прошлое народов нашей страны, прошедших славный исторический путь, вызывает вполне законный интерес со стороны самых широких масс. Велик интерес и к тем отдаленным историческим эпохам, когда человечество делало свои первые шаги, когда не сложились еще ныне живущий народы, а обитали их далекие первобытные предки

Урал славен не только всевозможными горными богатствами, его недра хранят и многочисленные следы пребывания, жизни и производственной деятельности наших отдаленных предшественников.

Настоящая книга имеет целью познакомить читателя с этими археологическими памятниками Урала и теми чертами этапов исторического развития древних племен и народов Урала, которые можно проследить на основании изучения данных археологии.

В задачу книги не входит приведение полного перечня и описания всех археологических памятников Урала. Не претендует она и на всестороннее освещение исторического процесса древнего населения Урала, а знакомит с основными историческими этапами, пройденными племенами и народами Урала в глубокой древности, в той мере, в какой это можно сделать на основании накопленных археологических материалов.

Широкие массы трудящихся, в первую очередь краеведы, комсомольцы, студенты, школьники являются в деле археологического изучения нашей страны активными помощниками специалистов-археологов. Археологические памятники в большом количестве разбросаны по необъятным просторам нашей Родины, предметы древности тысячами попадают и руки случайных людей, которые зачастую лишены возможности определить их значение и научную ценность

Помочь распознать в случайно найденном предмете произведение далеких наших предков, определить его назначение и время бытования - вторая задача настоящей книги.

С этой целью в книге приведены рисунки наиболее типичных для каждой эпохи вещей.

Советское правительство рассматривает археологические памятники, имеющие огромное научное значение для изучения древней истории народов, населяющих нашу Родину, как общенародное государственное достояние.

Постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 года «О мерах улучшения охраны памятников культуры» предусматривает организацию учета и охраны памятников археологии.

На отделы культурно-просветительной работы областных и районных Советов депутатов трудящихся постановлением Совета Министров СССР возложена ответственная обязанность учесть памятники культуры и организовать их охрану. Обязанностью каждого советского гражданина является предупредить самовольные раскопки археологических памятников, приводящие к порче и гибели памятников.

К археологическим раскопкам допускаются только люди, специально подготовленные, имеющие разрешение от Академии наук СССР. Но выявление памятников древности, организация их учета и охраны не только может, но должна производиться при помощи широкого актива культурных сил на местах: краеведов, музейных работников, учительства, учащихся, так как сил специалистов для осуществления этой важной задачи недостаточно.

Наша книга поможет краеведам установить наличие археологических памятников в районе и области и принять меры к их охране.

АРХЕОЛОГИЯ, КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Сталинский Урал населен русскими и украинцами, башкирами и казахами, манси и хантами и другими советскими народами.

Исторические письменные источники рассказывают нам, что русские и украинцы — сравнительно новые пришельцы на Урале, они заселили этот район нашей страны всего несколько сот лет назад. О времени появления на Урале других народов нет никаких письменных сведений. История возникновения поселений башкир, казахов, манси, хантов на Урале уходит в глубину веков. Увлекательная задача науки — разыскать корни, от которых ведут свое происхождение уральские народы.

Как далеко в глубине времени нужно искать эти корни, как давно сформировались народы Урала? Помехой в решении этого сложного вопроса долгое время служило вредное влияние псевдомарксистской теории Марра, под которое попали некоторые археологи. Вульгаризатор марксизма Марр уводил внимание исследователей в ложное русло, утверждая, что современные народы — образование новое. Его «учение» преграждало археологам путь к поискам древних предков народов, населяющих нашу страну.

Гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» помог археологам выйти из тупика, в который их ставило «учение» Марра. На вопрос о том, как далеко в глубины тысячелетий уходят корни современных народов, товарищ Сталин дает ясный и исчерпывающий ответ: «Надо полагать, что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»^{2[1]}.

Эпохе рабства — эпохе рабовладельческого строя предшествовала самая древняя эпоха, самая древняя общественно-экономическая формация — первобытнообщинный строй. Следовательно, еще в среде первобытных обитателей Урала мы должны разыскивать предков современных народов. Письменные памятники не могут служить главным источником для решения этой задачи. Они слишком малочисленны, отрывочны и охватывают совсем незначительный отрезок времени, определяющийся несколькими

сотнями лет.

Между тем в распоряжении науки имеются многочисленные документальные доказательства обитаемости Урала в течение десятков тысяч лет.

Этими неписанными документами служат так называемые археологические памятники — все те бесчисленные и разнообразные вещественные остатки жизни древних людей, которые сохранились в толще земли от далекого прошлого. Сюда относятся следы древних поселений, древние могилы, места первобытной разработки горных богатств, пункты, где совершались моления и жертвоприношения богам. Сюда относятся отбросы пищи — кости съеденных древними людьми диких и домашних животных. Сюда относятся многочисленные и разнообразные предметы материальной культуры: орудия труда, оружие, предметы быта, украшения, остатки одежды и т. п., которые обнаруживаются на поселениях, в могилах, на местах производственной деятельности людей. Все это составляет вещественные исторические источники, памятники археологии.

Насколько ценны эти остатки, — предметы материальной культуры для дела восстановления далекого исторического прошлого человечества? О чем они могут рассказать?

Вещественные исторические источники, за исключением редких случаев, не могут поведать нам имен выдающихся людей древности, рассказать о конкретных событиях. Но от этого они не перестают быть историческими источниками.

Советские историки и археологи в своей исследовательской работе руководствуются указанием товарища Сталина, что «...историческая наука если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»^{3[2]}.

Историю же производителей материальных благ, историю общества памятники материальной культуры дают возможность изучить со всей полнотой, так как они отражают условия материальной жизни общества, а «каковы условия материальной жизни общества, — таковы его идеи, теории, политические взгляды, политические учреждения»^{4[3]}.

Археологические памятники отражают способ добывания средств к жизни, способ производства материальных благ, а способ производства материальных благ есть «та главная сила в системе условий материальной жизни общества, которая определяет физиономию общества, характер общественного строя, развитие общества от одного строя к другому»^{5[4]}.

Особо важную роль в составе археологических материалов играют орудия труда, которые наиболее ярко отражают уровень развития производительных сил общества.

«Такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда^{6[5]} имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций... Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»^{7[6]}.

Производство «никогда не застревает на долгий период на одной точке и находится

всегда в состоянии изменения и развития»^{8[7]}, причем «его изменения и развитие начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего — с изменений и развития орудий производства»^{9[8]}.

Археология, прослеживая развитие в первую очередь орудий производства, устанавливает развитие и изменение способа добывания средств к жизни, способа производства материальных благ, так как «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда»^{10[9]}. Вместе с тем изучается развитие общества в целом, потому что «изменения в способе производства неизбежно вызывают изменение всего общественного строя, общественных идей, политических взглядов, политических учреждений, — вызывает перестройку всего общественного и политического уклада»^{11[10]}.

Основа советской археологической науки в корне противоположна идейно-теоретической основе буржуазной археологии. Учение марксизма-ленинизма о закономерности общественного развития органически враждебно буржуазной идеологии. Отрицая объективные исторические закономерности, буржуазные археологи не видят путей к восстановлению картин прошлого. Различные явления и предметы материальной культуры рассматриваются ими как творения тех или иных рас. А крупные изменения в материальной культуре объясняются во всех случаях миграциями, переселениями, заимствованиями. Творцами высокой культуры объявляются представители «высших» рас - предки населения современных империалистических стран, а основной массе человечества отказывается в праве на активное участие в историческом процессе. Буржуазная археология поставлена на службу интересам империалистов. Различными фальсификациями буржуазные археологи пытаются оправдать притязания империалистов на захват чужих территорий.

Американские реакционные археологи протаскивают в древность и идеи космополитизма. Они требуют отказа от изучения местных культур, которые отражают особенности исторического развития отдельных племен и народов, и призывают изучать мифическую единую «мировую культуру». Такая постановка вопроса лишает отдельные народы права на собственную историю.

Советская археология изучает прошлое человечества по вещественным историческим источникам. Она является составной частью исторической науки. Вооруженные мощным оружием — теорией марксизма-ленинизма, советские археологи успешно решают сложные проблемы древней истории отдельных народов. Труды советских археологов не только углубили историю нашей Родины на многие тысячелетия, но всем в прошлом бесписьменным народам окраин царской России помогли создать их историю.

Археологические вещественные памятники, являясь полноценными историческими источниками, позволяют проследить ступени общественного развития первобытных племен Урала.

^{12[1]} И.В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. — М., 1950. — С.22.

^{13[2]} И. Сталин. Вопросы ленинизма. — Изд.11. — С.552.

^{14[3]} И. Сталин. Вопросы ленинизма. — Изд.11. — С.545.

^{15[4]} И. Сталин. Вопросы ленинизма. — Изд.11. — С.550.

^{16[5]} Под «средствами труда» К. Маркс имеет ввиду здесь главным образом орудия производства.

^{17[6]} К. Маркс. Капитал. – Т. I. – 1949. – С. 187.

^{18[7]} И. Сталин. Вопросы ленинизма. – Изд. 11. – С. 551.

^{19[8]} И. Сталин. Вопросы ленинизма. – Изд. 11. – С. 552.

^{20[9]} К. Маркс. Капитал. – Т. I. – 1949. – С. 187.

^{21[10]} И. Сталин. Вопросы ленинизма. – Изд. 11. – С. 551.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ УРАЛА

Мы уже говорили, что археологическими памятниками называются все многообразные следы пребывания на данной территории древнего человека, которые сохранились в большинстве случаев в толще земли, а иногда и на поверхности. В одних случаях эти остатки являются результатом обитания в данном пункте какой-то группы людей. Это - остатки различного рода поселений. В других случаях памятник представляет собой отдельную могилу или целую группу их, отмеченную какими-нибудь внешними признаками: надмогильными насыпями, оградками из камней, каменными плитами или столбами. Редкую категорию археологических памятников составляют следы производственной деятельности человека, преимущественно места древних горных разработок. Немногочисленна и следующая группа — священные, культовые места, где отправлялись различные обряды, приносились жертвы богам.

Археологическим памятником является всякий отдельный единичный древний предмет, в каких бы условиях он ни был найден. Если отдельный предмет происходит с поселения или из погребения, то он представляет собою составную часть этих коллективных памятников. Если же древний предмет найден вне связи с другими, является случайной находкой, он расценивается как самостоятельный памятник. Это может быть орудие труда, оружие, предметы быта, украшений и т. п.

Различные виды археологических памятников для изучения истории древнего населения Урала имеют не одинаковое значение. Наиболее содержательными и вместе с тем самыми распространенными являются разнообразные места поселений и погребальные памятники. Для освещения отдельных отраслей производственной деятельности исключительно ценны остатки рудных разработок, мастерские по изготовлению орудий. Идеология древнего общества рисуется особенно полно по культовым, священным местам.

Объектом внимания археологов служат не только вещи, найденные на памятнике, но и памятник в целом. Изучаются и остатки или следы жилищ, устройство могил и надмогильных сооружений и т. п.

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Понятие о культурном слое. Обязательной принадлежностью всякого поселения (и не только ископаемого, но и современного) является так называемый культурный слой.

Под культурным слоем в археологии понимается тот слой в земле, который содержит следы пребывания жизни людей: отбросы пищи (расколотые кости животных), обломки глиняной посуды, поломанные, а изредка и целые орудия труда, угли, скопления золы, кострища. Все это не оставлено древним населением преднамеренно, а брошено или затеряно, следовательно состав находок в культурном слое хотя и случаен, но освещает производственную деятельность, быт и другие стороны жизни людей достаточно полно и всесторонне. Предметы, отложившиеся в древности на поверхности, с течением времени втаптывались в землю, покрывались позднейшими наслоениями и к нашим дням оказались находящимися на известной глубине. В зависимости от древности и местных условий культурный слой может залегать на глубине нескольких метров, но иногда его отделяет от современной поверхности толща всего в несколько десятков сантиметров. Он может оказаться и на поверхности, если относится или к памятникам незначительной древности или к памятникам, где культурный слой разрушен в результате деятельности природы (развеивание ветром, размыв водой) или людей (распашка).

Толщина, или мощность культурного слоя также различна. На уральских памятниках она колеблется в пределах 10-40 см и зависит от продолжительности обитания людей на поселении, а также от почвенных и топографических условий залегания.

Благодаря тому, что на поселениях сосредоточивается много различных отбросов, которые подвергаются гниению и превращаются в темную почву — перегной, культурный слой на поселениях, где долгое время жили люди, выделяется своей более темной окраской от ниже- и вышележащих слоев. Для Урала этот признак не характерен. В лесных гористых районах каменистый грунт расположен близко к современной поверхности, и почва имеет слишком незначительную толщину. А так как удобных мест для расположения поселений в гористой, облесенной местности немного, то люди в различные эпохи селились на одних и тех же местах. В этих пунктах обычно наблюдается огромное скопление находок в незначительном по толщине слое; часто весь почвенный слой пропитан культурными остатками, в особенности черепками глиняной посуды. В степных местностях Урала культурный слой на поселениях менее насыщенный и потому не выделяется по цвету почвы.

Культурный слой служит первым и надежным доказательством наличия в данном пункте древнего поселения. По ряду признаков выделяются несколько типов поселений: стоянки, селища, городища, обитаемые пещеры.

Стоянками обычно называют наиболее ранние места поселений, относящиеся к каменному веку. Иногда этим термином обозначают поселения и бронзового века.

Селище - следы поселения эпохи бронзы и железа. Некоторые стоянки образовались в результате кратковременного, сезонного пребывания группы охотников или рыболовов. На таких стоянках кроме отдельных предметов и костей употребленных в пищу животных можно обнаружить лишь кострища — следы костров. Но большинство стоянок и все селища служили местом постоянного обитания людей в течение продолжительного времени. На них мы находим следы жилищ. Жилища, сооружаемые на поверхности земли, трудно обнаружить через тысячи лет. Они оставляют после себя слишком незначительные следы или вовсе их не оставляют. Но к счастью для науки древние люди сооружали жилища, особенно зимние, углубляя их хотя бы не на много в землю. Землянки и полуземлянки хорошо прослеживаются на постоянных стоянках и селищах.

Древние поселения, как правило, располагались по берегам рек или озер. Нередко сейчас их территория размывается рекой и в обрыве подмываемого берега становится хорошо видимым культурный слой. Если же линия обрыва проходит через землянку, то последняя заметна, как более или менее прямоугольное темное пятно, вдающееся в нижележащий слой цветного грунта — песка или глины. На непаханой девственной степи следы жилищ на древних поселениях часто сохраняются в форме характерных мелких

углублений — впадин. Иногда жилищное пятно в обрыве или впадина на поверхности степи оказываются очень больших размеров. Огромные размеры жилищ типичны для эпохи первобытнообщинного строя. Некоторые из них достигают площади 300-400 квадратных метров. Обитателями таких жилищ были крупные первобытные общины.

Поскольку обязательным признаком всякого поселения служит наличие культурного слоя, то древние стоянки и селища обычно обнаруживаются по обнажающимся в береговом обрыве костям, черепкам, углю, слоям золы. В большинстве случаев эти находки залегают в почве, на глубине 40-50, а иногда менее 20 сантиметров. Для стоянок глубокой древности, время существования которых определяется в несколько десятков тысяч лет, характерно залегание культурного слоя в глинистых отложениях на глубине в несколько метров.

Пещеры, которыми богаты некоторые районы Урала, часто использовались в древности как приготовленные самой природой жилища. В ряде пещер на Урале обнаружены самые древние стоянки, относящиеся к эпохе древнекаменного века. Культурный слой такой древности, исчисляемой десятками тысяч лет, залегает в пещерах на большой глубине под обломками и целыми глыбами камней, обвалившихся с потолка и стен пещер.

Жили в пещерах и в более позднее, сравнительно недавнее время. Культурный слой в этих случаях залегает близко от поверхности.

Далеко не все пещеры были обитаемы, далеко не каждая пещера может рассматриваться как археологический памятник. Но все пещеры должны учитываться для выявления в них признаков обитания древнего человека.

Городище — вид археологических памятников, который легко бросается в глаза. Обычно каждое городище хорошо известно местным жителям. Основное отличие городища от стоянки и селища заключается в том, что на городищах имеются защитные сооружения в виде валов и рвов. Городище — это укрепленное древнее поселение, окруженное рвом и земляным, а иногда и каменным валом или несколькими рядами валов и рвов. Часто на площади за валами и рвами видны впадины и ямы — следы землянок или полуземлянок. Остатки жилищ могут быть и за пределами защитных сооружений.

Валы уральских городищ не отличаются большими размерами. Они редко достигают высоты, превышающей один метр, иногда же валы едва заметны, и на городище, прежде всего, бросается в глаза ров. В последнем случае в основу защиты были, очевидно, положены какие-то деревянные ограждения, до нас не дошедшие. Преследуя цель — обеспечить защиту своего поселка от нападения извне, жители городища выбирали наиболее удобные для обороны участки. Городища располагались на речных высоких мысах, где с двух сторон доступ на поселение преграждали естественные обрывы, и лишь с третьей стороны необходимы были искусственные защитные сооружения. Если не было мысов, городище строилось на обрывистом берегу. В этом случае вал и ров приобретали форму полуокружности или изогнутой ломаной линии. Встречаются городища круглой формы или в форме многоугольника; они устраивались на высоких площадках, не защищенных естественными препятствиями.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Весьма распространенным типом археологических памятников являются разнородные погребальные сооружения. Они представляют большой интерес для изучения древней истории соответствующей территории по ряду причин. Древние племена под влиянием религиозных представлений о существовании якобы иного, загробного мира, куда переселяются умершие люди, снабжали своих покойников различными вещами. Эти вещи должны были служить умершим в загробном мире. Вот почему при раскопках

древних могил обычно вместе с костяком человека обнаруживаются орудия труда, предметы украшений, оружие, бытовой инвентарь, в первую очередь посуда, а также кости животных — остатки пищи, положенной покойнику. Таким образом, по могильным находкам и сооружениям мы можем восстановить религиозные представления того или иного племени о загробном мире и получить немалый набор предметов для суждения о хозяйственной деятельности и быте. Сами кости людей, сохранившиеся в могилах, также служат объектом изучения. Они поступают в распоряжение антропологов, которые устанавливают по костякам тип населения данной территории в ту или иную эпоху, прослеживают переселения древних племен.

Существовало много способов погребения, по-разному отмечались могилы и на поверхности.

Курганы — наиболее часто встречающаяся форма погребального сооружения. Они характерны для южных степных районов Приуралья и Зауралья. Курган представляет собой земляной искусственный холмик или насыпь над могилой или рядом могил (рис. 1). Встречаются курганы, насыпанные не из земли, а из небольших кусков камня — каменные курганы. Известны курганы, достигающие высоты 20 метров, но таких грандиозных надмогильных сооружений немного. Обычно курганы редко превышают один метр. Чаще встречаются совсем незначительные по высоте насыпи (30-40 сантиметров). Но зато площадь, покрытая насыпью кургана, достигает больших размеров. Наши приуральские степные курганы имеют диаметр от 8 до 25 метров. Невысокие, они выглядят поэтому, как плоские лепешкообразные возвышения, едва заметные для неопытного глаза.

Курганы располагаются как поодиночке, так и целыми группами, образуя кладбища или могильники, в которых число насыпей достигает нескольких десятков.

Под каждой курганной насыпью может находиться самое различное число погребений — от одного до нескольких десятков. И относиться они могут или к одной эпохе или к нескольким различным эпохам. Отсюда возможно и неодинаковое устройство могильных ям в кургане и расположение их на различной глубине. Нередко погребения обнаруживаются в самой земляной насыпи кургана.

Каменные кольца - другая форма надмогильных сооружений, типичная для степных районов. Под каменными кольцами понимаются круглые оградки из каменных плит или глыб, которыми окружена могила. Иногда внутри такой оградки заметна небольшая насыпь, курганчик, но чаще могила опознается только по каменному кольцу, а другие наружные признаки отсутствуют. Для каменных колец характерна их группировка в могильники, число колец в которых превышает иногда сотню.

Каменные площадки — овальные небольшие вымостки из некрупных камней на ровной поверхности или едва заметном возвышении. Каменная площадка скрывает под собой могилу.

Могильники бескурганные, лишенные каких бы то ни было внешних признаков, выделяются в особый вид памятников. В древности над могилами, входящими в состав такого памятника, кроме незначительных холмиков того типа, что видим мы на современных кладбищах, ничего не было. В течение сотен и тысяч лет эти холмики сделались незаметными. И сейчас с каждым годом образуются новые, лишенные внешних признаков могильники. Распашка новых площадей, в особенности тракторами, за последние десятилетия приводит к растаскиванию курганных насыпей, к их уничтожению. И группа курганов превращается в бескурганный могильник, который можно обнаружить лишь случайно. Правда, первое время на месте распаханного кургана заметно благодаря примеси грунта в насыпи более светлое пятно, хорошо выделяющееся на черном фоне пахоты, но и оно через ряд лет сливается с окружающим полем.

Отдельные погребения встречаются в самых необычных местах: на поселениях, среди жилищ, в пещерах и т. п.

ДРУГИЕ ВИДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Древние рудники. Богатства недр Урала начали разрабатываться еще в далекие первобытные времена. К сожалению, древнее горное дело на Урале по сохранившимся его следам пока специально не изучалось. Все же известно некоторое число древних медных рудников. Они выглядят или в виде заросших, задернованных больших котлованов до 40 метров в диаметре или в форме ряда маленьких ям, траншей, иногда с подбоем под стенку в ту сторону, куда уходит рудоносный слой. На поздних этапах развития первобытного общества существовали и более глубокие шахты, с горизонтальными штольнями.

Древние рудники встречаются нередко в районах Урала, в которых в настоящее время горнодобывающая промышленность отсутствует. Это объясняется тем, что первобытных рудокопов интересовали и незначительные запасы руд, никакого промышленного значения сейчас не имеющие. Удобство разработки, неглубокое залегание, мягкость окисленных медных руд — вот основные требования, которые предъявлялись в древности к месторождениям меди.

Места плавки руд. В ряде пунктов на Урале находят большие скопления шлака. Иногда они связаны с древним поселением, расположены на его площади. Но, по-видимому, существовали и специальные места — металлургические мастерские, плавильни, расположенные поблизости от рудных месторождений, где в древности из руд выплавлялся металл.

Разработки кремня. Для первобытной эпохи ценным сырьем служили и такие ископаемые, которые в наши дни никакой ценности не представляют. В частности самым распространенным материалом для изготовления каменных орудий являлся кремень. Богатые месторождения кремня хорошего качества разрабатывались древними племенами. Скопление большого количества мелких осколков вокруг выходов кремня на поверхность, наличие среди них ножевидных узких длинных пластинок свидетельствует, обычно, о древних разработках кремня.

Жертвенные места. Первобытными племенами некоторые пункты считались священными. Здесь они совершали моления, приносили жертвы богам и, возможно, ставили изображения этих богов. В археологии такие пункты рассматриваются как особые археологические памятники — жертвенные места. Жертвенные места часто располагаются на вершинах гор, скалах. На их территории находят признаки культурного слоя, но состав его отличен от состава культурного слоя поселений. На жертвенных местах бросаются в глаза пережженные кости животных — следы жертвоприношений — и ограниченный набор предметов.

Каменные столбы. В степях и лесостепных местностях Зауралья, где естественных выходов камня иногда и не видно, встречаются стоящие поодиночке или маленькими группами большие грубо обработанные каменные столбы, высотой с человеческий рост. Являясь сооружением древних племен, они представляют собой археологический памятник, хотя назначение их еще не изучено. В специальной археологической литературе они именуется менгирами.

«Каменные бабы». Так называются грубые каменные изваяния человеческих фигур, иногда встречающиеся на курганах. В одних фигурах распознать изображение человека можно лишь с большим трудом, на других хорошо выработаны черты лица, руки, иногда детали одежды. Часто руки, скрещенные на животе, держат чашу. В прошлом «каменных баб» немало стояло и степных курганах, но к нашим дням почти все они уже перевезены в музеи.

Писаницы. На скалах, главным образом Среднего Урала, по берегам рек и озер встречаются полустертые временем загадочные рисунки, нанесенные красной краской еще в глубокой древности. В одном месте обычно сосредоточен целый ряд рисунков, часто не

связанных друг с другом общим смыслом. Нарисованные на писаницах изображения животных, люден, различных геометрических фигур отражают магическо-религиозные обряды и воззрения первобытного населения Урала.

Клады. Этим термином в археологии обозначаются обнаруженные в земле различные предметы, зарытые в землю со специальной целью спрятать, укрыть ценные вещи. Для Урала не характерны денежные клады, зато нередкими бывают находки больших складен ценных для первобытного населения металлических изделий: бронзовых орудий, оружия, украшений. Даже группы каменных, только что изготовленных и не бывших еще в употреблении орудий прятались в землю.

Случайные находки. Всякий отдельно вне связи с другими вещами найденный предмет древности именуется случайной находкой и представляет научную ценность. Некоторые виды древних предметов известны только благодаря случайным находкам и никогда не встречаются в составе коллективных памятников — на поселениях и в погребениях. Иногда на месте обнаружения случайной находки впоследствии оказывается поселок.

ЧТО ТАКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Все многообразие археологических памятников можно объединить по однородности их содержания в группы, которые в науке и называются «археологической культурой». Однородность содержания памятников одной культуры проявляется, прежде всего, в одинаковом составе и одинаковых формах орудий труда, оружия, предметов быта и украшений, а, кроме того, в определенном обряде погребений и в специфических особенностях устройства жилищ, планировки поселений и т.п. Особенно ярко принадлежность к одной культуре проявляется в орнаментации и форме глиняной посуды, обломки которой особенно часто встречаются в составе культурного слоя. Такого рода памятники, объединяющиеся в понятие одной «археологической культуры», бывают сосредоточены на определенной компактной территории, и время их существования относится к определенному временному промежутку. Они отражают принадлежность оставивших их людей к одному племени или ряду близких племен в определенный период их развития.

ДРЕВНЕЙШИЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ УРАЛА

Древняя история народов Урала еще не написана. Эту задачу предстоит выполнить крупному коллективу ученых различных специальностей: историков, археологов, этнографов, антропологов, языковедов. Но огромное количество археологических памятников, открытых и изученных на Урале, позволяет уверенно утверждать, что далекие первобытные предки уральских народов прошли долгий путь, полный невероятных трудностей в борьбе с природой, в борьбе за овладение дарами природы.

Буржуазная наука рассматривает «историческими» только народы Западной Европы, а все прочее население земного шара третирует как исторически неполноценное, как не имеющее своей истории, как «низшие расы».

Советской наукой блестяще разбиты эти ложные, антинаучные «теории». Советская археология своими открытиями окончательно выбила почву из-под этих «теорий» и доказала высокую культуру древнего населения нашей Родины. И народы Урала внесли свой вклад «в общую сокровищницу мировой культуры» (Сталин)^{22[1]}. Древние племена Урала - современники Египта, античной Греции, Рима также творили свою историю. Они

полноправные участники процесса исторического развития человечества, а не жалкие дикари. В ряде культурных достижений уральские племена шли впереди «классических» стран древности. У племен приуральских степей лошадь появилась не позднее, чем в Египте, — во II тысячелетии до нашей эры. Наши степняки изобрели саблю — более совершенное оружие, чем меч, и пользовались ею раньше народов Западной Европы и арабского Востока.

Древнее население Урала не стояло в стороне от больших исторических дорог. Археологические памятники свидетельствуют о тесных культурных связях Урала со Средней Азией, Сибирью, Причерноморьем еще за тысячи лет до нашей эры.

Первобытные уральские племена развивали свою самобытную культуру, творили свою историю, но не были оторваны от общемирового исторического процесса.

Древняя история Урала - одна из интереснейших страниц в истории нашей Родины. Урал — стык Европы и Азии. На Урале смыкаются полоса леса и полоса степи, равнины и горы, юг и север. Это не могло не отразиться на своеобразии археологических культур Урала. Различные его районы испытывали влияния различных соседей. Различия природной обстановки не могло не иметь своего значения в формировании особенностей производственной деятельности, быта и т. п. «Географическая среда, бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества, — она ускоряет или замедляет ход развития общества»^{23[2]}.

Природные условия Урала, растянувшегося на 2000 километров с севера на юг и на 80-150 километров с востока на запад, весьма неоднородны. Племена, обитавшие в лесистых горах были поставлены в другие условия, чем племена, населявшие степные просторы. Поэтому нельзя, знакомясь с последовательными этапами исторического развития древнего населения, говорить об Урале вообще. Мы выделяем несколько районов, в каждом из которых развитие шло особым путем, в особых формах, что выразилось в различии культурного облика древних памятников.

Различные области Урала изучены археологами далеко не равномерно. Одним районам посчастливилось больше, и них работали крупные археологические экспедиции, видные исследователи; в других районах археологических обследований было меньше; третьи совсем оказались не изученными. К последним относится, например, Северный Урал. По этой причине мы ограничиваемся описанием археологических памятников территорий Свердловской, Челябинской, Чкаловской областей, Башкирской АССР, частично Курганской и Молотовской области. Территорию Молотовской области мы освещаем далеко не полно по той причине, что она, будучи тесно связана с Уралом, часто выделяется в понятие Прикамье. К тому же археологические памятники Прикамья уже хорошо освещены в подобном издании^{24[3]} и характеристика их в настоящей книге свелась бы к простому дублированию.

Учитывая особенности археологических памятников, отражающих особенности исторического развития отдельных районов Урала и различия племенного состава древнего населения, в дальнейшем изложении мы выделяем несколько территориальных районов: степную полосу, лесостепное Зауралье, лесное Зауралье и лесное Приуралье.

НИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ (древнекаменный век) ЭПОХА ПЕРВОБЫТНОГО СТАДА

Современной наукой установлено, что древнейшие люди, еще не совсем изжившие черты своих предков (высокоорганизованных обезьян) жили около одного миллиона лет

назад. Этих древнейших наших предков называют питекантропами. Питекантроп — значит обезьяночеловек.

Питекантроп не только по строению тела был близок к своим обезьяньим предкам. По образу жизни он также еще не далеко ушел от животного состояния. «Какими люди первоначально выделились из животного (в более узком смысле слова) царства, такими они и вступили в историю: еще как полуживотные, еще дикие, беспомощные перед силами природы, не осознавшие еще своих сил; поэтому они были бедны, как животные, и не намного выше их по своей производительности»^{25[1]}.

Вот почему общественный строй питекантропов обозначается термином — первобытное стадо. Стадо состояло из нескольких десятков человек, которые сообща боролись за существование, добывали себе питание. На стадии первобытного стада люди уже имели орудия труда. Это были очень грубые бесформенные с острым краем осколки кремня. Большинство таких орудий трудно отличить от осколков естественного происхождения. Несколько позднее был выработан сравнительно устойчивый тип орудий — заостренные с одного конца так называемые ручные рубила, изготавливавшиеся также из кремня. Зажимая тыльную часть этого орудия в руке, не пользуясь никакой рукояткой, человек применял его для самых разнообразных действий; убивал животных, раскалывал кости, соскабливал мясо с костей, вырывал из земли съедобные корни и т. п. Как ни примитивны первые орудия человека, они служат вещественным сохранившимся до наших дней в толще земли доказательством труда питекантропов, труда, который возможен только при наличии орудий и который создал самого человека. Обезьянам труд не свойственен. «Ни одна обезьянья рука не изготовила когда-либо хотя бы самого грубого каменного ножа»^{26[2]}.

Обладая очень примитивными орудиями, древнейшие наши предки-обезьянолюди не могли вести борьбу с природой в одиночку. Они трудились сообща. Первобытное стадо общими усилиями добывало себе питание охотой и собирательством съедобных растений, корней, плодов. Брачные отношения осуществлялись внутри каждого

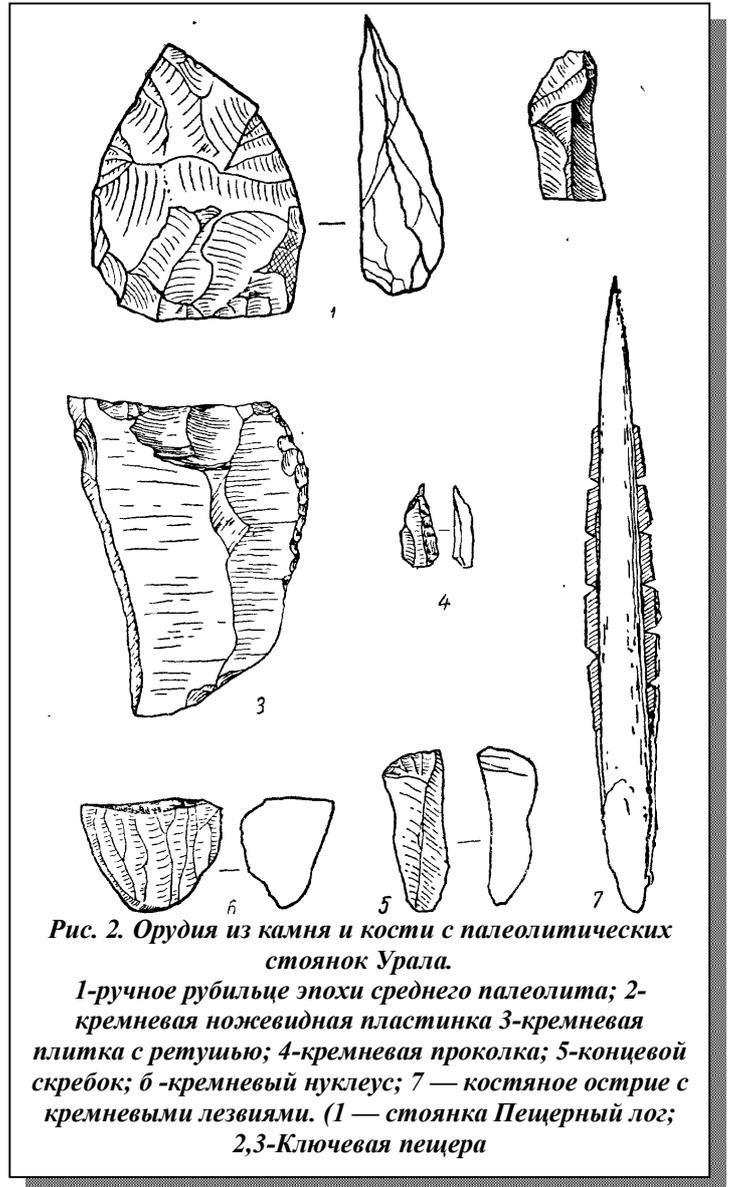

Рис. 2. Орудия из камня и кости с палеолитических стоянок Урала.

1-ручное рубильце эпохи среднего палеолита; 2-кремневая ножевидная пластинка 3-кремневая плитка с ретушью; 4-кремневая проколка; 5-концевой скребок; 6-кремневый нуклеус; 7 — костяное острие с кремневыми лезвиями. (1 — стоянка Пещерный лог; 2,3-Ключевая пещера

первобытного стада без каких-либо ограничений, также как у животных.

Процесс очеловечения проходил в тропических областях земного шара и, хотя жаркий тропический климат в то время распространялся в более северные районы, чем в наши дни, Урал не входил в зону очеловечения. Поэтому вряд ли можно встретить на Урале какие-либо остатки обитания питекантропа.

Древнейшие археологические памятники, свидетельствующие о жизни людей, относятся к древнекаменному веку или палеолиту, который продолжался много сотен тысяч лет. Самыми ранними памятниками древнекаменного века являются памятники нижнего палеолита, когда обитал еще не вполне сложившийся человек, когда человек и человеческое общество еще формировались.

На территории Советского Союза орудия нижнего палеолита (шелльской и ашельской эпохи) найдены на крайнем юге: в Армении, в Абхазии по Черноморскому побережью и в Каменец-Подольской области.

В то время на Кавказе, в Крыму, на юге Западной Европы росли тропические и субтропические леса, в которых жили бегемоты, слоны, носороги и другие животные, свойственные жаркому климату. Но постепенно климат изменялся в сторону похолодания, и наконец создались особые условия, которые привели к наступлению так называемого ледникового периода. По каким-то причинам, которые остаются не совсем выясненными, из Скандинавии на Европу стал надвигаться огромный ледник. Скапливающиеся в горах Скандинавии и Финляндии снеговые массы в условиях наступившего похолодания не успевали стаять за короткое прохладное лето и превращались в лед. Ледниковая корка огромной толщины, достигавшей одного-двух километров, покрыла поверхность северной Европы и прилегающих районов Азии. Массы льда доходили на юге Восточной Европы до уровня современных городов Орла и Киева. На Урале южная граница ледника проходила несколько севернее современного города Молотова, а южнее развились лишь небольшие местного значения ледники на наиболее высоких вершинах.

В стадии первобытного стада человечество жило несколько сот тысяч лет. За такой огромный период времени, хотя и чрезвычайно медленно, шло развитие техники, форм труда и совершенствование самого организма человека.

Наступает средний палеолит, памятники которого отражают переход человека на новую ступень развития. В условиях ледникового периода людям пришлось бороться за существование с большим напряжением, чем среди тропической природы предыдущей эпохи. Холод заставил человека использовать шкуры для защиты тела. Пещеры становятся постоянными местами обитания, а огонь — необходимым спутником человека. Расширяется охотничья деятельность, совершенствуются орудия труда. Попрежнему оставаясь кремневыми, они приобретают более совершенную форму, делаются более тонкими и острыми, удобными для обработки шкур, разделки туш убитых животных. Вместо ручных рубил появляются орудия так называемого мустьерского типа — остроконечник и скребло из крупных пластин, отделяемых от кремневого желвака сильным искусным ударом.

Создателями новой техники были люди более совершенного строения, чем их предки — питекантропы. Людей эпохи среднего палеолита называют обычно неандертальцами по месту одной из первых находок черепа человека этого типа в долине Неандерталь, в Западной Германии. У неандертальца объем мозга был больше, чем у питекантропа, черты лица дальше отошли от черт обезьяны. Правда, у неандертальца сохранялся еще покатый, а не вертикальный, как у современного человека лоб, сильно выступали надбровные дуги, отсутствовал подбородочный выступ. Он ходил еще на не полностью выпрямившихся ногах и с несколько согнутой спиной.

На юге нашей страны открыто уже немало стоянок среднего палеолита, на которых жили неандертальцы. Найдены и кости неандертальцев. Погребение взрослого

неандертальца было обнаружено в 1924 году в Крыму, в пещере Кник-Коба, а в 1938 году в Узбекистане, в пещере Тешик-Таш, было найдено второе погребение. Оно принадлежало мальчику 7-10 лет. Костяк мальчика — неандертальца был обставлен кругом из воткнутых в землю рогов горного козла.

На Урале пока обнаружена лишь одна стоянка эпохи среднего палеолита, которая свидетельствует о пребывании здесь неандертальцев.

В 1939 году близ устья реки Чусовой на прибрежной отмели возле оврага «Пещерный лог» было найдено несколько изделий из окремнелого сланца, типичных для среднего палеолита: небольшое каменное рубильце (рис. 2-1) и массивные отщепы. Эти предметы были вымыты из слоев, залегающих под толщей суглинков и супесей мощностью более 25 метров. Условия залегания и характер орудий, найденных возле «Пещерного лога», позволяют относить эту стоянку не менее чем на 50 тысяч лет от наших дней. Вместе с тем она является самой северной палеолитической стоянкой в Европе, расположенной в небольшом расстоянии от кромки ледника.

И в эпоху среднего палеолита люди продолжают трудиться сообща. Охота получает дальнейшее развитие. На основе роста производства меняются отношения между людьми. Зарождаются первоначальные родовые общины с ограничениями в области брачных отношений.

У людей неандертальского типа появляются религиозные представления. Упомянувшиеся выше погребения, найденные в пещере Киик-Коба (Крым) и особенно в пещере Тешик-Таш (Узбекистан), где труп покойника был заботливо обставлен оградкой из рогов — колдовским кругом, говорят о зачатках религиозных представлений, которые окончательно складываются в следующую эпоху

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ РАННЯЯ РОДОПЛЕМЕННАЯ ОБЩИНА

Эпоха верхнего палеолита представлена на Урале уже большим числом памятников. Открыты они советскими археологами. В дооктябрьский период был известен только один археологический пункт на юге Урала в районе города Орска. Там близ села Идельбаева в 1906 году были найдены кремневые орудия и кости животных, свойственных более холодному климату, чем современный, что позволяет предположительно датировать эту стоянку палеолитом. Но поскольку ни условия находки, ни характер кремневых изделий, которые до нас не дошли, остались неизвестными, то нельзя быть уверенными в такой ранней датировке.

Другой рано открытый пункт с признаками обитания человека эпохи верхнего палеолита расположен на западе Чкаловской области. Близ поселка Кравцова, в районе города Бузулука, около 30 лет тому назад в осыпи оврага было найдено два гарпуна. Один из них сделан из рога северного оленя и украшен резьбой в виде волнистой линии, второй — из кости мамонта. К сожалению и об этом памятнике нет более подробных данных, он остался неисследованным.

Ближайшие же к Уралу, бесспорно палеолитические памятники, известные в прошлом, были расположены на западе на реке Оке и на востоке — близ города Томска. Среди археологов существовало поэтому мнение, что Урал не был заселен человеком в эпоху палеолита.

1938 год оказался поворотным в деле изучения палеолита на Урале. В этом году палеолитические памятники были открыты сразу в двух районах: в устье реки Чусовой, у села Остров, и на реке Юрюзани, близ города Усть-Катав.

Стоянка у села Остров, которой позднее было присвоено имя ее исследователя М. В. Талицкого, погибшего на фронте в годы Великой Отечественной войны, обнаружена на правом берегу реки Чусовой под 16-метровой толщей ледниковых наносов. Исследования

показали, что здесь находилось временное летнее становище палеолитических охотников. Люди жили здесь на прибрежной площадке. Культурный слой имел толщину совсем незначительную и лишь в нескольких местах достигал 20 сантиметров. В этих пунктах были вырыты мелкие ямки диаметром до 70 сантиметров, служившие очагами. В них найдены кучи угля, главным образом костного. Первобытные охотники часто использовали кости как топливо.

Вокруг кострищ найдено много кремневых орудий: скребков, резцов, проколов, ножевидных пластинок и осколков кремня и ядрищ (нуклеусы) (рис. 2), от которых отделялись пластины, шедшие на изготовление орудий. Следовательно производство орудий протекало здесь, на месте. Орудия изготовлялись и из кости, причем их снабжали кремневыми лезвиями, которые делались из пластинок, укрепленных в пазах костяной основы (рис. 2-7).

На стоянке оказалось много обломков костей животных, свойственных ледниковому периоду: мамонта, носорога, северного оленя, песца, лемминга, а также дикой лошади, зайца, косули, волка, лисы. Среди костей оказался обломок ребра мамонта, покрытый резным орнаментом.

Культурные остатки не составляли сплошного слоя, а переслаивались наносами, образовавшимися в периоды, когда люди уходили в свои постоянные жилища, расположенные где-то в другом месте. Стоянка Талицкого не обнаруживает следов постоянных жилых сооружений. Возле костров отмечены во время раскопок только отдельные маленькие ямки, в которых вертикально торчали большие кости крупных животных — мамонта, носорога. Эти костяные столбы могли служить основой примитивных заслонов от холодного ветра, какими до сих пор пользуются австралийцы в пустынных районах центральной Австралии.

Другой характер у палеолитических стоянок Южного Урала. На реке Юрюзани и ее притоках в 1938 и 1939 годах были обнаружены временные стоянки охотников верхнего палеолита. Они оказались не под открытым небом, как на реке Чусовой, а в пещерах и гротах.

Все пещеры были естественного происхождения. Они промыты в мягких известняковых породах подземными водами. Поэтому во всех них, кроме больших камер наблюдаются узкие, низкие рука-в, а, уходящие в скалу, откуда проникала, а в некоторых пещерах проникает и сейчас, вода.

В ряде пещер: Ключевой, Бурановской, Смирновской, Гребневой и Усть-Катавской II в толще суглинистых наносов на глубине 1,3-1,8 метра от современной поверхности пола при археологических раскопках найдены остатки кострищ, угольки, единичные изделия и осколки кремня (рис. 2). В одной пещере угли вместе с золой облепляли камни, использованные для сооружения очага. Повсюду в тех же слоях оказывались кости животных ледникового периода вместе с костями животных, продолжающих обитать до сих пор в горах, лесах и степях Урала и Приуралья. Трубочатые кости, как правило, были расколоты, из них первобытные охотники добывали лакомство - костный мозг. На ряде костей в месте прикрепления сухожилий заметны нарезки. Нарезки получились при отделении мяса от кости кремневыми ножами.

Все эти находки, составляющие культурный слой, убеждают в том, что пещеры были обитаемы в ледниковый период, то есть в эпоху палеолита. Вместе с тем малое количество находок, в первую очередь кремневых орудий, указывает, что и здесь охотники находили себе еще более кратковременное убежище, чем на стоянке Талицкого. В частности, в пещерах нет того большого числа осколков кремня, которое встречается на берегах реки Чусовой и которое свидетельствует об изготовлении кремневых орудий на стоянке. В пещерах кремень не обрабатывался. Люди приходили сюда с готовыми орудиями.

Пещерные жилища имели временный характер, вероятно, из-за своей сырости.

Неблагоприятен был и рельеф местности на берегах Юрюзани. Узкие речные долины с отвесными скалистыми берегами не располагали к устройству постоянных поселений.

Состав животных, за которыми охотились палеолитические обитатели Урала, обращает на себя внимание большим разнообразием. Здесь мы находим кости холодолюбивых северян: мамонта, шерстистого носорога, северного оленя, песца; представителей леса умеренной полосы: медведя, лося, первобытного зубра, оленя, косули; представителей степи: сайги, дикой лошади, суслика и вместе с ними хищников: пещерного медведя, пещерной гиены.

Смешанный характер животного мира наблюдается и в других гористых районах за пределами ледника — в Крыму и на Кавказе. Животные различных ландшафтов были оттеснены великим оледенением и сосредоточились на одной территории.

Описанные пещеры расположены на западном склоне Урала. За последнее десятилетие обнаружены палеолитические местонахождения и на восточном склоне, в Свердловской и Челябинской областях. В начале 40-х годов на реке Туре в геологических шурфах на глубине 9 метров от поверхности были встречены кости северного оленя со следами раскола. В 1945 году слабые признаки обитания человека в эпоху палеолита найдены были в гроте Медведь-Камень близ города Нижнего Тагила.

Наконец в 1950 году открыта и исследована еще одна палеолитическая пещера того же характера, что и Юрюзанские. Новая пещера находится на левом берегу реки Малый Кизыл близ села Смеловского в районе города Магнитогорска, опять на восточном склоне Урала.

Теперь уже нельзя сомневаться, что Урал был обитаем в эпоху палеолита. На всех изученных стоянках люди жили 20-25 тысяч лет тому назад.

По-видимому не случайно то, что палеолитические памятники находятся именно на Среднем и северной части Южного Урала. Здесь хребет отличается незначительной высотой и поэтому наиболее удобен для перехода с одного склона на другой. Тип орудий на уральских палеолитических стоянках связывает последние с палеолитом не европейской части СССР, а с памятниками Сибири. Оттуда около 50 000 лет тому назад появились на Урале первые люди и заселили его до уровня города Молотова, пройдя через пониженную среднюю часть хребта на западный склон еще тогда, когда северные и центральные области европейской части СССР были покрыты великим оледенением,

По мере того как лед в конце ледниковой эпохи отступал на север, европейские области нашей страны заселялись человеком не только с юга, но, по-видимому, и с востока — с Урала.

; 4-7 стоянка Талицкого). В скобках указывается место, где были найдены предметы.

В эпоху верхнего палеолита закончился процесс формирования человека. Люди, жившие на стоянках верхнего палеолита, по своему физическому строению уже мало чем отличались от современного человека.

Между людьми верхнего палеолита складываются родовые отношения. Основной общественной ячейкой становится род.

Род состоит из группы женщин, происшедших от одной матери, то есть сестер и их потомства. Мужьями этих женщин, притом коллективными мужьями, была группа сверстников-мужчин, в состав которых не могли уже входить единоутробные братья женщин. Брак таким образом продолжал оставаться групповым, но стоял на более высокой ступени, чем в условиях первобытного стада. Теперь исключалась возможность брачных отношений между близкими родственниками, исключалась возможность кровосмешения, вредно отражавшегося на развитии потомства. Наоборот установились новые жесткие правила, по которым в брачные отношения могли вступать только представители разных родов, внутри рода браки не допускались. Следовательно, групповые жены и их групповые

мужья принадлежали к различным родам.

Труд по-прежнему по необходимости оставался коллективным. «Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы собрать плоды в лесу, наловить рыбу в воде, построить какое-либо жилище, люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ»^{27[1]}.

Даже при наличии лука и стрел люди принуждены вести коллективное хозяйство, а верхнепалеолитический человек, член раннеродовой общины, еще не знал и этого усовершенствованного оружия. Люди, жившие на стоянке Талицкого, охотники, находившие приют в южноуральских пещерах, охотились с более примитивным оружием. В их пользовании были деревянные копья и дротики, в лучшем случае снабженные каменными наконечниками. Охота за такими крупными животными, как мамонт, носорог, северный олень, дикая лошадь, а на стоянках мы видим преимущественно кости этих животных, велась коллективно, люди поднимали шум, кричали, поджигали сухую траву с таким расчетом, чтобы огонь гнал животных к болоту или крутому обрыву.

Большую роль в хозяйстве играло собирательство дикорастущих плодов, ягод и съедобных корней и растений, которым занимались женщины. На плечах женщины лежало домашнее хозяйство, в том числе хранение впрок продуктов охоты. Благодаря этому труд женщины играл огромное значение в жизни родовой общины, а так как при групповом браке счет родства мог вестись только по линии матери, поскольку отец был неизвестен, то женщина неизбежно занимала весьма почетное место в общине. Женщины были основой родовых общин.

Первые признаки зарождавшихся религиозных представлений относятся, как мы видели, еще к предыдущей эпохе, но вполне сложившаяся религия отмечается археологическими памятниками только начиная с верхнего палеолита. Правда, на Урале пока таких памятников не открыто, но в других районах нашей страны они известны. Это рисунки на скалах, изображающие промысловых животных. Они служили для колдовских, религиозных действий. Погребения палеолитического человека, в которых обнаруживаются орудия труда, также свидетельствуют о зарождавшихся представлениях о душе и загробной жизни.

В. И. Ленин о корнях религиозных воззрений человечества пишет: «...бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.»^{28[2]}. А трудности в жизни первобытного человека были большие, его окружали грозные, непонятные для него силы природы. «Что первобытный человек получал необходимое как свободный подарок природы, — пишет Ленин в другом месте, — это глупая побасенка... Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»^{29[3]}. Только коллективный труд помог человечеству выжить в условиях первобытности.

. Если на Урале пока не найдены бесспорные следы первобытной религии, относящиеся к эпохе палеолита, то косвенные следы ее имеются и в палеолитических памятниках Урала. Во время раскопок стоянки Талицкого было обращено внимание на то, что культурный слой пропитан красной краской, явно принесенной сюда человеком, который повседневно, видимо, ею пользовался. Известно, что красная краска служит символом огня, крови, символом жизни, благополучия. Поэтому ею широко пользовались при похоронах, ее употребляли для раскрашивания тела и т. п. Для магических колдовских целей пользовались красной краской, надо полагать, и обитатели стоянки Талицкого.

МЕЗОЛИТ
(среднекаменный век)
РАННЯЯ РОДОПЛЕМЕННАЯ ОБЩИНА

Ледниковый период, а вместе с ним и эпоха палеолита, закончились приблизительно 12-15 тысяч лет тому назад. Наступили климатические условия, близкие к современным. Потребовалось немало времени для того, чтобы освободившиеся из-под льда площади покрылись растительностью, чтобы здесь развелись животные, а вслед за ними появился человек, который двигался за отступающим ледником с юга, а может быть и с востока, то есть с Урала. На территории Карелии хорошо прослежен по археологическим памятникам путь продвижения древнейших обитателей вслед за ледником отступающим из бассейна Оки, то есть с юго-востока. Можно думать, что в среднюю Россию население проникло несколько раньше из более юго-восточных областей, с Урала.

Археологические памятники, относящиеся к первым тысячелетиям послеледникового

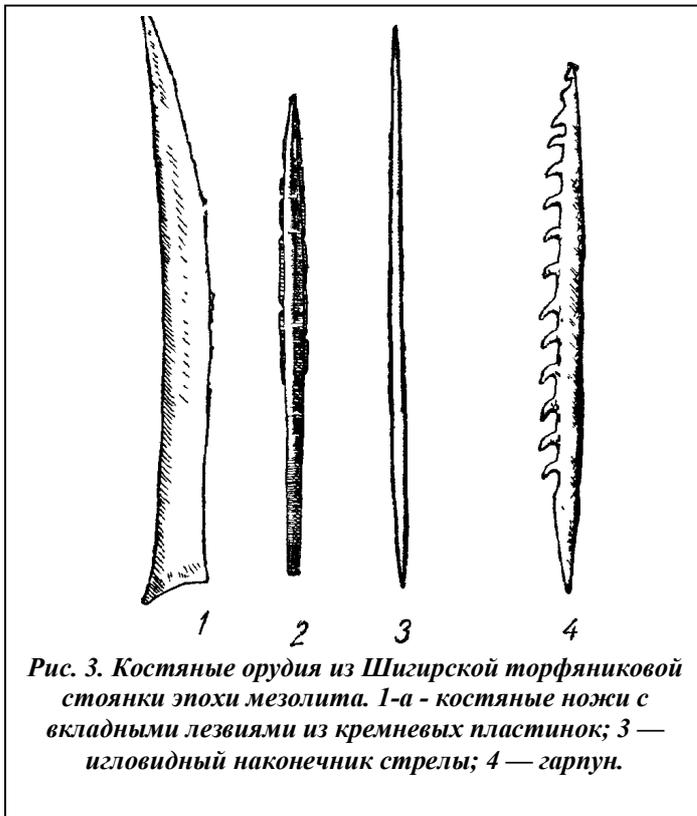

Рис. 3. Костяные орудия из Шигирской торфяниковой стоянки эпохи мезолита. 1-а - костяные ножи с вкладными лезвиями из кремневых пластинок; 3 — игловидный наконечник стрелы; 4 — гарпун.

времени, объединяются в науке в понятие среднекаменный век или мезолит. Самые древние очень редкие послеледниковые памятники на Урале, относящиеся к мезолиту, датируются четвертым, может быть, пятым тысячелетием до нашей эры. Пока известны находки этого периода только в одном месте — на Среднем Урале, на Шигирском торфянике, Невьянского района, Свердловской области.

Еще в прошлом столетии во время разработки торфяника встречалось много древних предметов, относящихся к различным периодам исторического развития местных первобытных племен. В нижних слоях, где отложились самые древние предметы, которые можно датировать V—IV тысячелетиями до нашей эры, было найдено много изделий из кости и рога. К этому

раннему времени относятся (по А. Я. Брюсову) большие костяные кинжалы и длинные узкие ножи, снабженные кремневыми лезвиями, костяные гарпуны с многими мелкими, чрезвычайно тонко сделанными зубцами, наконечники стрел в виде длинных тонких круглых костяных игл (рис. 3).

Крупным достижением описываемой эпохи надо признать применение комбинированных так называемых вкладышевых орудий.

Они готовились из кости или дерева и снабжались кремневыми лезвиями из пластинок вкладышей. Из кости и дерева можно было сделать более крупный и длинный предмет, чем это допускали свойства кремня, и чтобы снабдить такие орудия острым лезвием, которое невозможно получить не только на дереве, но и на кости, пользовались вставными лезвиями из маленьких острых кремневых пластинок.

К тому же времени, но не позднее, чем к III тысячелетию, могут быть отнесены три

погребения, обнаруженные в 1907 году на Шуралинском прииске Шигирского озера на глубине двух метров под слоем торфа. При одном из костяков лежал кривой нож из лопатки оленя с желобком по выгнутому лезвию, в котором сохранились следы от кремневых пластинок-вкладышей.

НЕОЛИТ И ЭНЕОЛИТ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ. МАТРИАРХАЛЬНАЯ РОДОПЛЕМЕННАЯ ОБЩИНА

Шире, чем памятники мезолитические, известны на Урале памятники следующего культурного этапа — эпохи новокаменного века или неолита.

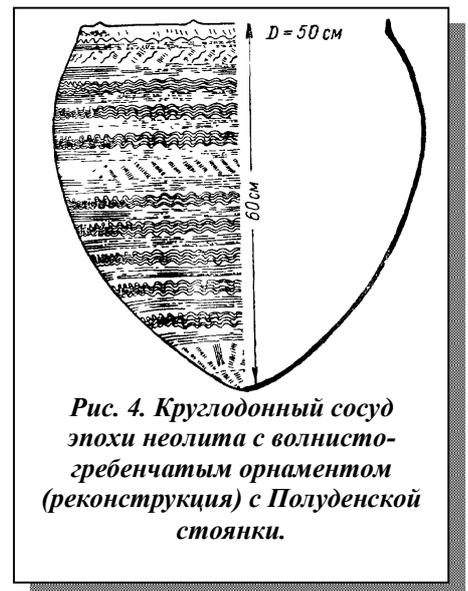
Для изучения исторического процесса, протекавшего на Урале в эпоху неолита и в более позднее время, накоплен достаточно обильный материал. На основании его установлено, что древние местные племена в своем развитии прошли неодинаковый путь.

Начиная с эпохи неолита, археологические памятники можно объединить для каждого этапа общественного развития в несколько территориальных групп. Каждая из этих групп памятников рисует известное своеобразие исторического развития племен данного района Урала.

Общее направление развития племен Урала, независимо от района их обитания, было одинаково, но различия в природных условиях накладывали своеобразный отпечаток. И хотя полного совпадения упомянутых культурных районов древности с географическими зонами нет, границы тех и других довольно близки, и потому удобнее в дальнейшем рассматривать археологические памятники применительно к географическим зонам.

В лесной полосе Среднего Урала в эпоху неолита, энеолита и бронзы обитало по всем данным довольно густое население. Доказательством этого являются многочисленные стоянки, часто обнаруживаемые по берегам рек и озер. Одни из этих стоянок относятся полностью к эпохе неолита, на них находят исключительно каменные орудия. На других, более поздних, появляются редкие металлические изделия. Такие стоянки являются энеолитическими. Наконец, третью хронологическую группу составляют памятники эпохи бронзы. Но бронза, а тем более медь, все же очень мягки. Медные и бронзовые орудия быстро тупились. Их преимущества перед каменными были слишком незначительны и долго не могли вытеснить у лесных племен каменных орудий. Используя богатство своих районов различными горными породами, удобными для обработки, первобытные племена Среднего Урала продолжали изготавливать орудия труда из камня и тогда, когда соседние степные племена полностью вступили в бронзовый век. По имени Шигирского торфяника Свердловской области, где были сделаны наиболее ранние находки этого типа, памятники эпохи неолита и бронзового века на Среднем и в лесной полосе Южного Урала часто называют Шигирскими. Объединяющим для них признаком являлась однородность хозяйства. Совершенствовались орудия труда, люди переходили от каменных к металлическим орудиям, но эти изменения в технике были не столь значительными, чтобы преодолеть зависимость от окружающей природной обстановки. В эпоху энеолита и в эпоху бронзы по-прежнему, как и в эпоху неолита, древний человек Среднего Урала занимался охотой, рыболовством, собирательством дикорастущих плодов и корней.

В эпоху неолита техника первобытных общин достигла больших успехов. Люди

научились изготавливать более совершенные орудия. Правда, в основном они продолжали пользоваться орудиями, сделанными из кремневых пластинок, но наравне с этим изготавливали массу разнообразных каменных наконечников стрел способом двусторонней оббивки.

Широкое распространение получили крупные рубящие орудия: топоры, тесла, которые служили для обработки дерева. Обычно топоры и тесла, а также долота, стамески, приготовляемые из камня, тщательно шлифовались, их лезвия остро натачивались. С такими орудиями люди могли рубить деревья для устройства жилищ, охотничьих и рыболовных загородей и снастей, для выдалбливания лодок-однодеревок.

История лесных племен изучена еще недостаточно, но так как накоплен большой фактический материал, то все же имеется возможность отдельные из открытых памятников отнести к определенному этапу, установить их приблизительную дату.

Наиболее ранней и наиболее изученной нужно признать стоянку на реке Полуденке в

Рис. 5. Обломки глиняных сосудов с неолитической стоянки на реке Полуденке.

12 километрах к западу от города Нижнего Тагила. Глинисто-песчаный культурный слой стоянки занимает невысокую пологую грядку на берегу реки и залегает толщиной в 0,5 метра непосредственно под тонким дерновым слоем.

На стоянке найдено много керамики, обломков остродонных, с прямыми стенками сосудов, типичных для эпохи неолита. Вся внешняя поверхность их, включая дно, покрыта сплошным орнаментом в виде чередующихся поясов, состоящих из горизонтальных прямых или волнистых линий, а также наклонных отпечатков гребенчатого штампа (рис. 4 и 5).

Гребенчатый штамп — плоская галька или кость с рубчатым ребром. Оттиски такого инструмента на сырой глине представляли собой ряд пунктирных линий. По сходству с оттисками, которые оставила бы гребенка, штамп и орнамент им образованный, названы гребенчатыми.

Некоторые из сосудов достигали крупных размеров — до 60 сантиметров высоты. Волнисто-гребенчатая керамика встречается и на других памятниках лесного Среднего Зауралья: на стоянках Исетского озера близ Свердловска, в урочище «Могильцы» близ села Сосновского Покровского района Свердловской области, на озере Чебаркуль в Чебаркульском районе Челябинской области и других. На ряде памятников этого же времени типичным мотивом орнамента являются крупные заштрихованные треугольники или треугольные участки, причем штриховка в соседних участках располагается под углом друг к другу.

Многочисленные орудия труда Полуденской стоянки сделаны только из различных пород камня: из кремня, горного хрусталя, кварца. Ни одного металлического предмета на стоянке не обнаружено. Трудовой инвентарь (разнообразные наконечники стрел, скребки, проколки, ножи, кинжалы) свидетельствует, что обитатели стоянки занимались охотой. Несколько найденных здесь костей лося определяют и объект охоты. Немало найдено здесь и крупных шлифованных орудий, служивших для обработки дерева, — топоров, тесел, вогнутых долот, клиньев.

Раскопками обнаружены остатки мелких полуземлянок прямоугольной формы, углубленных в грунт на 50-70 сантиметров. Вдоль земляных стенок в жилищах оказались канавки шириной 12-25 сантиметров, углублявшиеся ниже уровня пола на 10-20 сантиметров - след вертикально стоявших плах или бревешек, составлявших деревянные стены. В землянке найдены остатки обугленной, обрушившейся крыши, сделанной из нескольких слоев бересты, а под ней на полу жилища — много угля, золы и очагикострища.

Хотя не сохранилось ни одного целого жилища, так как стоянка частично уничтожена карьером, по оставшимся частям землянок можно установить, что площадь жилища равнялась не менее 25 квадратных метров. Поселок состоял из трех жилищ, окруженных оградой из вертикальных бревен. Ямки, в которых стояли бревна ограды, прослежены раскопками. Они были вырыты в окружавшем поселок овальном ровике.

Полуземлянки являлись зимними жилищами. В летнее время население поселка обитало и за пределами ограды, где ставились вероятно легкие летние шалаши. Судя по размерам жилищ и всего поселка в нем могло жить 40-50 человек, которые представляли собой матриархально-родовую общину охотников конца III тысячелетия до нашей эры.

Позднее, в начале II тысячелетия до нашей эры, в орнаментике керамики стали реже применяться украшения из волнистых резных линий, чаще использовались гребенчатые оттиски. Наиболее характерным для этого периода элементом орнамента является так называемая шагающая гребенка. Различные узоры, иногда целые большие участки сплошь заполнялись оттисками гребенки путем передвижения штампа таким образом, что он не отнимался совсем с поверхности сосуда, а поочередно переносился то один, то другой конец его. Этот тип орнамента наиболее широко представлен на стоянке Полуденка II, близ Нижнего Тагила, и на Чебаркульской стоянке, близ поселка Чебаркуль, в Челябинской области.

К середине II тысячелетия до нашей эры на поселениях по берегам озер и рек лесной полосы Урала начали встречаться единичные орудия труда из меди. Новый металл поступал вначале с юга, по всей вероятности, от более развитых степных племен. Отдельные металлические изделия еще не могли изменить неолитического облика местной культуры. Основная масса орудий по-прежнему изготовлялась из камня. Хозяйственный строй также не изменился. И все же наличие редких металлических изделий знаменовало наступление переходного периода от каменного века к бронзовому. Этот переходный период обозначается археологами термином энеолит, что в буквальном переводе значит медно-каменный век. В лесной полосе Урала он падает на середину II тысячелетия до нашей эры.

К эпохе энеолита относится стоянка на озере Кысы-Куль, близ города Миасса, Челябинской области.

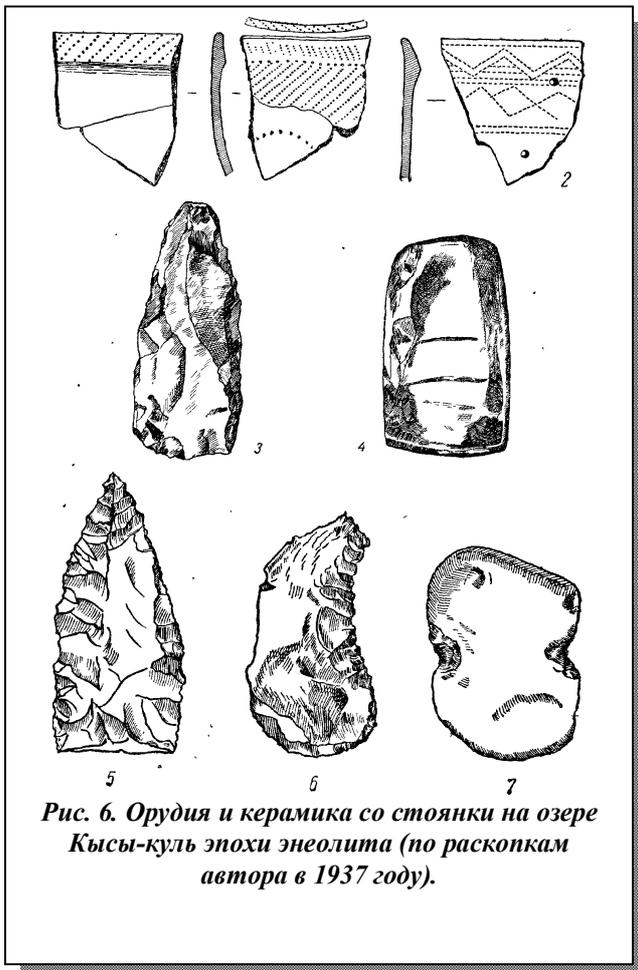
Стоянка на озере Кысы-Куль расположена в устье долинки, выходящей к берегу между двух возвышенностей. Первые находки здесь были обнаружены еще в 80-х годах прошлого столетия.

В 1937 году на стоянке была вскрыта раскопками площадь около 250 квадратных метров. Прибрежная полоса оказалась размывтой. Находки здесь встречаются на поверхности и даже в воде. Выше по берегу они залегают на глубине 25-40 сантиметров.

Находки состоят из разнообразных орудий и поделок из кремня, яшмы, глинистого сланца и других пород камня, единственного предмета из меди - ланцетовидного ножичка — и многочисленных обломков сосудов из глины с примесью толченого талька.

В орнаментации керамики снова происходят значительные изменения. Исчезает «волнистый» орнамент и фигуры, образованные «шагающей гребенкой», столь типичные для неолитической керамики, хотя еще не получили распространения элементы, характерные для более позднего времени — эпохи бронзы. На сосудах энеолитической стоянки на озере Кысы-Куль по-прежнему вся керамика представлена круглодонными сосудами с прямыми стенками. Орнамент в большинстве случаев покрывает всю поверхность сосуда и состоит преимущественно из таких оттисков гребенчатого штампа, которые образуют горизонтальные полосы или зоны, состоящие из горизонтальных или зигзаговидных линий, поясов, наклонных линий, незаштрихованных ромбов (рис. 6-1, 2).

Население стоянки пользовалось массивными топорами (рис. 6-4), маленькими кремневыми ножичками и скребками, а также изящными, хорошо зашлифованными долотцами. Обращают на себя внимание изогнутые кремневые ножи, служившие, видимо, для потрошения рыбы (рис. 6-6).

Каменные орудия изготовлялись здесь же на стоянке. Тут оказались и каменные отбойники, которыми обрабатывались орудия, и песчаные плиты, на которых орудия шлифовались. В раскопе нашли огромный камень. Вся поверхность его была сильно избита, надо полагать, в результате обработки на нем каменных орудий. Вокруг валялась масса осколков — «отходов производства», отдельные орудия, обломки шлифовальных плит и т. п. Этот комплекс находок надо рассматривать как следы мастерской по выделке каменных орудий.

Разнообразные грузила (рис. 6-7) из галек, валунов, кусков талька с желобками для подвязывания к сетям и другим рыболовным приспособлениям указывают на одно из основных занятий населения стоянки — рыболовство.

Важную роль играла в хозяйстве энеолитических поселений лесной полосы Урала и охота. На стоянке Кысы-Куль об этом говорят каменные наконечники стрел (рис. 6-5) да небольшое количество костей диких животных.

Следами жилищ древнего населения стоянки на озере Кысы-Куль являются небольшая яма, несколько ямок от врытых столбов и скопления угля - кострища. Одних этих данных слишком мало для реконструкции жилища, но если учесть материалы других стоянок, близких по времени, то восстановить устройство жилищ того времени можно. Энеолитические обитатели Урала жили в небольших поселках, расположенных непосредственно у воды, в хижинах, слегка углубленных в землю. Крыша жилищ поддерживалась врытыми в пол столбами. В середине хижины помещался очаг в виде ямы, а вдоль стен находились нары. Дым выходил через

отверстие в крыше над очагом.

Описанные стоянки являются береговыми, они представляют собой остатки поселений на берегу озер или рек. В Свердловской области открыт также ряд стоянок, расположенных на торфяниках, которые свидетельствуют о существовании в эпоху неолита, а отчасти и позднее, поселений на заболочивавшихся озерах или болотах.

Большое количество разнообразных предметов, образующих своеобразный и содержательный культурный слой найдено на Шигирском торфянике, но, к сожалению, все эти находки обнаружены случайно во время разработки золотоносного слоя, залегающего под торфом, а не в результате научных раскопок.

Систематические многолетние археологические раскопки велись на торфянике Горбуновском, близ города Нижнего Тагила. Торфяниковые стоянки ценны тем, что торф обладает свойством консервировать и великолепно сохранять материалы, которые в почве уничтожаются бесследно, например дерево. Поэтому культурный слой торфяниковых стоянок значительно дополняет находки на береговых стоянках и позволяет полнее охарактеризовать культуру оставивших их древних племен.

1, 2 - обломки глиняных сосудов; 3 - заготовка каменного топора; 4 - шлифованный каменный топор; 5 - кремневый наконечник стрелы; 6 - кривой нож из кремня; 7 - грузило.

На Горбуновском торфянике исследования велись в нескольких пунктах, из них

Рис. 7. Деревянный ковш с рукояткой в виде головки гуся из Горбуновского торфяника.

самые обширные на так называемом «шестом разрезе». Здесь мощность слоя торфа доходила до 2,8 метра, а под торфом залегал слой ила-сапропеля. Культурные остатки обнаружены в трех горизонтах. Самый нижний слой находок оказался на границе торфа и сапропеля, уходя в сапропель. Второй слой на 0,5-0,7 метра выше нижней границы торфа, в

его толще. Третий, слабый, менее насыщенный находками, — еще выше.

Кроме изделий из камня и кости, а также керамики, которые однотипны с находками на одновременных береговых стоянках, при раскопках на шестом разрезе, в особенности во втором (среднем) слое, найдено много деревянных вещей и остатков деревянных сооружений: жерди, обломки дерева, большое количество щепы, несколько крупных сланей из жердей, достигавших длины 6 метров при ширине в 2 метра. Возле сланей оказались брусья с отверстиями на концах, в некоторых отверстиях - остатки вставленных заостренных кольев.

Полностью установить характер бывшего здесь сооружения не удалось. Несомненно, что это следы какого-то крепления недостаточно твердой поверхности, на котором располагались древние обитатели. На настилах местами обнаружена глиняная обмазка, на ней разводился в древности огонь. Найдены также распластанная поверх настила береста, в которой можно предположительно видеть остатки такой же крыши, какая была прослежена на береговой стоянке Полуденка I.

Слой со сланями содержал и другие изделия из дерева: ковши и ложки с ручками, вырезанными в виде головок гуся или утки (рис. 7)...грубые условные изображения фигур птиц, обломки грубых изображений человека — идолов (рис. 8).

Аналогичные находки сделаны в другом пункте Горбуновского торфяника на так называемой «Стрелке». И здесь в культурном слое сохранились не только каменные орудия, но и изделия из дерева. Вскрыты участки настила из бревен, служившего для укрепления болотистого берега, на котором располагалось древнее поселение. Тут же найдены отдельные, не входящие в какое-либо сооружение слепки и балки. Над деревянным сооружением оказался слой из щепы, кусков обработанного дерева, частей досок. Возле настила найдены однополосные санки длиной в 2,3 метра. Они представляли собой как бы широкий тонкий полоз с корытообразным углублением через всю длину и отверстиями, идущими с обеих сторон по краям. Наоборот, отверстий для копыльев нет. Следовательно мы имеем в данном случае не часть саней, а полные однополосные санки, на которых груз, добыча охотников, перевозился вручную или при помощи собачьей упряжки. Такого типа санки известны у ряда лесных охотников севера Европы и Азии.

Торф сохранил также обломки деревянных сосудов, грузила и поплавки, большое количество костяных и роговых мотыг. Одни из мотыг были снабжены для удобства сцепления с рукояткой выступами с двух сторон, другие - пяткой для упора (рис. 9-7, 8).

Найдены здесь и каменные орудия: кремневые и сланцевые топоры, резцы, скребки, ножи, наконечники стрел, обломки шлифовальных плит.

И на торфяниковых стоянках находки указывают на охотничье-рыболовецкий характер деятельности их обитателей.

Как и береговые стоянки, поселения на торфяниках относятся к одной эпохе, но не являются вполне одновременными. Наиболее древними, датирующимися третьим тысячелетием до нашей эры, надо признать Горбуновские стоянки, представленные находками на «Стрелке» и в нижнем слое шестого разреза. К началу и середине второго тысячелетия относится второй слой на шестом разрезе и ряд других. С этими более поздними поселениями связываются находки в торфяниках редких металлических изделий.

До 1938 года на Урале и в Зауралье не было известно ни одного погребения эпохи неолита или энеолита, несмотря на многочисленность здесь неолитических поселений. Где и как погребали своих умерших обитатели этих стоянок?

В 1938 году при исследовании Бурановской пещеры археологической экспедицией Челябинского областного музея и Института истории материальной культуры Академии наук СССР сотрудники экспедиции натолкнулись в верхних слоях этой пещеры на оригинальное женское погребение типа, до того совершенно неизвестного на Урале. Костяк женщины лежал на спине в вытянутом положении головой к югу. Череп помещался в специально вырытой ямке глубиной 10 сантиметров, заполненной красной охрой. В области таза и ног оказалось 35 подвесок в виде плоских пластинок из зеленого змеевика овальной формы; у всех пластинок одна из поверхностей тщательно отшлифована. Привески снабжены отверстием для прикрепления к одежде женщины.

В следующем 1939 году в том же районе на стоянке неолитического времени в скалистом навесе Старичный гребень было обнаружено второе погребение подобного рода.

Эти погребения, пока единственные, связывают неолитические памятники Южного Урала с могильниками того же времени, ранее открытыми и хорошо изученными в лесной полосе европейской части СССР и Сибири. Сходные по характеру погребения обнаружены на Оленьем острове Онежского озера. Другой подобный могильник известен в Вологодской области на правом берегу реки Еломы в урочище Караваиха. В обоих пунктах при погребениях так же, как и на Южном Урале, применялась присыпка красной охрой. С другой стороны, в неолитических могильниках Сибири на реке Ангаре мы видим тот же тип погребений с окраской охрой и даже с привесками на нижней части костяка. Таким образом, южноуральский неолит является составной частью памятников,

оставленных на огромной территории лесной полосы нашей страны многочисленными первобытными племенами, стоявшими на одинаковом уровне культурного развития. Однородность природных условий, экономики и социального строя и, по-видимому, этническая родственность, обусловили на такой большой территории близость в основных чертах материальной культуры, как она представляется нам по сохранившимся до наших дней остаткам.

Был ли открытый в пещерах Бурановской и Старичном гребне обряд погребения неолитического населения единственным или существовали одновременно другие способы захоронения по имеющимся в нашем распоряжении данным — судить трудно. Можно предполагать, что, поскольку до сих пор нигде на Южном Урале неолитические могильники не встречались, описанный погребальный обряд не был господствующим. Видимо, в большинстве случаев умерших хоронили способом, который исключал сохранение следов погребения до наших дней. Из этнографии известно, что некоторые племена Сибири оставляли своих покойников на поверхности или помещали на деревьях. Такой вид захоронения мог применяться и древним неолитическим населением Урала, чем и можно объяснить странный факт отсутствия могильников. Находки на описанных выше стоянках дают возможность сделать заключение, что человек эпохи неолита и энеолита в лесной полосе Урала умел выделывать разнообразные специализированные каменные, костяные и деревянные орудия и оружие. Он мастерски обрабатывал дерево, лепил из глины и богато украшал сосуды, был знаком с прядением волокнистых веществ, вязанием сетей.

На выделку орудий шел, прежде всего, кремь и кремнистый сланец. На Урале для этой цели употребляли также яшму, кварц и даже хрусталь. Крупные орудия делались преимущественно из сланца; прочие породы шли на мелкие изделия.

Изготовление крупных орудий труда: топоров (рис. 9/), долот требовало массу времени. Из большой гальки специальным отбойником приготавливалась сначала болванка, которой придавались общие очертания будущего орудия (рис. 6-3). Следующая стадия была более трудоемкой. На слегка смоченных водой песчаниковых плитах долгим трением зашлифовывались лезвия орудий. Иногда шлифовалась вся поверхность топора или долота. Изумительный по тщательности шлифовки огромный топор длиной 25 сантиметров был найден в 1937 году на хуторе Осьмушка, близ Ленинского прииска, Миасского района. Шлифовались такие топоры годами. Они прикреплялись к рукояткам из дерева.

Производительность труда с появлением шлифованных орудий сильно возросла. Топором с зашлифованным лезвием можно было срубить дерево, отесать кол. Как мы увидим ниже, наличие этих орудий позволило коллективам первобытных рыбаков и охотников строить сложные большие приспособления для ловли рыбы и диких животных.

Широко пользовались орудиями из кости и дерева. Особенно много найдено костяных и деревянных стрел (рис. 9-5, 6). Для каждого вида дичи употреблялись стрелы особой формы. Белку били тупыми стрелами в голову, чтобы не испортить шкурки. При

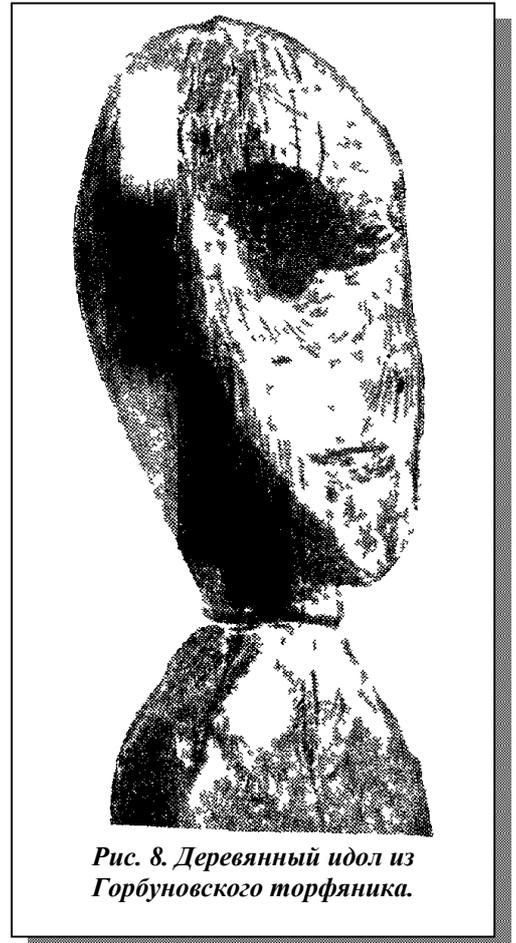

Рис. 8. Деревянный идол из Горбуновского торфяника.

охоте на водяную птицу применялись стрелы с наконечником в виде развилки.

Самыми распространенными находками на неолитических поселениях являются обломки глиняной посуды. Сосуды этого времени имели вид полуяйца с острым дном. Такие горшки можно было поставить только втиснув дном в песок, золу или подперев камнями. Это вполне соответствовало быту неолитического населения, которое не знало столов, а пищу приготавливало на очагах — кострах. Глиняная посуда играла большую роль в быту того времени. Она служила не только для приготовления пищи, но и для хранения съестных продуктов. Глиняные сосуды спасали запасы от уничтожения мышами. Разнообразием функций сосудов и объясняется разнообразие их размеров — от маленьких горшков до корчаг высотой в 60-70 сантиметров.

Домашнее хозяйство находилось в руках женщин, и все необходимое для его ведения, в том числе и глиняная посуда, изготовлялось ими же. Неолитические сосуды на поселениях Урала лепились так называемой ленточной техникой. Пальцами из куска глины формовалась небольшая чашечка, на которую затем спиралеобразно наращивались неширокие глиняные ленты.

Для обезжиривания глины и предохранения сосудов от растрескивания применялись различные примеси. Черепки на зауральских стоянках часто содержат в своей массе зерна измельченного талька, от примеси талька поверхность их делается блестящей и жирной на ощупь. Обжигались сосуды прямо на кострах. От неравномерной закалки получалась пестрая окраска один бок оказывался серым, другой темно-красным, а местами почти черным.

На хорошо сглаженную поверхность горшков еще до обжига наносился сложный орнамент, покрывающий часто всю поверхность, включая и дно. Он состоял из нескольких поясов, охватывающих тело сосуда и расположенных один над другим. Пояса заполнялись разнообразными элементами: треугольниками, уголками, ромбами, горизонтальными прямыми, зигзагообразными и волнистыми линиями и т. п.

Наносился орнамент преимущественно гребенчатым штампом. На Урале и в Зауралье он характерен для неолита и эпохи бронзы. Вместе с тем встречается орнамент резной, который наносился заостренной костью или палочкой.

Благодаря торфяникам, на Урале, как нигде, сохранилось много деревянных изделий, большинство которых относится к рассматриваемой нами эпохе. Здесь и орудия труда, и другие предметы производственной деятельности, и произведения искусства. Поскольку многие деревянные изделия в торфяниках найдены случайно при разработке торфа, а не во время научных раскопок, то условия обнаружения их часто не ясны. Поэтому некоторые из описываемых деревянных изделий могут относиться и к более позднему времени — эпохе бронзы.

В торфяниках найдены луки, разнообразные наконечники стрел, несколько весел, полоз от нарт, часть лодки-однодеревки, лыжи, палки-копалки для вырывания корней (рис. 9-10), ковши, ложки, предметы кулма — «идолы», изображения животных для совершения магических действий и т. п. Обнаружено было много деревянных палок, заостренных с одного конца. Они снабжены педалями для нажима ногой при рытье. Некоторые из копа-ток настолько малы, что могли употребляться только детьми. Палками-копалками вырывали съедобные корни и пользовались при различных земляных работах: рытье землянок, ловчих ям и т. п., поскольку металлических лопат еще не было. Уже одно перечисление деревянных изделий говорит о высоком мастерстве, которым обладал неолитический человек Урала в обработке дерева.

Как видно из находок, обнаруженных в Шигирском и Горбуновском торфяниках, рыбаки в то время уже пользовались лодками-однодеревками. Лодки изготовлялись из целого бревна, у которого выжигалась середина, и отделялись каменными топорами, теслами и долотами. В тех же торфяниках обнаружено много весел — целых и в обломках.

Наконец, благодаря находкам на торфяниках, можно утверждать, что у охотничье-рыболовецких племен Урала эпохи неолита и ранней бронзы весьма высоко стояло искусство. Торфяники сохранили большое количество предметов искусства, вырезанных из дерева и рога.

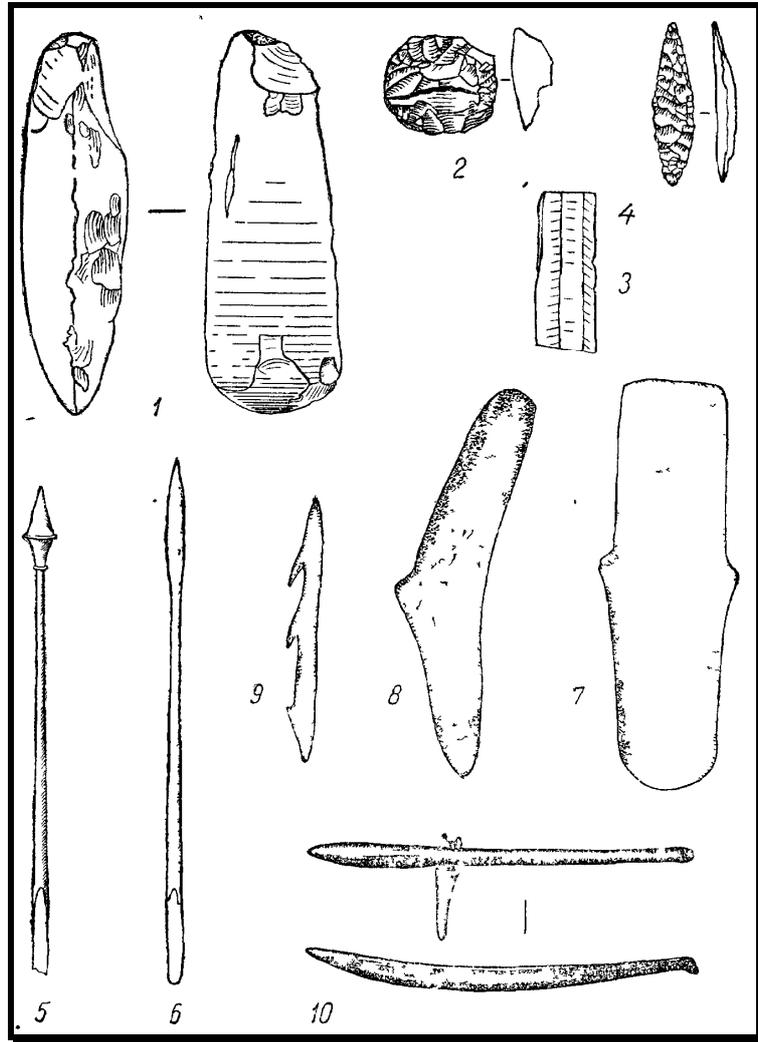

Рис. 9. Неолитические орудия из камня, кости, рога и дерева.

1 - каменный шлифованный топор; 2 - кремневый скребок, 3 - ножевидная кремневая пластинка. 4 - кремневый наконечник стрелы, 5, 6 - костяные наконечники стрел, 7, 8 - мотыги из рога; 9 — гарпун из рога, 10 — деревянная палка-копалка с педалью (1-4 - стоянка на р. Полуденке, 5, 6, 10 - Шигирский торфяник, 7-9 - Горбуновский торфяник)

Резная скульптура уральских торфяников дает две группы изображений. К первой группе относятся ковши, ложки и другие предметы утвари, исполненные в виде реалистических изображений утки, гуся, лебедя, лося. Другая группа дает условные, схематические, грубо вырезанные фигуры человека, птиц и животных.

Первобытное искусство было тесно связано с культом. Оно обслуживало религиозные обряды и магические действия. Если нельзя безоговорочно утверждать, что деревянные ковши и ложки, ручки которых выполнены в виде головок водоплавающих птиц, а черпаки в виде тела этих птиц, являются предметами религиозного назначения, то две деревянные статуэтки, найденные на Горбуновском торфянике, не оставляют сомнения в их назначении.

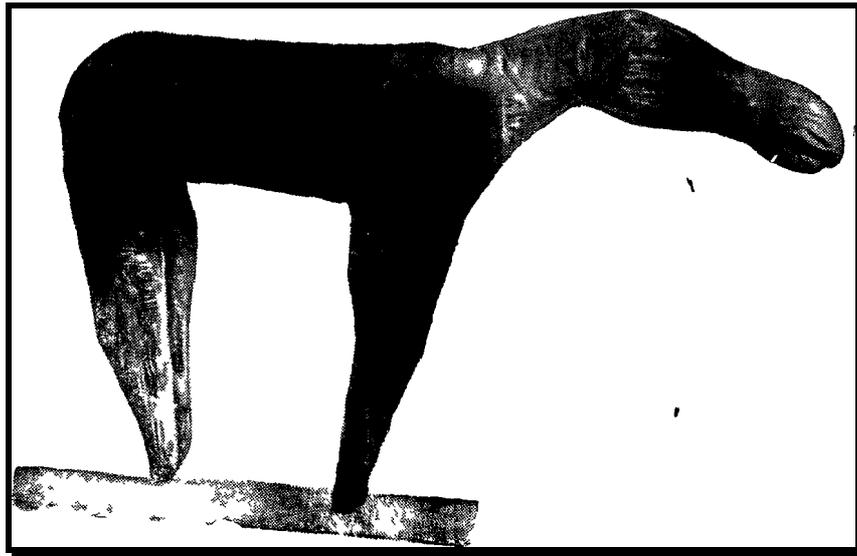

Рис. 10. Деревянная фигурка лося из Горбуновского торфяника.

Статуэтки представляют собой фигурки лося длиной одна 24, а другая 29 сантиметров (рис. 10). Тело лосей, и в особенности голова первого (у второго голова не сохранилась), выполнены с большой тщательностью и реализмом и, наоборот, ноги затесаны как колышки. Нет сомнения, что эти изображения укреплялись огами в земле. Во всю длину спины у обеих фигур выдолблены углубления в виде корытцев.

Из этнографии известны практикующиеся у ряда отсталых народов магические обряды, предшествующие 'большой охоте. Австралийцы, например, чертят на песке изображение кенгуру и бросают в него копья, «убивают» его. Этот магический обряд, по их мнению, обеспечивает удачную охоту. Из тех же соображений некоторые сибирские охотничьи народы, а именно: вилуйские якуты, сымские эвенки и удэ, «убивают» изображения животных з специально для этой цели приготовленных луков. Характерно, что в толще торфа, где найдены фигурки лося, оказались луки настолько маленького размера, что их трудно даже счесть детскими игрушками. По всей вероятности они также служили для магического «убиения» описываемых изображений лося.

Легкий обжиг на одной из фигурок и вырезы на спинах вызывают предположение, что статуэтками пользовались при жертвоприношениях, заменяя ими настоящих животных, причем корытца в спине служили для помещения жертвенного дара — крови или кусочков мяса животного. По окончании жертвоприношения копии животных выбрасывались, следовательно, как бы уничтожались.

Магические действия требуют максимального сходства изображения животного с подлинником. Иначе бог, которого молят дать удачу в охоте, может ошибиться, какое животное послать под стрелу своих почитателей. Отсюда — реалистичность в выполнении фигурок лося. Следовательно, и ковши, не менее реалистично ередающие фигуры птиц, имели, вероятно, какое-то отношение к религиозно-магическим обрядам.

Резные деревянные скульптуры второй группы, в отличие от описанных, характеризуются схематизмом в изображении. Наиболее интересными из них являются деревянные «идолы» — грубые изображения человека.

Чтобы дать о них представление, опишем «идола», найденного в 1931 году на Горбуновском торфянике. Он имеет длину 1 метр 25 сантиметров и сделан из обрубка сосны. Длинное туловище без рук грубо отесано, не удалены даже выступы сучков. На тонкой шее сидит яйцеобразная голова, вырезанная более тщательно, чем туловище, но черты лица очень схематичны.

Несоразмерно короткие ноги несколько согнуты в коленях и заканчиваются такими

же заострениями в виде колышков, как у лосей. У других «идолов» ноги вообще отсутствуют. Найдены такие же грубые изображения птиц и животных.

Нельзя сказать, чтобы общество, оставившее нам деревянную скульптуру, не имело развитого искусства. Ковши-птицы вполне могут быть названы художественными произведениями. Значит, причина грубости обработки «идолов» кроется в другом. «Идолы», несомненно, имели одежду, и уже поэтому не было необходимости тщательно отделять туловище. Но как же голова, черты лица? Вероятно, здесь сказался консерватизм религии, традиции, которые крепко держатся в области культа. Установившаяся издревле традиция требовала придачи некоторым священным предметам определенных очертаний, отклонение от которых якобы влекло за собой утерю чудесных магических свойств этим изображением.

С другой стороны, не исключена возможность, что наиболее важные предметы культа изготавливались не искусными резчиками, а людьми, ближе других стоящими к божеству старейшинами, которые могли совсем не обладать художественным чутьем и умением.

«Идолы» и другие предметы, рассматриваемые нами как принадлежности культовых обрядов и церемоний, были найдены на Горбуновском торфянике, в районе обнаруженного здесь сооружения из бревен. Сооружение представляло собой площадку, расположенную на некотором расстоянии от берега, от которого к ней шел узкий настил из жердей. Вся обстановка этого комплекса находок говорит, что здесь открыты остатки свайной постройки, сооруженной на заболачивающемся озере. По мнению исследовавшего в течение ряда лет Горбуновские стоянки профессора Д. Н. Эдинга, постройка служила для совершения культовых обрядов, жертвоприношений и магических церемоний, после окончания которых использовавшиеся в них резные деревянные изображения животных, птиц, а может быть и человека, выбрасывались на дно озера.

Основой хозяйства населения лесной полосы Урала в описываемое время были охота и рыболовство. Это видно по составу производственного инвентаря и пищевых отходов, обнаруженных на местах поселений. Здесь находят кости диких животных, скопления рыбьей чешуи. Чаще всего встречаются кости лося, затем медведя. Эти животные являлись главным объектом охоты. Охота и рыболовство было делом мужчин. Женщины же и дети по-прежнему занимались собирательством. Есть основания в палках-копалках видеть земледельческие орудия. Подобными орудиями некоторые отсталые племена Океании в недавнем прошлом возделывали свои крохотные поля. Шигирские племена могли пользоваться этими орудиями для той же цели. Если это действительно так, то тогда наравне с охотой, рыболовством и собирательством надо считать еще одну отрасль производственной деятельности человека того времени — примитивное зачаточное палочное земледелие. Последнее развивается обычно на базе собирательства — занятия женщин. Поэтому и первыми земледельцами повсюду становились женщины.

Природа не баловала первобытного человека. Озера, реки, леса и горы таили в себе массу богатств, но взять их можно было только упорным повседневным трудом. Вне коллектива одиночка-охотник или рыбак, даже целая семья со своими примитивными орудиями и оружием, неизбежно погибли бы в борьбе с суровой природой. Только общими усилиями, только коллективным трудом на благо всех, возможно было существование.

Население каждого поселка охотников и рыболовов в это время не превышало нескольких десятков человек, которые находились в родстве друг с другом. Они составляли родовую общину с общим для всего поселка хозяйством.

«Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы собрать плоды в лесу, наловить рыбу в воде, построить какое-либо жилище, люди вынуждены работать

сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ. Общий труд ведет к общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Здесь не имеют "еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с, тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплуатации, нет классов»^{30[1]}.

По одним археологическим данным нам трудно установить все подробности производственной деятельности населения того времени. Но если проследить, как охота и рыболовство ведется или велась в недавнем прошлом у первобытных народов, которые по уровню общественного развития были близки к древнему населению Урала и жизнь которых наблюдали современные нам исследователи, то можно составить довольно полную картину.

Неолитический охотник был неплохо вооружен. Теперь он уже не ограничивался, как в палеолите, копьем и дубиной. Был изобретен лук, который произвел целый переворот в охотничьем промысле. Нам трудно понять все значение этого изобретения. Вооруженный луком охотник мог поражать животное на большом расстоянии. Добычливость увеличилась в несколько раз.

Помимо лука и стрел у охотника были каменные и костяные кинжалы и ножи, которыми он прикалывал подстреленную дичь и обрабатывал тушу убитого животного. Зимой он пользовался лыжами. Образцы лыж того времени найдены в торфяниках Свердловской области. Охотникам помогали прирученные собаки. Возможно они запрягались в легкие санки, известные из находок в торфяниковых неолитических стоянках Урала.

Излюбленным объектом охоты был лось. Он давал много мяса для пищи, кожи для обуви и одежды. Рога и кости шли на изготовление орудий труда, оружия, домашней утвари.

Широко, должно быть, применялся способ охоты загонем по насту. При этом способе охотники-лыжники с собаками гнали лося по снегу, покрытому свежей тонкой корочкой льда, образовавшейся при оттепели. Животное проваливалось в снег, ранило ноги льдом, а лыжники и собаки легко настигали его. Первобытные народы часто ведут охоту загонем в специальные ловушки. Для этого ставятся две длинные изгороди под углом друг к другу, которые тянутся на многие километры и сходятся затем в одной точке, где вырываются ловчие ямы. Эти работы подильны только большому коллективу.

Рыболовство также велось коллективно. Ставились крупные сети, делались так называемые заколы в устье маленьких речек, ручьев, в протоках между двух озер. Заколы представляли собой изгороди из вбитых в дно кольев, между которыми оставались только узенькие проходы. В них под водой укреплялись сплетенные из прутьев ловушки для рыбы — «морды».

При всей примитивности орудий труда неолитические первобытные общины охотников и рыболовов умели обеспечить свое существование.

Развитие производительных сил по сравнению с эпохой палеолита обеспечило больший успех в охоте, но большое значение по-прежнему имело собирательство съедобных кореньев, плодов, трав, находившееся в руках женщины. Благодаря труду женщин, которые поставляли продукты питания более регулярно, чем охота, община и в моменты охотничьих неудач спасалась от голода.

Кроме того, в добычливые сезоны охоты и рыбной ловли женщины обеспечивали сохранение, консервирование (сушка, вяление, копчение и т. п.) продуктов про запас на голодные периоды года.

В руках женщин из поколения в поколение оставалось домашнее хозяйство, игравшее в истории первобытных общин этого периода большое значение. Все это закрепляло высокое почетное положение женщин в обществе.

На смену групповому браку пришла другая форма семейно-брачных отношений — парный брак. Он отличался от позднейшего моногамного брака тем, что при нем сохранялись пережитки группового брака: кроме основного мужа и жены каждый мужчина и женщина могли иметь дополнительных мужей и жен. Кроме того, моногамная семья является экономической единицей, ведет индивидуальное самостоятельное хозяйство, а при парном браке хозяйство ведется более крупной единицей — родовой общиной. И при парном браке сохранялось правило, по которому в брак могли вступать лица, принадлежавшие к различным родам. Основу родовых общин составляли женщины, вследствие их большой роли в хозяйстве. Мужья их были пришельцами из других родов. Дети поэтому относились к роду матери, счет родства велся по женской линии. Такой род называется материнским или матриархальным. Несколько родов были объединены в племя, владевшее определенной территорией, границы которой были хорошо известны и соседним племенам. На этой территории протекала вся хозяйственная деятельность данного племени. Так выглядела структура первобытного общества в эпоху неолита и энеолита, когда первобытнообщинные отношения достигли своего наивысшего развития.

НЕОЛИТ И ЭНЕОЛИТ СТЕПИ И ЛЕСОСТЕПИ. МАТРИАРХАЛЬНАЯ РОДОПЛЕМЕННАЯ ОБЩИНА

Расцвет первобытнообщинных отношений падает повсюду на период матриархальной (материнской) первобытной общины. В степной и лесостепной полосе Зауралья этот период представлен неолитическими и энеолитическими памятниками, изученными хуже, чем в лесном Зауралье. Но картина быта, хозяйственной деятельности и общественных отношений и здесь ясна. Следы обитания первобытных племен эпохи неолита и энеолита в лесостепном Зауралье обнаруживаются, как правило, по берегам рек и озер.

Наиболее ранним памятником этого времени нужно признать стоянку на юго-западном берегу озера Смолино в окрестностях Челябинска. Здесь в 1925 году у самой воды были найдены в большом количестве кремневые отщепы, а также орудия: ножи, проколки, скребки и т. п. Население стоянки невидимому еще не было знакомо с изготовлением глиняной посуды. Никаких следов керамики на Смолинской стоянке не оказалось, что заставляет относить памятник к раннему времени, но не раньше, чем к III тысячелетию до нашей эры. Смолинская стоянка была обнаружена на прибрежной полосе, освободившейся во время необычно низкого уровня воды в 1925 засушливом году. Следовательно, и в древности обитание было возможно здесь только в период засушливости — суббореальный период, начало которого падает на III тысячелетие до нашей эры.

Еще чаще остатки неолитических поселений обнаруживаются на дюнах, то есть прибрежных песчаных холмах. Ветер, а отчасти и вода, разрушает дюны, передвигает песок, и более тяжелые культурные остатки остаются на поверхности. На развеванных таким путем дюнах находят керамику, кремневые ножевидные пластинки, скребки, наконечники стрел и другие каменные орудия. Дюнные поселения в лесостепи известны по берегам реки Исети в ее среднем течении: у города Долматова, у села Могилевского, у села Воробьева, близ Шадринска, а также в низовьях реки Миасс у сел: Барсуково, Долговское, Усть-Миасское и других пунктах. Трудно сказать, существовали ли на дюнах постоянные поселки или здесь были лишь временные сезонные становища, а постоянные жилища где-то в других местах. Вероятнее, что люди жили у воды постоянно. Во всяком

случае были на дюнах и постоянные поселения. Примером такого поселения может служить стоянка «Индеево» близ города Долматова, расположенная на песчаной дюне в пойме реки Исети. Среди густых зарослей кустарника здесь обнаружено около 50 ям глубиной до метра и диаметром до 10 метров. Являясь следами жилых землянок, эти ямы доказывают прочную оседлость обитателей стоянки «Индеево».

По составу находок на дюнах видно, что основным источником существования первобытных общин здесь были рыболовство и охота. Этим определяются и топографические условия, в которых находятся стоянки.

Керамика на всех этих поселениях представлена круглодонными сосудами неолитического типа: со сплошной орнаментацией стенок (рис. 11-4). Орнамент керамики имеет общие черты с орнаментом, который мы видели на неолитических сосудах конца III — начала II тысячелетия до нашей эры в лесном Зауралье. Таковы треугольные площади со заштриховкой гребенчатыми оттисками, идущими в соседних треугольниках под углом друг к другу, волнистые резные пояски (рис 11-5), «танцующая гребенка» и т. п.

В лесостепном Зауралье найдено пока одно погребение этого времени. Обнаружено оно в Курганской области у села Пеган Лопаткинского района. При костяке в могиле оказались положенными каменный шлифованный топор (рис 11-3), костяной нож-кинжал с вставным лезвием из мелких кремешков (рис 11-7), обломок другого костяного орудия и костяная игла для вязания сетей на костяных орудиях - сложный резной орнамент. Состав вещей при покойнике подтверждает охотничье-рыболовецкий характер хозяйственной деятельности неолитических обитателей лесостепного Зауралья.

При всем своеобразии неолитических стоянок лесостепного Зауралья, несомненны родственные связи их обитателей с населением одновременных поселений охотников и рыбаков лесной полосы. Это видно и по однородности ряда элементов орнамента на керамике, и по близости формы костяного ножа-кинжала из погребения у села Пеган к шигирским костяным орудиям.

Поселения этого времени известны также и в степях Южного Зауралья и Приуралья. Они, как и в лесостепном Зауралье, открыты преимущественно на прибрежных дюнах или низких береговых террасах.

Несколько таких стоянок найдено в 1950 году на берегах реки Малый Кизыл, правого притока реки Урала, в районе города Магнитогорска. Известны они и ниже по течению реки Урала, в устье реки Суундук, у поселка Таналыкского, в Чкаловской области, а также на реке Киимбай к югу от города Орска и на реке Самарке у села Палимовки, близ города Бузулука, на западе Чкаловской области.

Одни из стоянок дают находки только в виде кремневых изделий, на других обнаруживается и керамика. В состав кремневого инвентаря входят наконечники стрел, нуклеусы, скребки и особенно часто мелкие кремневые пластинки, которые в археологии получили наименование микролитов. Микролиты служили в качестве лезвий-вкладышей в костяные и деревянные основы крупных орудий (рис 11)

Глиняные черепки с этих стоянок относятся к сосудам типа, встречающегося в курганах с погребениями древнеямной культуры конца III - начала II тысячелетий до нашей эры. Такое сочетание находок в частности обнаружено на дюнах реки Самарки в районе города Бузулука.

Таким образом устанавливается, что два вида памятников (стоянки с микролитическим инвентарем и древнеямные курганы) оставлены племенами одной культуры.

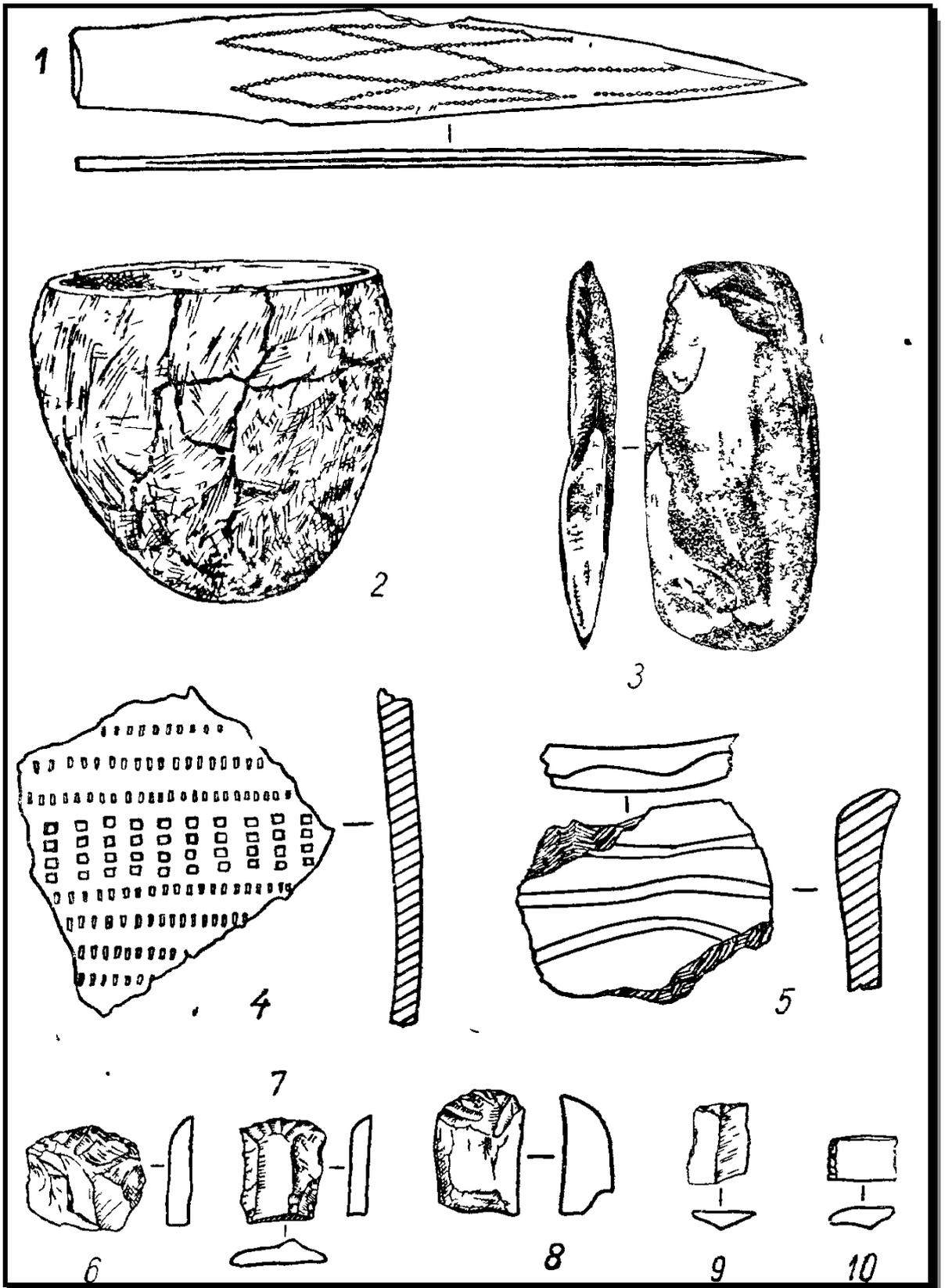

Рис. 11. Предметы эпохи неолита и энеолита степи и лесостепи.

1 — костяной кинжал; 2 — глиняный сосуд; 3 — каменный шлифованный топор; 4 — обломки глиняных сосудов; 6—8 — кремневые скребки; 9,10 — кремневые лезвия к костяным орудиям (1, 3 - погребение у села Пеган; 2 — курган у совхоза Березняки; 4,5 — стоянка Черняковский брод на р. Малый Кизыл; 6—10 — стоянка на р. Суундук).

Древнеямные погребения, хорошо изученные в степях Нижнего Поволжья и Причерноморья, характеризуются следующими чертами. Могильные ямы прямоугольной формы покрыты сверху бревнами, плахами или жердями. На дне могилы скелеты лежат на спине. Руки вытянуты вдоль туловища или положены на живот или таз. Ноги согнуты коленями вверх, ступни поставлены параллельно. Позднее ноги в могиле сваливались вправо или влево. Иногда покойники помещались в могилу в сидячем положении. При таком погребении кости скелета во время раскопок обнаруживаются в виде беспорядочной груды. Головой скелеты обычно ориентированы на северо-восток, но встречается и другое направление. Часто дно могилы и сам покойник посыпались красной краской, отчего кости находятся окрашенными в красный цвет. В большинстве могил, какие бы то ни было, вещи отсутствуют. В редких случаях в них обнаруживаются глиняные сосуды с круглым дном, бронзовые ножи и шилья.

Первое древнеямное погребение в Южном Приуралье было раскопано в 1923 году проф. В.В. Гольмстен к западу от города Бугуруслана, у совхоза Березняки, Чкаловской области. В могильной яме оказалось парное погребение: костяки мужской и женский, расположенные головой к северо-востоку. Оба костяка лежали на спине с согнутыми вправо ногами. Возле головы мужчины был поставлен маленький круглодонный сосудик-чашечка. У головы женщины также стоял круглодонный сосуд и лежали раковина и кусок камня, похожий на каменный топор. Костяки лежали на слое бересты, под которой дно могилы было густо посыпано красной краской. Сосуд возле женского костяка имеет вполне неолитическую форму, но в отличие от неолитических лишен орнамента (рис. 11—2).

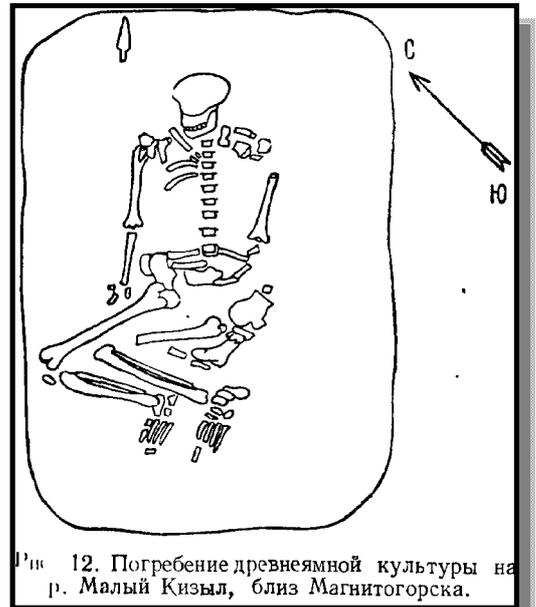
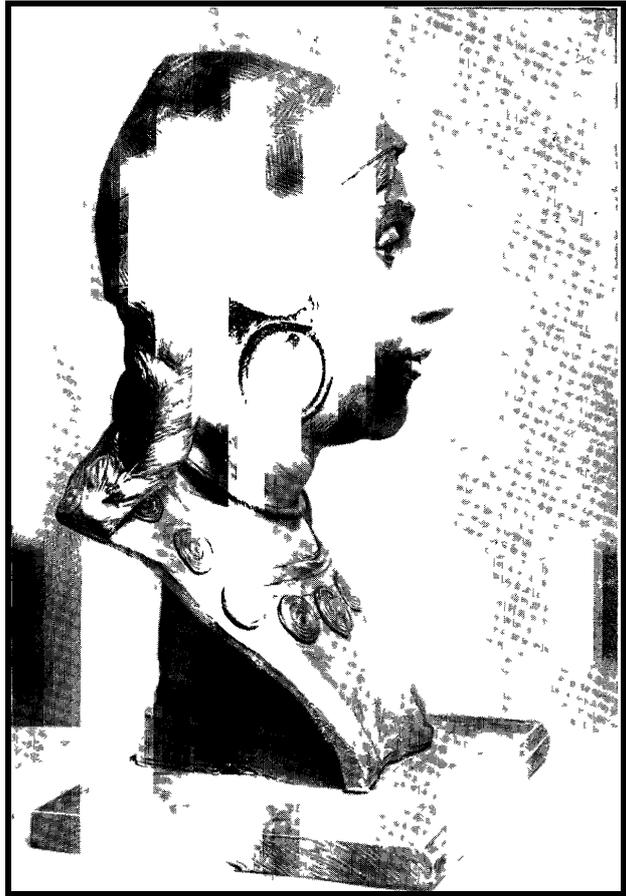

Рис. 12. Погребение древнеямной культуры на р. Малый Кизыл, близ Магнитогорска.

Подобные погребения были найдены в 1949 и 1950 годах в курганах в районе Магнитогорска, на левом берегу реки Малый Кизыл, близ поселка Супряжского балластного карьера. И здесь одни костяки были положены на спину с приподнятыми в коленях ногами, другие лежали на боку (рис. 12). Из пяти открытых здесь могил, только в одной были найдены два предмета: бронзовые нож и шило.

Для древнеямных погребений, которые шире изучены в соседнем Нижнем Поволжье, находки металлических предметов — редкое явление. Металл в это время и в степях еще не получил широкого распространения. В конце III — начале II тысячелетия до нашей эры степные племена только начали знакомиться с этим новым материалом. Поэтому и степные племена описываемой эпохи надо рассматривать как племена энеолитические.

Необходимо подчеркнуть характер хозяйства обитателей дюнных стоянок в степи и лесостепи, отличающийся от экономики лесных племен того же времени. Если в лесу, как это мы видели на примере стоянки на реке Полуденке, в это время основным источником существования была охота, то в лесостепи и особенно в степи преобладало рыболовство. Если многими чертами своей культуры неолитические племена лесостепного Зауралья сближаются с обитателями леса эпохи неолита, то степные неолитические племена, бесспорно, относятся к другой этнической группе, выявляя родственность с обитателями северного Казахстана и Среднего и Нижнего Поволжья.

ЧЕЛОВЕК АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Реконструкция лауреата Сталинской премии М. М. Герасимова по черепу из могильника у с. Алексеевки близ г. Кустаная.

ЭПОХА БРОНЗЫ В СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЕ ПАТРИАРХАЛЬНАЯ РОДОПЛЕМЕННАЯ ОБЩИНА

В начале II тысячелетия до нашей эры в жизни племен степной и лесостепной полосы Урала происходят крупные перемены. Люди приручают животных и переходят от охоты и рыболовства, как основных занятий, к скотоводству и земледелию. Охота становится подсобным занятием, имеющим совсем незначительный удельный вес в хозяйстве.

Когда люди добывали себе питание охотой и рыболовством, условия лесной полосы были для жизни первобытного населения более благоприятными. В лесу было много зверя, дичи, съедобных растений, ягод, орехов, корней, грибов.

Степная природа беднее для охоты и собирательства. Неолитические и энеолитические племена зауральских и приуральских степей были поставлены в области хозяйства в худшие условия, чем племена лесной полосы, и принуждены были основной отраслью своей хозяйственной деятельности сделать рыболовство, а не охоту.

С переходом к скотоводству и земледелию роли поменялись. Для новых видов хозяйственной деятельности степные условия оказались более благоприятными. В степях быстрее развилось животноводство, как основное занятие. Скотоводческие племена выделились из среды звероловческих племен. Происходит первое крупное общественное разделение труда. Стада давали постоянный запас пищи. Размножаясь, они увеличивали

богатства первобытных общин. Более обеспеченные степные племена получили возможность выделить рабочее время и силы для разработки рудных богатств своей территории. В Приуралье и Южном Зауралье таким богатством были, прежде всего, залежи медных руд, на основе которых быстро развивается первобытное горное дело и металлургия. Степные племена переходят из неолита в век бронзы. На основе первого крупного общественного разделения труда, которое привело к существованию на соседних территориях двух групп племен с различным хозяйственным строем, неизбежно развивается регулярный обмен, что способствует усилению общения между племенами, а в степной полосе, где не было естественных преград для передвижений, складываются крупные племенные объединения с единой культурой.

Происходят крупные сдвиги в общественном строе и в форме семейно-брачных отношений. Так как изменилось значение труда мужчин и женщин, они поменялись своими ролями в экономике, совершается переход от матриархального родового строя к патриархально-родовому устройству. Матриархально-родовая община, бывшая до сих пор основной хозяйственной единицей, заменяется хозяйством большой патриархальной семьи.

«Промысел всегда был делом мужчины,— говорит Ф. Энгельс,— средства для промысла изготовлялись им и были его собственностью. Стада были новыми промысловыми средствами; их первоначальное приручение, а позднее уход за ними были делом мужчины. Поэтому скот принадлежал ему; ему же принадлежали и полученные в обмен на скот товары и рабы. Весь; избыток, который теперь давал промысел, доставался мужчине; женщина участвовала в потреблении его, но не имела доли в собственности. «Дикий» воин и охотник довольствовался в доме вторым местом после женщины, «более кроткий» пастух, чванясь своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе. И она не могла жаловаться. Разделение труда в семье служило основанием для распределения собственности между мужчиной и женщиной; оно осталось тем же самым и, тем не менее, оно совершенно перевернуло существовавшие до того домашние отношения исключительно потому, что разделение труда вне семьи стало другим. Та самая причина, которая прежде обеспечивала женщине её господство в доме — ограничение её труда работой по дому, — эта самая причина теперь утверждала господство мужчины в доме; домашняя работа женщины утратила теперь своё значение по сравнению с промысловым трудом мужчины; его труд был воем, её работа — незначительным придатком»^{31[1]}. «С утверждением фактического господства мужчины в доме пали последние преграды к его единовластию. Это единовластие было подтверждено и увековечено ниспровержением материнского права, введением отцовского права, постепенным переходом от парного брака к моногамии. А это создало трещину в древнем родовом строе: отдельная семья сделалась силой, и притом грозной силой, противостоящей роду»^{32[2]}.

В степной и лесостепной полосе Приуралья и Зауралья, несмотря на одинаковые природные условия и одинаковый характер хозяйственной деятельности, археологическими исследованиями установлены две бронзовые культуры: андроновская и срубно-хвалынская.

АНДРОНОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Степь и лесостепь в Зауралье были заселены в XV—VIII веках до нашей эры племенами андроновской культуры. Эти племена занимали огромные пространства — от Урала на западе до Енисея на востоке, от реки Исети на севере до Средней Азии на юге. Таким образом, Южное Зауралье и Приуралье представляли собой лишь северо-западную окраину этой территории. Свое название памятники андроновской культуры получили от села Андропова, расположенного к югу от Ачинска на реке Енисее, возле которого она была обнаружена впервые. Оседлый характер быта андроновских племен совершенно бесспорен. Хотя основная масса памятников, на основании которых изучена андроновская культура, представляет собой могильные сооружения, известно немало и андроновских поселений. Поселения открыты и изучены исключительно в Зауралье. В более восточных областях следы культурных слоев андроновской эпохи найдены лишь на дюнах в развеечном состоянии.

Андроновские селища Зауралья, открытые в Челябинской области по верхнему течению реки Урала у сел Спасского, Алексеевки, Агаповки, в окрестностях Магнитогорска, а также на маленькой речке Вахте в Нагайбакском районе и в более северных районах: на реках Караболке и Синаре, в Буринском и Багарякском районах, на реке Исети в Шадринском районе, располагаются не на дюнах, как стоянки рыбаков и охотников предыдущей эпохи, а на краю надпойменной террасы. Правда, случается, что и андроновские селища оказываются среди поймы, даже на заливаемых весенними водами участках, но такое неудобное, казалось бы, их расположение легко объяснимо. Дело в том, что для времени, когда в Зауралье обитали андроновские племена, были характерны, как установлено археологами, почвоведом и другими специалистами, другие, отличные от современных природные условия. Это время совпадает с тем периодом в истории климата, который известен под наименованием суббореального или ксеротермического. Более высокая среднегодовая температура и пониженная влажность приводили к тому, что вода в реках не выходила из своих коренных летних берегов; весенние разливы тогда не были известны и люди могли жить в современных поймах, то есть на таких берегах, которые во время весенних разливов теперь покрываются водой.

Часто на андроновских селищах хорошо видны на задернованной поверхности следы жилищ в виде впадин крупных размеров. Площадь таких впадин определяется следующими данными: диаметр от 10 до 20 метров, глубина до 1,5 метра. Возле села Замараева, близ Шадринска, на берегу реки Исети сохранилось десять таких впадин. В 1946 году одна из них была раскопана. В результате раскопок выявились остатки огромного коллективного жилища-полуземлянки (длиной — 26 метров, шириной 9—11 метров), углубленной в землю не более метра от поверхности. В земляном полу жилища оказалось 8 очажных ям глубиной от 60 сантиметров до одного метра и два поверхностных очага-кострища, причем площадка под одним была вымощена камнями и обожженными комками глины. На площади раскопа прослежены 382 ямки глубиной от 15 до 75 сантиметров, в которых когда-то стояли столбы и подпорки. Наиболее мощные столбы были поставлены вдоль земляных стенок жилища и вокруг двух центральных очагов. Первые служили основой стен жилища, а вторые должны были поддерживать бревенчатый прямоугольник, служивший отверстием для выхода дыма. Вместе с тем, на этот прямоугольник должны были опираться концы жердей, перекинутых со стен и образующих основу крыши, покрытой, вероятно, камышом или соломой. Небольшие обломки обугленных жердей от крыши были найдены во время раскопок на полу жилища. Под этими обломками и возле них на полу остались разные тещи, оказавшиеся в землянке в момент пожара, в результате которого несомненно погибло жилище. Тут найдены обломки каменных плит для растирания зерна, отлично отшлифованные каменные песты,

терочные камни зернотерок, каменная мотыга, кремневый скребок, каменные скребла для обработки кожи, ножи и обломки других каменных орудий, костяные шилья, обломки бронзового ножа, обломок бронзового браслета, бронзовые скобочки, служившие для стягивания трещин на глиняной посуде.

На других поселениях, например у села Кипель в Юргамышском районе Курганской области, у села Ново-Бурино в Буринском районе Челябинской области найдены также несколько наконечников стрел из камня и кости, обломок костяной обкладки лука, костяные проколки — шилья, костяная основа кремневого вкладышевого серпа из челюсти коровы, бронзовые стамески. На очаге в жилище на Кипельском селище лежала большая каменная гонкая овальная плита, которая служила, видимо, для печения лепешек.

На андроновских селищах часты находки, свидетельствующие о металлургии: комки шлака, кусочки окисленной медной руды, обломки литейных формочек из талька, части глиняных плавильных чаш и т. п.

На Кипельском селище в Курганской области (Юргамышский район) жилище было несколько меньшего размера, чем на Замараевском, но и его площадь достигала 100 квадратных метров. Здесь не оказалось очажных ям: все очаги представляли собой простые костры на земляном полу жилища. Рядом с полуземлянками прослежены остатки поверхностных жилищ; один из очагов среди них выглядел, как примитивная печь. Он был сложен из хорошо обожженных глиняных маленьких кирпичиков в виде свода над небольшим углублением. Под развалинами кирпичного свода на покрытом углистым слоем поду печи лежали раздавленные глиняные горшки.

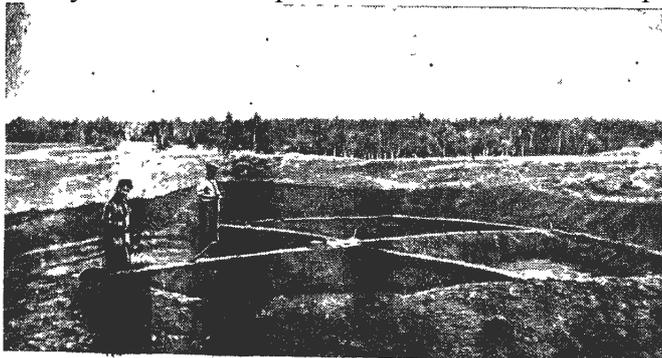

Рис. 13. Раскопка кургана у села Федоровка близ Челябинска.

Древнейшие для территории Урала кирпичи были обнаружены впервые на Кипельском селище, хотя небольшие обломки их встречаются и на других поселениях андроновской культуры в Зауралье. Они делались из глины женщинами и детьми, что можно определить по отпечаткам пальцев на их поверхности. Форма кирпичей неустойчивая, в большинстве случаев они четырехгранные, но есть и пяти- и трехгранные. Формовались кирпичи прямо руками и потому выглядят далеко не стандартно и довольно грубо, но по прочности обжига не уступают современным кирпичам.

Чаще, чем поселения, встречаются в лесостепной и степной полосе Зауралья и Приуралья погребальные сооружения, оставленные андроновскими племенами.

На территории Челябинской и Курганской областей погребения совершались под курганными насыпями, а последние группировались в большие могильники, состоящие из нескольких десятков курганов. Это были родовые кладбища. Раскопками установлены два погребальных обряда. В одних могильниках, обычно более ранних по времени, обнаруженных главным образом в районе Челябинска, погребение совершалось через сожжение трупа. Эти погребения относятся ко второй половине II тысячелетия до нашей эры. Позднее, в XI—IX веках до нашей эры, население тех же андроновских общин стало погребать покойников без сожжения. В других районах, более южных, и в раннее время трупосожжение, видимо, не практиковалось.

Образцом первого типа погребений может служить огромный могильник на берегу реки Миасса у села Федоровки в Сосновском районе Челябинской области, состоящий из 148 курганов (рис. 13). Раскопки нескольких курганов в этом могильнике в 1936 году показали, что покойник сжигался где-то тут же на территории кладбища. Затем вырывалась небольшая могила, в один из углов которой ссыпались тщательно выбранные из погребального костра мелкие косточки человека. Рядом с грудой пережженных человеческих косточек помещались глиняные горшки и блюда, а также кусок конского мяса, от которого сохранились в могилах только кости. Эти дары покойнику отражают представления зауральского населения того времени о загробном мире. Стенки могилы обкладывались предварительно бревнами или камнями; сверху могильная яма также застилалась бревнами. Поверх могилы насыпался могильный холм — курган высотой от 40—50 сантиметров до метра, при диаметре 12—20 метров.

Могильники с трупосожжениями подвергались научным раскопкам преимущественно в окрестностях города Челябинска у сел Смолино, Сухомесово, Исакове, по берегам озер Смолино, Исаково и реки Миасса, а так же в Буринском районе на реке Караболке.

В других могильниках той же эпохи, как, например, в могильнике, раскопанном в 1938 году на озере Алакуль в Щучанском районе Курганской области, или в исследованных в начале девятисотых годов курганах № 1 у села Сосновки и № 15 у села Исакова в окрестностях Челябинска, открыты погребения с полными костяками. Могилы также обрамлялись по нижней части стенок и покрывались сверху бревнами, иногда толщиной до полуметра. Об обряде трупосожжения, существовавшем в предыдущую эпоху, напоминают в этих могилах горшки, наполненные красной краской, которая символизировала огонь. В этих могилах при костяках, лежащих на боку с подогнутыми ногами и руками, также оказываются сосуды, а на краю могильных ям — кости овец и коров, но не лошади, как в могилах с сожжением. Кроме того, при костяках погребенных в большом количестве находятся различные украшения, которые при сжигании уничтожались бесследно. На женских и многих детских костяках обнаруживаются бусы из бронзы и белой массы, различной формы бронзовые привески: круглые, ромбические, треугольные, очковидные и т. п., браслеты из желобчатых бронзовых пластинок, или из граненой проволоки со спирально-завитыми концами и т. п. (рис. 14). Кроме бус, в состав ожерелий входили просверленные зубы животных и раковины. Иногда бусинки украшали перед платья, обшлага и даже обувь.

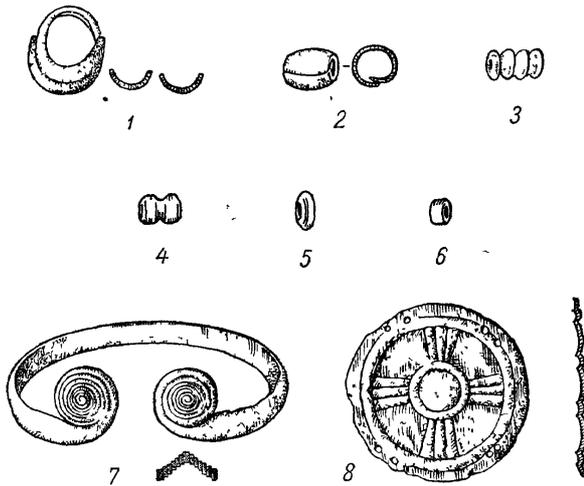

Рис 14. Предметы украшения андроновской культуры.

1 — бронзовая височная привеска, 2, 3 — бронзовые бусы; 4—6 — пастовые бусы, 7 — бронзовый браслет, 8 — бронзовая бляха (Алексеевский могильник).

К югу от Магнитогорска, в районе Орска, и далее на запад к городу Чкалову наравне с курганами имеются бескурганные андроновские могилы, которые на поверхности отмечены оградкой из камней, кольцеобразно окружающей могилу. Камни таких оградок — «каменных колец» обыкновенно едва заметны на поверхности, особенно в высокой траве. Диаметр оградок 4—8 метров. Иногда в середине каменного кольца прямо над могилой оказывается небольшая площадочка, выложенная камнем. Примером такого и притом крупного могильника, состоящего из 129 каменных колец, может служить могильник у поселка Соколовского на берегу реки Орь в Домбаровском районе, Чкаловской области. В могилах, обставленных оградкой из камней, обнаруживаются костяки, положенные на бок.

Ведущей отраслью производства древнего населения степного и лесостепного Зауралья в эпоху бронзы было скотоводство, на втором месте стояло земледелие.

Население андроновских селищ разводило все основные виды домашнего скота: коров, овец, коз, лошадей. Кости этих животных встречаются как среди пищевых отходов на поселениях, так и в курганах, положенные в качестве пищи покойнику. Была приручена также собака. Не встречены пока кости свиньи. Животные были одомашнены уже давно. При изучении костей с Кипельского селища проф. В. И. Громовой отмечено различие в породах. В основной массе костей коров средних размеров встречены кости очень крупной породы, размерами с серого украинского вола. Тем же специалистом лошадь определяется по костям как довольно крупная и тонконогая.

Выращивание крупных пород скота возможно только при хорошем питании и уходе за скотом. Надо полагать, что уже тогда имелись стойла для содержания скота в зимнее время, а следовательно, заготавливался и корм на зиму. На Алексеевском селище, изученном О. А. Кривцовой-Граковой, возле жилищ обнаружены следы изгородей, которые можно рассматривать, как стены крытых загонов.

Домашние животные давали основные пищевые продукты: мясо, молоко. Молоко употреблялось не только в цельном виде. Из него приготавливали различные продукты, в частности, творог, для изготовления которого служили глиняные сосуды с большим числом круглых отверстий в дне. Осколки таких сосудов найдены на Кипельском селище. Из кожи делали обувь, из шерсти — грубые ткани. На стенках глиняных сосудов часто встречаются четкие отпечатки шерстяных тканей. Кроме того, в некоторых андроновских погребениях в верховьях Енисея найдены кусочки самих тканей. Изучением их установлено, что люди андроновской культуры умели из шерсти ткать, плести, вязать крючком.

Земледелие являлось дополнительным источником продуктов питания. Небольшие поля обрабатывались вручную каменными, костяными, в лучшем случае бронзовыми, мотыгами. Урожай собирался также бронзовыми или костяными с кремневыми лезвиями серпами. Сеялась пшеница, зерна которой найдены в обугленном состоянии на Алексеевском селище, близ города Кустаная. Вероятно, возделывались и другие злаки, но зерен их пока не обнаружено. Хлебные зерна размельчались на ручных зернотерках — каменных плитах каменными же пестами.

Поля были маленькие, скорее их можно назвать огородами, и располагались в поймах, где влага при засушливом климате того времени сохранялась дольше. По той же причине и стада, вероятно, паслись на пойменных приречных лугах, а не на степных пастбищах, которые тогда очень быстро выгорали. Вот почему все андроновские поселения Зауралья теснятся к рекам, вернее к широким поймам рек и речек.

Наравне, со скотоводством и мотыжным земледелием важнейшим достижением на этой ступени развития древнего общества Зауралья было освоение медной металлургии. В это время население степного и лесостепного Зауралья впервые научилось добывать и обрабатывать металл, а именно медь. Она выплавляется при более низкой температуре, чем железо, и потому повсеместно человечество стало пользоваться для приготовления орудий труда и оружия, прежде всего медью. Для выплавки меди из руды достаточно температура в 1056° , а такая температура может возникнуть в глубине большого костра под толщей раскаленных углей. Поэтому медь получали в очень простых по устройству плавильных печах. Для этого служили большие ямы глубиной в один метр и такого же приблизительно диаметра, дно и стенки которых обмазывались глиной. В ямы засыпался древесный уголь вместе с мелко истолченной медной рудой. После плавки на дне ям получался небольшой слиток меди в виде лепешки диаметром в 20 сантиметров. Такие слитки найдены в Зауралье. Известны и медные рудники этого времени. Природные условия Южного Зауралья весьма благоприятны для развития первобытного горного дела и медной металлургии. Уральский хребет, в особенности южная часть его восточного склона, а также степи Южного Зауралья и Приуралья и Прикамье богаты месторождениями меди.

Медные руды по своему составу, степени трудности их добычи и выплавки металла делятся на два вида: окисленные и сернистые. Первые лежат обычно неглубоко от поверхности, и выплавка меди из них весьма проста. Поэтому древнейшие разработки повсюду связываются с месторождениями окисленных руд. Древние медные рудники открыты на реке Багаряк, в верховьях реки Уй, на реках Санарка, Увелька и их притоках в Качкарском и Троицком районах Челябинской области; на реках Каргале и Урале в районе города Чкалова, на речках Киимбай и Ушкатты в Домбаровском районе Чкаловской области, в степях юго-западной Башкирии и в других местах.

Первые русские горнопромышленники на Урале в XVIII веке начинали разработку руд с расчистки, расширения и углубления древних выработок, носивших здесь название «Чудских рудников». При этих и позднейших разработках и были получены те скудные сведения о древних рудниках, которыми мы располагаем, так как специальных археологических исследований рудников на Урале почти не производилось.

Разработка медных руд на Урале достигала уже в эпоху бронзы большого развития, хотя большинство меднорудных разработок выглядят довольно примитивно. Это обычно открытая яма-канавы или котлован длиной в несколько десятков метров и глубиной в несколько метров. Иногда и такие примитивные рудники имеют небольшие подбои. Примером рудника подобного устройства могут служить древние копи, обследованные в 1950 году на реке Каменке в Кочкарском районе Челябинской области (рис. 15).

Какими орудиями работали древние рудокопы на Урале — трудно сказать. Известны находки медных кирок. Для этой цели могли служить и некоторые виды найденных вислообушных топоров с настолько узким лезвием, что их более удобно использовать в качестве кирки, нежели топора.

Чистая медь слишком мягка, поэтому скоро научились к ней прибавлять олово. Новый сплав, известный под именем бронзы, давал более твердые орудия, а плавился легче — при температуре всего 730° .

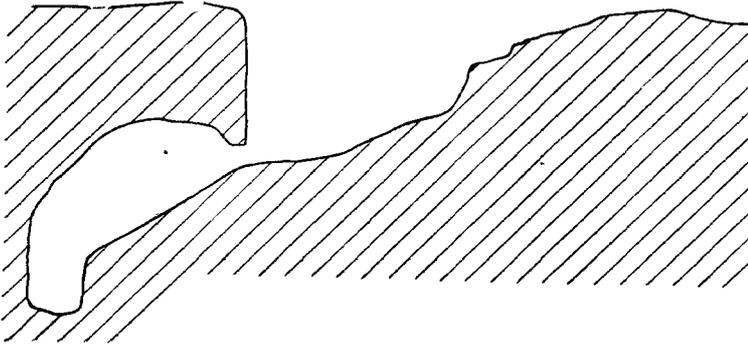

Рис. 15. Разрез древнего медного рудника на реке Каменке.

Олово добывалось здесь же на Урале. Об этом можно судить по наличию рек и населенных пунктов, в состав наименований которых входит слово «олово» (на тюркских языках — «кургаш»). Так, на северо-западе Челябинской области имеются реки Большой и Малый Кургаш (близ Нязепетровска) и деревня Кургаш-Елга (в 35—40 километрах от города Сатки).

Руда не плавилась вблизи рудников, возле них нигде не встречаются следы выплавки. В сыром виде она доставлялась в поселения, и там из нее добывали металл. Почти на всех селищах, даже далеко отстоящих от мест разработки руды, найдены признаки ее плавки.

Жители андроновских поселений широко пользовались бронзой для изготовления орудий труда, оружия и украшений. Андроновская культура целиком относится к эпохе бронзы. Часть бронзовых предметов выковывалась, другие отливались в формах. Каменные литейные формы, плавильные глиняные чаши и глиняные ложечки для разливки металла, встречающиеся при раскопках и случайно, позволяют восстановить весь процесс изготовления бронзовых орудий. Вместе с тем они свидетельствуют о том, что бронзовые предметы делались, может быть, на каждом селище. Этим искусством владели многие, если не все мужчины андроновских общин, поскольку следы бронзолитейного дела встречаются повсюду. Для плавки металла перед литьем служили небольшие круглые глиняные чаши на одной ножке, в виде рюмки. Целые такие чаши найдены на селище Баланбаш абашевской культуры возле Стерлитамака в Башкирии, а обломки обнаружены на Кипельском и Ново-Буринском селищах.

Каменные литейные формы для изготовления бронзовых орудий известны среди находок на Урале. Они представляют собой сделанные из камня, часто из талька плиты или кирпичики, на которых вырезаны углубления для отливки бронзовых орудий, оружия, украшений. Так, на Ново-Павловском прииске, близ Кундравинского поселка, найдена каменная форма, хранящаяся сейчас в Свердловском музее. На одной стороне этой формы вырезаны углубления для отливки шести ножей различной величины, а на другой — углубление для долота.

Бронзовые орудия и другие предметы представляли собой большую ценность; даже поломанные, они не обесценивались и шли на переливку. Поэтому до нас дошло сравнительно небольшое число их. Были случаи, когда люди и в наше время пускали найденные древние бронзовые изделия на переливку. И все же мы имеем возможность составить довольно внушительный список бронзовых орудий андроновской эпохи. В него входят ножи-кинжалы обоюдоострые, ножи прямые и изогнутые, ножи пластинчатые без ручек, топоры вислообушные, топоры-кельты, серпы, долота, стамески, наконечники копий, наконечники стрел, булавы, шилья (рис. 16), а также предметы украшений: браслеты, кольца, бусы, различные привески, бляхи (рис. 14).

«Медь и олово и выплавляемая из них бронза были важнейшими металлами; бронза давала пригодные орудия и оружие, но не могла вытеснить каменные орудия; это было под силу только железу, а добывать железо ещё не умели»^{33[1]}.

Бронза не настолько по своим качествам превосходила камень, чтобы вытеснить его, как материал для изготовления орудий. По-прежнему многие изделия труда и оружия делались из камня: мотыги, наконечники стрел, молоты, песты (рис. 17), кремневые острия костяных серпов и других орудий. Употреблялась для выделки орудий и кость. Костяные шилья, наконечники стрел (рис. 17), скребла из челюсти коровы для очистки кож от мездры, мотыги дополняют бронзовый и каменный инвентарь андроновских селищ.

Рыболовство и охота играли в хозяйстве населения Зауральских степей в эпоху бронзы совсем незначительную роль. Следы рыболовства в виде костей и чешуи рыб найдены только на Замараевском селище, на занятия рыболовством указывают и топографические условия поселений, расположенных всегда по берегам рек и речек. Но в отличие от лесных стоянок рыбаков и охотников, на которых находится масса принадлежностей рыболовства, на степных селищах мы совсем не встречаем ни грузил, ни другого рыболовного инвентаря. На то, что охота у населения андроновской эпохи не была развита, лучше всего указывает почти полное отсутствие костей диких животных среди находок на поселениях и в курганах. Среди костных остатков с Кипельского селища на кости диких животных падает всего 0,5 процента общего числа костей. Обнаружено только несколько костей бобра и косули.

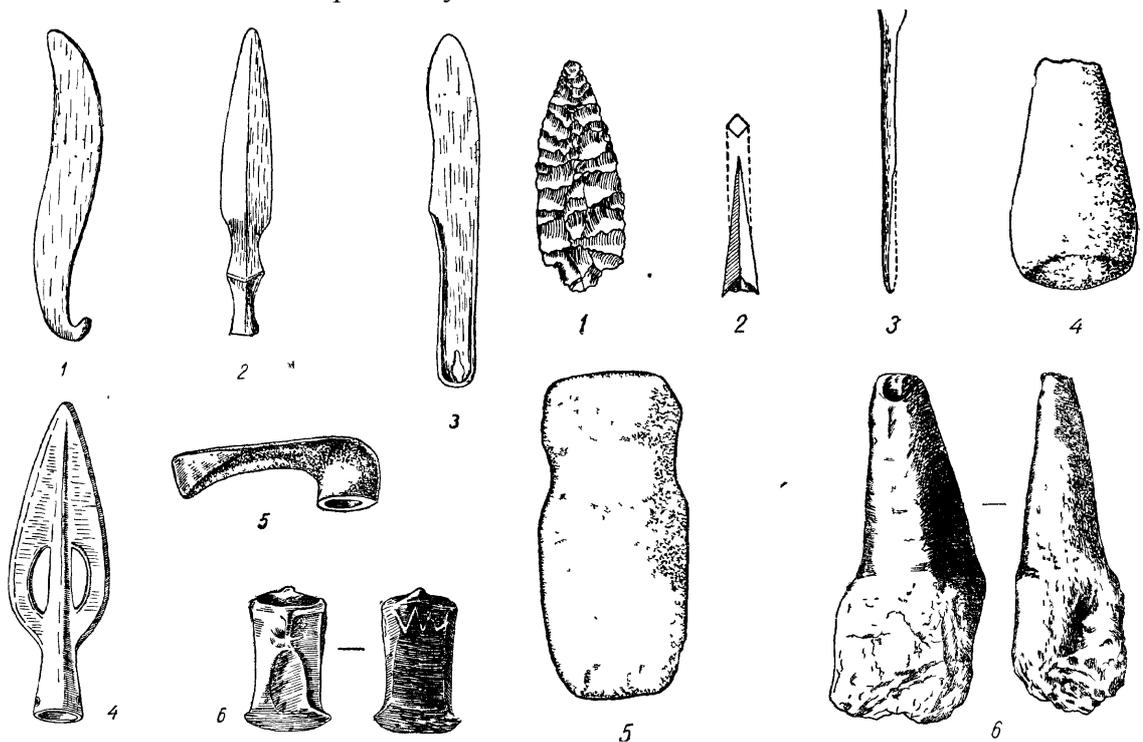

Рис. 16. Орудия из бронзы андроновской культуры.

1 — серп; 2 — кинжал; 3 — нож; 4 — наконечник копья, 5 — вислобушный топор; 6 — топор-кельт (1 — с. Катайское на р. Исети, 2, 3 — Малый Касаргуль; 4 — р. Миасс; 5, 6 — Южное Зауралье)

Рис. 17. Изделия из камня и кости андроновской культуры

1 — каменный наконечник стрелы; 2 — костяной наконечник стрелы; 3 — костяное шило; 4 — каменный пест; 5 — каменная мотыга; 6 — колотушка для дробления руды (1-4 — Кипельское селище; 5 — Алексеевский могильник; 6 — селище у горы Мохнатой, близ

Магнитогорска)

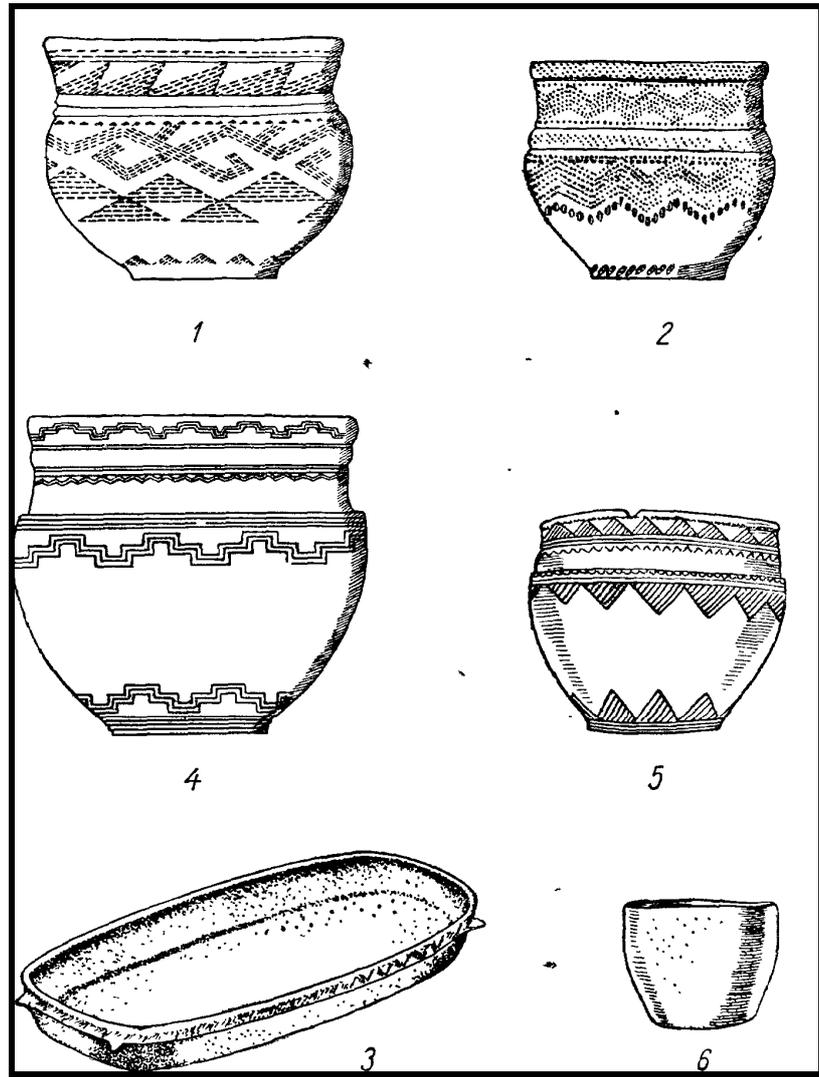

Рис. 18. Глиняные сосуды андроновской культуры.

1 - 3 — сосуды из погребений с трупосожжением; 4 - 6 — сосуды из погребений с труположением (1, 3 — с. Сухомесово; 2 — с. Федоровка; 4 — с. Исакова; 5, 6 — озеро Алакуль).

В это время широко пользовались в быту и в различных отраслях ремесла глиняными изделиями. Из глины лепилась посуда хозяйственного назначения: горшки, чашки, блюда (рис. 18). В литейном деле из глины делали тигли, плавильные чаши, льячки-ложки для разлива расплавленной меди по формам. Из глины изготовлялись пряслица на веретена, выпрямители древков стрел и даже бусы, а также знакомые нам кирпичики и много других предметов. Установлены следующие типы глиняной посуды: горшки, сосуды баночной формы, чашки с округлыми стенками» прямоугольные блюда с лепешкообразными ручками по углам, сосуды с отверстиями в стенках и дне, плавильные чаши на ножках. Самым распространенным типом глиняных сосудов являются горшки, реже встречаются банки и чашки и совсем редко сосуды с отверстиями в дне и плавильные чаши. Прямоугольные блюда известны лишь из могил в окрестностях Челябинска.

Горшки и сосуды баночной формы служили для приготовления пищи, на внутренней поверхности их часто видны остатки пригоревшей еды. Особенно крупные сосуды

(изредка встречаются диаметром до 40 см) могли выполнять роль хранилищ жидких и сыпучих тел.

Чашки или плошки, всегда очень маленькие (высотой 4—5 сантиметров), никогда не содержат пригара. В могилах они находятся редко, всегда в ногах костяка и перевернутые вверх дном. Есть основание думать, что в быту они выполняли роль осветительных плошек.

Прямоугольные блюда, встреченные в районе Челябинска рядом с горшками в могилах с трупосожжением, вероятно, содержали, как и последние, пищу покойника.

В отличие от круглодонных сосудов неолитических стоянок, все сосуды эпохи бронзы имеют плоское дно. И способ лепки здесь совсем другой. Мелкие сосуды, чашки, блюда формовались прямо руками из комка глины. Горшки же и банки, если не все, то часть их, изготавливались при помощи мешочков, наполненных песком. Мешочки с песком облеплялись глиной, затем развязывались, удалялся песок, мешочек вынимался, стенки сосуда окончательно подправлялись и выглаживались, но внутри у дна часто сохранялись отпечатки ткани. К глине примешивался толченый тальк, слюда, реже песок или толченые раковины. Впрочем, примесь применялась не обязательно, хотя сосуды редко лепились из чистой глины.

Некоторые сосуды имеют в горлышке круглые отверстия для подвешивания, сделанные еще по сырой глине. На других сосудах отверстия неправильной удлиненной формы сделаны в уже обожженной стенке. Это следы починки поврежденных сосудов при помощи медных скобочек, которыми стягивались трещины на горшках.

Горшки, баночные сосуды и блюда в большинстве своем орнаментированы. Орнамент покрывает горло и плечики, а у части сосудов и придонную зону стенок. Наносился он уже знакомым нам гребенчатым штампом, образуя пунктирные линии. Применялся также резной, ямочный и желобчатый орнамент. В составе рисунка преобладают геометрические элементы: треугольники, ромбы, кресты, зигзаги, обычны также меандры — ломаные широкие полосы. Эти элементы часто образуют очень сложный и красивый узор.

Рис. 19. Внутренний вид андроновского жилища (реконструкция).

К рассматриваемому времени относится развитие межобщинного обмена.

У племен эпохи неолита обмен носил случайный характер. Производство было не настолько развито, чтобы оно давало излишние продукты. Каждая община охотников и рыболовов добывала средства к жизни в таком количестве, которое обеспечивало возможность существования лишь самой общине. Излишков не было. К тому же все общины производили одни и те же продукты.

Когда произошло первое крупное общественное разделение труда — выделение скотоводческих племен, положение в корне изменилось. По самой своей природе скотоводство способствовало накоплению продуктов для обмена на продукты у других племен. Скотоводы располагали живым скотом, шкурами, шерстью, тканями, которых у других племен не было. Обмен теперь расширился, сделался более или менее постоянным явлением. Его упрочению способствовало зарождение в это же время медной металлургии. Медные руды находились на территории не всех племен. В этом отношении наши уральские племена эпохи бронзы были в особо выгодных условиях. Уральская медь распространялась на огромной территории. Вылитые из меди и бронзы предметы уральского происхождения заходили вглубь европейской части СССР, в Нижнее Поволжье, на Дон. Урал в описываемую эпоху был крупным центром добычи меди. Но разработка горных богатств велась не везде. Скотоводческие андроновские племена стали добывать металл раньше, чем племена более северные — лесных охотников и рыболовов. Последние первое время пользовались металлическими изделиями, привезенными с юга.

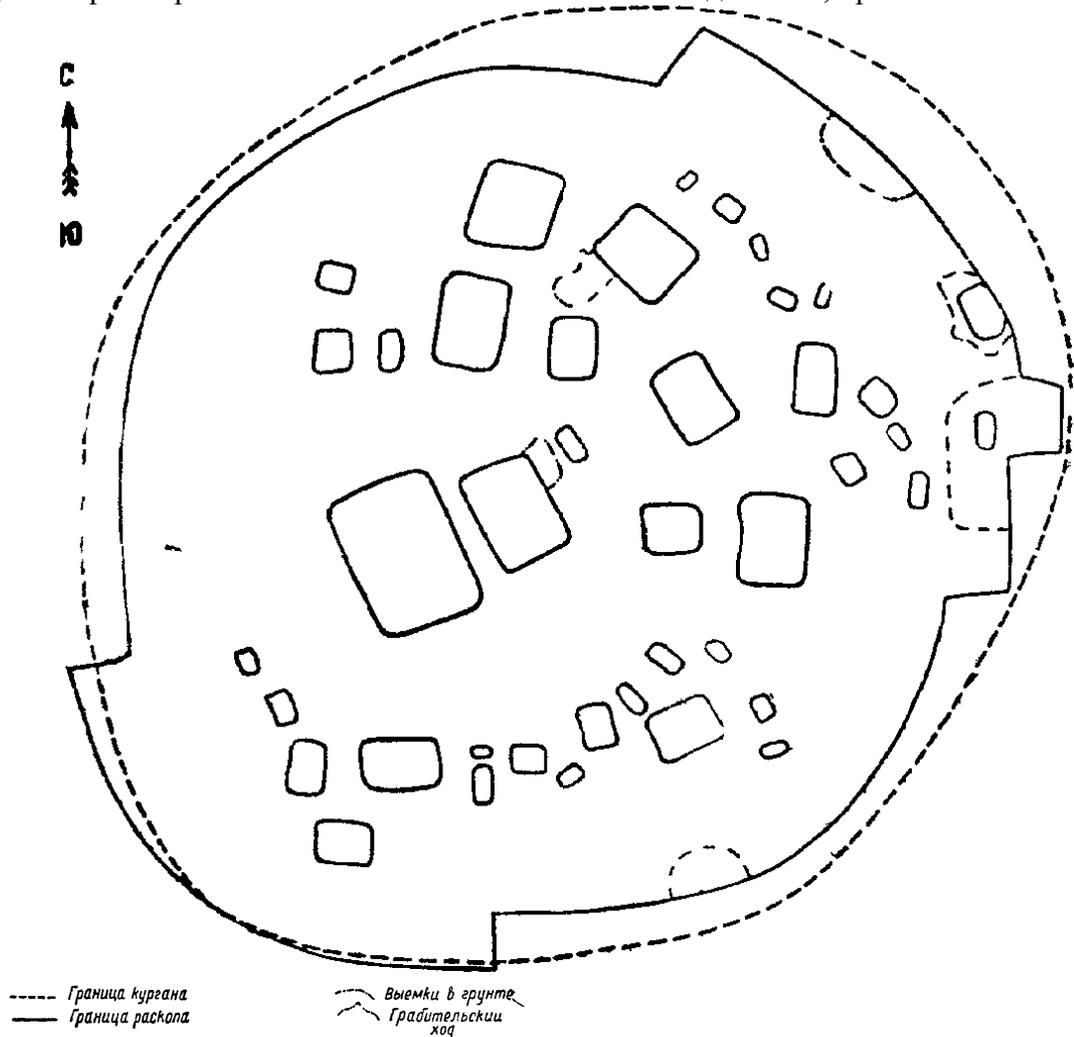

Рис. 20. План кургана на озере Алакуль.

Обмен у первобытных племен еще не был торговлей. Специально занимающиеся обменом-торговлей люди-купцы выделились много позднее. Первобытный обмен велся от имени родовых общин их старейшинами.

Поселения и погребения андроновской культуры не только рисуют нам быт, хозяйственный строй и обряд погребения. Они знакомят нас с общественным строем, идеологией, религией андроновских племен. Селища, представлявшие собой родовые поселения, состояли из 10—20 жилых сооружений. Типичными были, как мы видели, жилища крупные — площадью по 100—300 квадратных метров (рис. 19). В каждом из них жило по несколько десятков человек, которые вели общее коллективное хозяйство, составляя большую патриархально-семейную общину — основную хозяйственную единицу в эпоху патриархата. Тот же коллективный, патриархально-родовой характер общественного строя отражают и погребальные памятники.

В могильнике на озере Алакуль насчитывается 66 курганов. Соседними пашнями, вклинившимися частично в могильник, несомненно уничтожено еще большее количество курганов. При раскопках двух курганов (№ 8 и № 13) в 1938 году было установлено, что под насыпью одного из них находится 9 могил, а под насыпью второго 41 могила (рис. 20). Но самое важное, могилы обоих курганов были расположены не беспорядочно, а кольцеобразно окружали две центральные могилы, которые оказались наиболее крупными и богатыми по составу находок. Не может быть сомнения в том, что каждый курган на озере Алакуль представлял собою усыпальницу большой патриархальной семьи, при чем глава семьи покоился в центре, второстепенные члены и дети вокруг. Только близкими родственными связями погребенных можно объяснить то, что могилы их помещены под общей курганной насыпью.

Высокое общественное положение мужчины, погребенного в одной из центральных могил в кургане № 8, подчеркивалось находкой возле его таза массивной бронзовой булавы, во втулке которой сохранился кусок древка. Булава, несомненно, имела церемониальное значение, служила символом власти погребенного, видимо, вождя. Для боевых целей она не годилась, так как древко толщиной не больше пальца при сильном ударе неизбежно должно было ломаться.

О патриархальном строе андроновских общин свидетельствует не только развитое скотоводство, но и так называемые парные погребения, когда в одной могиле оказываются погребенными двое — мужчина и женщина. Таким в частности было погребение уже упоминавшегося вождя в кургане № 8 на озере Алакуль. Рядом с ним в могиле лежал на боку лицом в его сторону костяк молодой женщины с бронзовыми бусами, бляшками, спиральками. Подобные могилы наблюдались во всех андроновских могильниках Зауралья, где раскопки производились в более или менее широких масштабах. Во всех случаях женщины, сопровождающие мужчин в загробный мир, несомненно, не умерли естественной смертью, а были умерщвлены насильственно и помещены в одну могилу со своим господином. Несомненно также, что эти женщины — не жены, а пленницы-наложницы, рабыни, которые являлись полной собственностью воина и вместе с другими вещами отправлялись в загробную жизнь.

Подобные факты хорошо известны у многих отсталых народов, стоящих на ступени патриархального рода. При матриархате такие погребения не могли иметь места.

Парные погребения, отражая патриархальные отношения, вместе с тем служат доказательством появления у племен андроновской культуры рабства в его патриархальной форме. Характеризуя описываемую стадию развития общества, Ф. Энгельс пишет: «Увеличение производства во всех отраслях — в скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле — сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания её. Вместе с тем оно увеличивало ежедневное количество труда, выпадавшее на долю каждого члена

рода, домашней общины или отдельной семьи. Привлечение новых рабочих сил стало желательным. Война доставляла их: военнопленных стали обращать в рабов. Первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно, и богатства, и с расширением поля производительной деятельности, при совокупности данных исторических условий, с необходимостью влекло за собой рабство»^{34[2]}.

Но это было еще патриархальное рабство, отличное от рабства классового, рабовладельческого строя. В условиях патриархально-родовой общины раб был лишь помощником, дополнительной рабочей силой. Свободные члены общины являлись основными производителями материальных благ. И все же зачатки эксплуатации уже появляются при патриархальном рабстве.

Обряд трупосожжения характеризует особенности религиозных воззрений того времени. Первобытные скотоводы и земледельцы целиком зависели от состояния погоды, от природных явлений. Естественно, что они видели в солнце источник жизни — божество. Обоотворение солнца соединялось с поклонением огню, как представителю солнца на земле.

Огонь, по мнению населения эпохи бронзы, охранял от злых духов, и потому покойники или сжигались или сопровождались в могилу красной краской — заменителем, символом огня.

Какую-то роль в религиозных представлениях того времени играли также некоторые животные и прежде всего собака. В могильнике у села Федоровка оказалось одно ритуальное захоронение этого животного. Под обычной курганной насыпью в могиле был найден костяк небольшой собаки. Нередко в составе украшений встречаются амулеты из просверленных собачьих клыков и зубов. Этим зубам по-видимому придавали чудодейственную силу охраны от злых духов, исходя из того, что сами собаки охраняли от хищных зверей основное богатство андроновских общин — стада.

СРУБНО-ХВАЛЫНСКАЯ КУЛЬТУРА

В Южном Приуралье андроновские племена соседнили с племенами срубно-хвалынской культуры, типичной для Среднего и Нижнего Поволжья. Северо-восточная окраина площади распространения срубно-хвалынских памятников захватывает частично и территорию Урала и Приуралья, доходя на западе почти до Уфы, а в Зауралье до Магнитогорска. Правда, если сравнить уральские памятники этой культуры с нижневолжскими, то бросается в глаза значительная примесь в уральских памятниках андроновских элементов.

Это и понятно. Племена обеих культур жили в одно время, в одинаковых природных условиях, имели одинаковую экономику и стояли на одном уровне развития. Достижения одной из них легко просачивались и воспринимались в соседних районах другой.

Срубно-хвалынская культура изучена по поселениям и погребениям. На Урале и в Приуралье пока известны только погребальные памятники. Поселения подвергались раскопкам в Нижнем Поволжье. Они также располагаются на коренном берегу реки, на надпойменной террасе, но представляют собой, в отличие от андроновских, небольшие поселки, иногда состоящие всего из 3—4 жилищ. Не типичны для них и жилища крупных размеров. Большинство полуземлянок срубно-хвалынских поселений имеют площадь 25—100 квадратных метров. Видимо целый поселок, состоящий из таких жилищ, соответствовал одному большому дому андроновских поселений.

Для срубно-хвалынских погребений характерно захоронение под курганами, насыпанными из чистой земли. Никаких выкладок и оградок из камня, не практиковалось. Курганы группируются в небольшие могильники, число насыпей в которых редко превышает десять. Но курганы, содержащие по нескольку погребений, а также парные захоронения, нередки. Могила обкладывалась по стенкам бревнами или плахами, которые покрывали ее и сверху. Костяки лежат скорченно и почти всегда на левом боку. Преимущественная ориентировка — головой к северу, следовательно лицом к востоку — навстречу солнцу. По характеру сопровождающего покойников инвентаря срубно-хвалынские погребения очень сходны с андроновскими, но отличаются от последних типами вещей и меньшим количеством их. На костяках редко встречаются украшения: бронзовые желобчатые браслеты, бусинки из белой пасты, бронзовые височные колечки. Орудия труда из камня и бронзы также редки, как и в андроновских могилах. Чаще других в могилах оказываются кремневые наконечники стрел и бронзовые ножи (рис. 21). Обязательной принадлежностью срубно-хвалынских могил является посуда и кости домашних животных. Последние часто лежат не в могиле, а на ее краю, иногда в специально вырытой ямке. Это обычно череп и кости ног коровы. Глиняные сосуды более грубы по выработке, форме и орнаменту, чем посуда андроновских памятников. Они лепились от руки из глины с примесью песка, дресвы или толченых раковин. На них никогда не встречается отпечатка ткани. Типичны два вида сосудов: баночной формы, которые обычно не орнаментировались и горшки с острым ребром посередине. Последние украшались резными рисунками, главным образом в виде треугольников, зигзагов, фестонов (рис. 21).

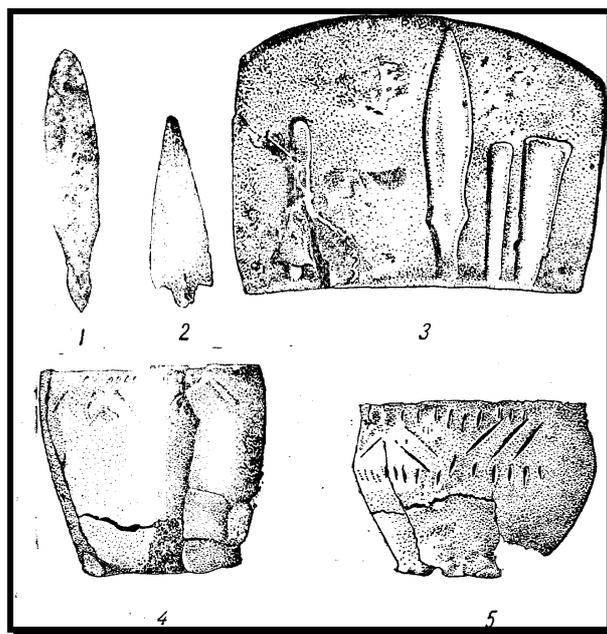

Рис. 21. Предметы из памятников срубно-хвалынской культуры.

1 — бронзовый нож; 2 — кремневый наконечник стрелы; 3 — каменная форма для отливки бронзовых орудий; 4, 5 — глиняные сосуды (1, 2, 4, 5 — курганы у с.

Александровки близ Бугуруслана; 3 — с. Зирган в Башкирии).

Курганы описанного типа исследовались в 1910 году у села Александровки, близ города Бугуруслана; в 1934 году у хутора Кошкара на реке Белой близ города Ишимбай; в 1937 году у села Погромного близ Бузулука; в 1938 году у деревни Чубук-Каран Бижбулакского района на юге Башкирии; в 1948 году в окрестностях города Магнитогорска.

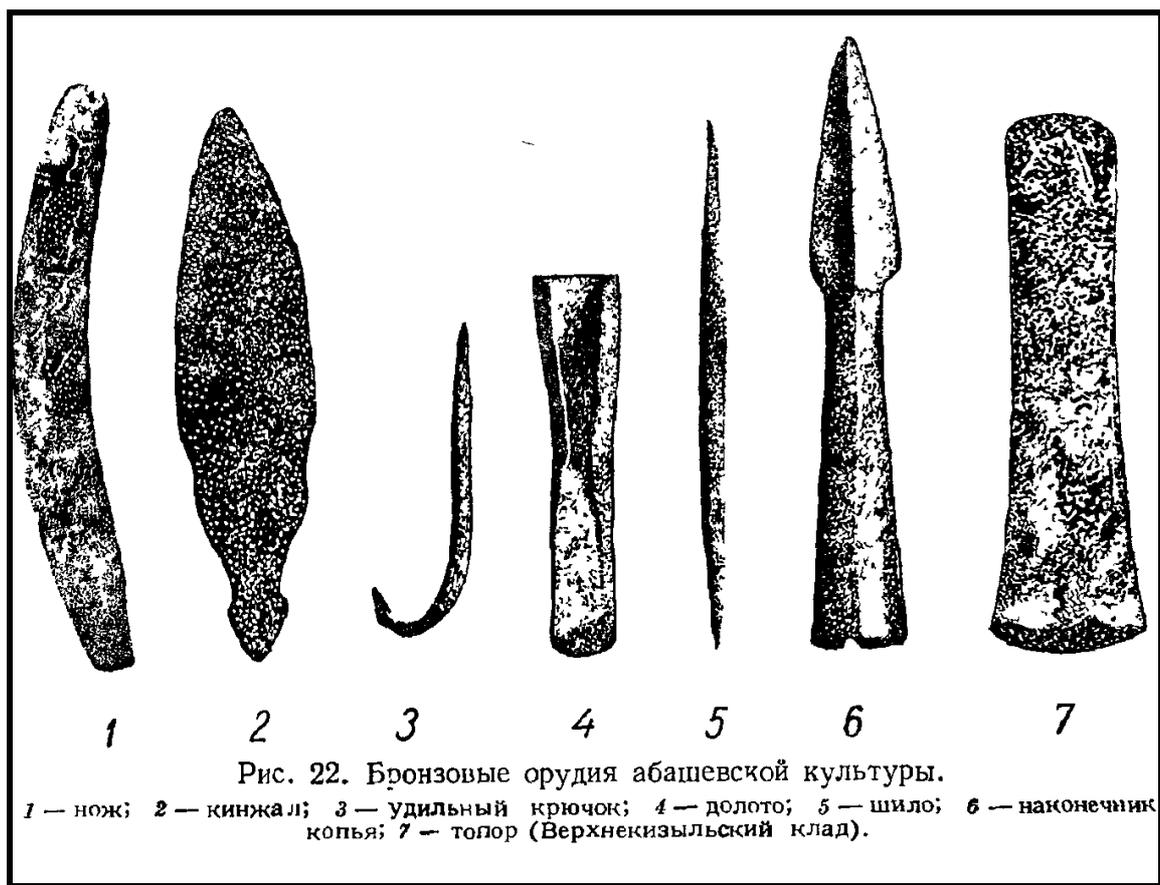
В двух из перечисленных курганных могильников, у села Погромного и близ хутора Кошкара, особенно ярко проявилось смешение черт срубно-хвалынской и андроновской культур. У села Погромного интересен один из раскопанных курганов, содержащий 7 могил. Обнаруживая погребальный обряд, характерный для срубно-хвалынской культуры, этот курган дал керамику не только типичную для указанной культуры, но и с явно андроновскими чертами — орнаментацией в виде заштрихованных меандров. У хутора Кошкара в одном из курганов обнаружено было две могилы и в каждой найдено по сосуду, но совершенно разных типов. Один — срубно-хвалынского типа с острым ребром, украшенный несложным орнаментом из фестонов, другой покрыт красивым андроновским орнаментом из заштрихованных треугольников, образующих красивую пирамидку.

Находки на поселениях и в погребениях срубно-хвалынской культуры рисуют эти племена как скотоводов и мотыжных земледельцев, использовавших для своих хозяйственных нужд главным образом поймы рек, приречные низины.

Племена андроновской и срубно-хвалынской культур стояли на одном уровне социально-экономического развития. И те, и другие являются представителями раннего патриархально-родового общества. Однородна была и их хозяйственная деятельность: оседлое скотоводство и мотыжное земледелие. Много общего наблюдается и в формах материальной культуры. И все же культура каждой группы племен — андроновской и срубно-хвалынской — обладает своей спецификой, отражающей этнические особенности. Антропологические исследования черепов из могил этих культур показали, что по физическому облику носители андроновской культуры отличаются от носителей срубно-хвалынской, что происхождение их различно, хотя племена обеих этих культур укладываются в рамки европеоидного антропологического типа.

ЭПОХА БРОНЗЫ В ЛЕСНОЙ ПОЛОСЕ ПАТРИАРХАЛЬНАЯ РОДО-ПЛЕМЕННАЯ ОБЩИНА Абашевская культура

В эпоху бронзы в то самое время, когда в степях Приуралья и Зауралья бытовали андроновская и срубно-хвалынская культуры, на Южном Урале жили племена абашевской культуры. Открытая в 1925 году на территории Чувашской АССР в курганах у села Абашева, эта культура до сих пор остается еще недостаточно изученной. Другим памятником с вещами того же типа является так называемый Верхне-Кизыльский клад, найденный в 1924 году в 10 километрах от города Магнитогорска (тогда еще не существовавшего). Во время земляных работ по устройству мельничной плотины на реке Малый Кизыл в шести километрах от Верхне-Кизыльского поселка Агаповского района Челябинской области случайно наткнулись в береговом обрыве на кожаный мешок, комок истлевшей ткани и глиняный горшок. В мешке оказалось более двадцати различных бронзовых предметов. Тут были наконечник копья, долото, клиновидный плоский топор, удильный большой крючок, проушные топоры, несколько изогнутых ножей, кинжалы (рис. 22), браслеты, очковидная привеска, бляшки в форме розеток. Сосуд в виде маленького горшочка с резко выступающим на половине высоты ребром и слегка уплощенным дном имел подобные себе только среди посуды абашевских курганов в Чувашии. Только из тех же курганов известны бляшки-розетки. Большинство других бронзовых изделий клада не являются специфической особенностью какой-либо определенной культуры и были широко распространены в эпоху бронзы у различных племен. Новую форму представляли лишь изогнутые ножи.

Находка Верхне-Кизыльского клада, сделанная случайно, без научных наблюдений, долгое время была непонятной. Казалось странным встретить в Зауралье вещи, которые считались типичными только для территории Чувашии. Последующие исследования показали, что площадь распространения абашевских памятников много шире, чем казалось вначале. Они были найдены в Ярославской области, близ Калуги, в Татарии, в Башкирии. Следовательно, площадь распространения абашевской культуры падает на значительную территорию южной части лесной зоны.

На Урале найдены и изучены первые и пока единственные поселения абашевской культуры. Одно из них открыто в 1934 году в Башкирии, близ города Стерлитамака, у села Красного Яра на берегу реки Белой, на мысу Баланбаш, и вошло в научную литературу под именем Баланбашского селища. Второе селище было найдено в 1948 году на берегу реки Малый Кизыл на месте находки описанного Верхне-Кизыльского клада. Известны кроме того находки отдельных вещей абашевского типа, происходящие с территории гористой части Южной Башкирии. Все больше и больше теперь выясняется, что абашевские памятники на Урале не случайны, а имеют глубокие местные корни, и что Южный Урал представляет собой один из основных районов расселения абашевских племен. Хотя оба абашевские селища (Баланбаш и Мало-Кизыльское) находятся за пределами горной и лесной полосы Урала, на степных берегах рек Белой и Малый Кизыл, все же бесспорно, что их надо рассматривать как крайние пункты площади распространения абашевской культуры, центром которой, несомненно, является юг лесной полосы. Поскольку последняя по хребту далеко вдаётся в степи, абашевские племена также сильно распространились на Урале в южном направлении и оказались в окружении других уже бесспорно степных племен эпохи бронзы. Соседями абашевцев были срубно-хвалынские племена, а в Зауралье — андроновские племена, поселения которых обнаружены в районе Магнитогорска всего в нескольких километрах от Мало-Кизыльского селища.

На селище Баланбаш кроме большого количества костей домашних животных: коровы, овцы, козы, лошади и свиньи, а также обломков глиняной посуды (рис. 23 — 3, 4) во время раскопок были найдены: большая каменная плита — зернотерка с чашевидным углублением в середине, бронзовые серп, нож, шило и крючок, обломок медной пластины, костяные шилья и проколки, круглая пуговица из головки бедренной кости животного, обломки песчаниковых плит-зернотерок и шлифовальных камней, обломок литейной формы.

Богато представлены следы металлургии. На селище найдены кусочки медного шлака и медной руды и много обломков плавильных чаш на круглой ножке (рис. 23—5). Черепки чаш резко отличаются от другой керамики селища. Они слеплены грубо. Их края, как правило, имеют остатки приставшего шлака и оплавлены от действия жара. То, что металлические орудия производились на селище, доказываются находками глиняных стержней, овальных в сечении, употреблявшихся в качестве вкладышей для замещения, например, втулки при отливке бронзового топора.

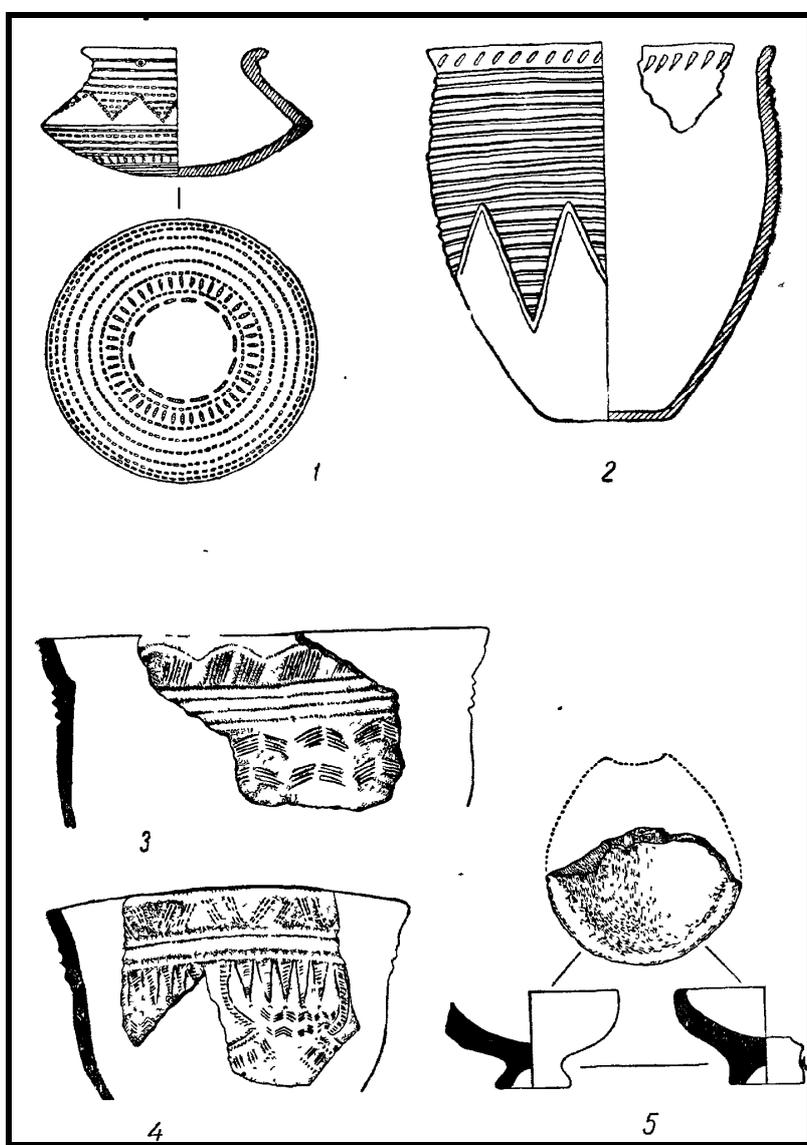

Рис. 23. Керамика абашевской культуры.

1, 2 — сосуды с Мало-Кизыльского селища (реконструкция); 3, 4 — керамика с селища Баланбаш; 5 — плавильная чаша с селища Баланбаш.

Следов жилищ на селище Баланбаш установить не удалось, но на Мало-Кизыльском селище была раскопана половина крупного жилища, площадью не менее 100 квадратных метров, совсем незначительно врезанного в землю. Продольно через середину жилища шел ряд ямок от столбов, которые поддерживали конек крыши. Поскольку у земляных стенок не оказалось следов столбов, обычных в андроновских полужемлянках, жилище на Мало-Кизыльском селище должно было выглядеть как большая двускатная крыша, поставленная прямо на землю, то есть иметь вид гигантского шалаша. Очаги в жилище сохранились в виде прокаленных участков земляного пола, покрытых углисто-золистым слоем. Перед домом тоже был очаг, служивший, вероятно, в летнее время. Возле него, а также в самом жилище найдены различные изделия из камня, кости и бронзы и раздавленные сосуды. На площади селища собрано много обломков глиняных сосудов и костей домашних животных. Характер находок на этом селище тот же, что и на селище Баланбаш. Жители были хорошо знакомы с металлургией. И здесь найдены глиняный вкладыш от литейной формы, каменная модель для отливки бронзовой булавы и много бронзовых изделий. Но преобладают все же каменные предметы: мотыга, обломки песта, терочник, отбойник, зернотерка, наконечники стрел, ножевидные пластинки и т. п. Керамика абашевских селищ не имеет в форме сосудов ничего общего с керамикой соседних культур эпохи бронзы (андроновской и срубно-хвалынской). Мало общего и в орнаментации сосудов.

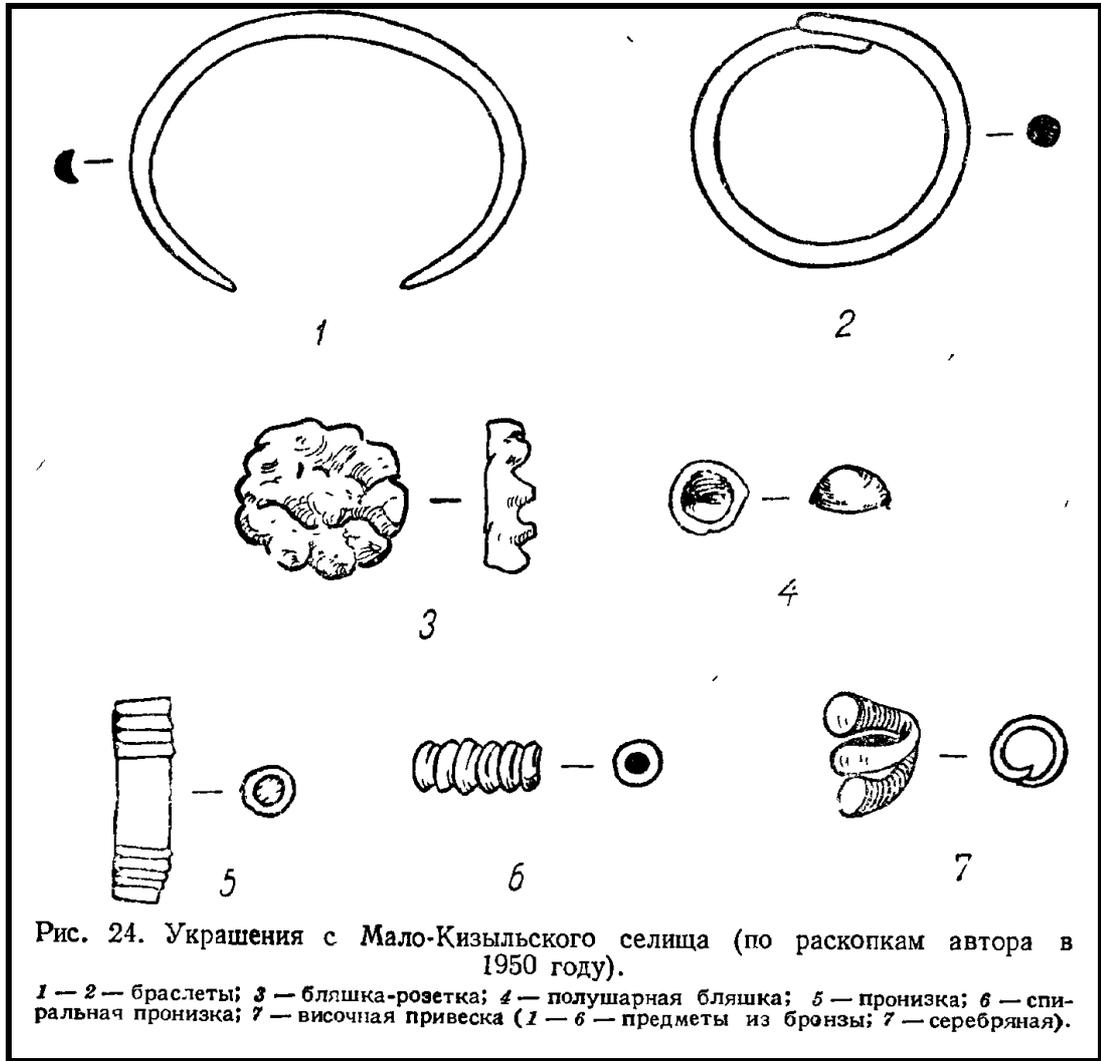
Характерной особенностью абашевской керамики является устройство дна, которое образуется мягким, иногда совершенно незаметным переходом от стенок. Граница между стенкой и дном в большинстве случаев образует очень тупой угол. У многих сосудов дно очень маленькое, а есть и круглодонные горшки. Посуда очень разнообразна. Наиболее распространенным типом являются колоколовидные с уплощенным дном сосуды (рис. 23—2). Затем другие формы — горшки, низкие чашки, мискообразные небольшие сосудики с резким ребром на половине высоты (рис. 23—1), вазообразные.

Сосуды украшены гребенчатым и резным орнаментом в виде горизонтальных прямых и волнистых линий, зигзагов, желобков, а также треугольников, ромбов. Некоторые сосуды покрыты весьма сложным орнаментом.

Если многие предметы материальной культуры абашевских племен резко отличаются формой и орнаментом от предметов того же назначения у соседних племен, то нет никаких оснований видеть какие-либо отличия в хозяйственном и социальном строе. Может быть у абашевских общин, обитавших в глубине гор Южного Урала, в лесах, в экономике играла немалую роль охота, но пока эта территория остается белым пятном на археологической карте Урала. Материалы же изученных абашевских поселений указывают на скотоводство и мотыжное земледелие, как основные виды хозяйственной деятельности. Бесспорно, высоко стояла обработка металла. Необходимо отметить, что на Мало-Кизыльском селище найдены были не только медные и бронзовые вещи, но впервые на Урале на памятнике эпохи бронзы обнаружено целое изделие из свинца в виде толстого дрота, согнутого браслетом.

Восприняв несомненно от своих степных соседей скотоводство, развив металлургию и оживив на этой базе обмен, абашевские племена создали условия, которые и у них привели к переходу от матриархата к патриархату. К сожалению, пока на Урале не открыты абашевские могильники, но отдельные погребения встречены на территории Мало-Кизыльского селища. Все они связаны с трупосожжением. Погребение ребенка сохранилось в виде мелких косточек сожженного черепа, возле которого найдены височные серебряные спиральные колечки и бронзовые браслеты (рис. 24). Погребение взрослого представлено сильно обугленным костяком, лежащим на спине. Левая рука и ноги его были вытянуты, а правые согнуты. Возле плеча найдены костяная пуговица и

плоский широкий изогнутый бронзовый нож без ручки. Остатком трупосожжения, видимо, являются встреченные на одном из участков селища бронзовые украшения: бляшки и розетки, пронизки, полушарные бляшки, обоймицы и т. п. (рис. 24). Они были найдены в слое золы на дне рва, который лишь частично попал в раскоп и поэтому назначение его не выяснено.

Абашевский памятник на реке Малый Кизыл, кроме следов поселения и погребений, содержал ряд находок, свидетельствующих о том, что здесь находилось и жертвенное место. На слегка углубленной площадке на огромном кострище были найдены три полных обугленных костяка коров, лежавших на боку в одинаковой позе. Это бесспорно — жертвоприношение. На другом участке оказались следы человеческого жертвоприношения. На древней поверхности был найден костяк женщины, лишенный черепа и ног, лежавший ничком, спиной кверху с беспорядочно разбросанными руками, а по соседству возле большого очага обнаружены обломки человеческих костей (бедренной и большой берцовой) и обугленная фаланга человека.

К области религиозного ритуала относятся и два костяка телят, погребенных на этом же памятнике.

Широко применявшийся при погребениях и жертвоприношениях огонь, видимо, как и у андроновских племен, служил объектом поклонения, отражая культ солнца и небесных светил. Принесение в жертву коров, ритуальное погребение телят — доказывают, что

скотоводство, и в первую очередь разведение крупного скота, играло важную роль в хозяйстве абашевских племен.

ШИГИРСКАЯ КУЛЬТУРА

В более северных районах Урала, в лесной полосе, в эпоху бронзы мы застаем племена с совсем иной культурой, чем культура не только степных андроновских и срубно-хвалынских племен, но и племен юга лесной полосы — абашевцев. В лесах Среднего Зауралья, на территории Свердловской области и в гористых лесных районах на западе Челябинской области, жили и в эпоху бронзы общины, экономика которых базировалась, прежде всего, на рыболовстве и охоте. Поскольку в хозяйственном строе лесных зауральских племен не произошло больших сдвигов со времен неолита, здесь трудно различимы и памятники двух соседних по времени эпох — неолита и бронзового века. И в эпоху бронзы здесь продолжали обитать племена шигирской культуры. Развивались на базе мезолитической культуры V—IV тысячелетия до нашей эры, представленной наиболее древними предметами среди находок на Шигирском торфянике, шигирская культура прошла через эпоху неолита и энеолита и продолжала существовать на протяжении всей эпохи бронзы (в конце II — начале I тысячелетия до нашей эры).

Одним из хорошо изученных поселений этого времени является стоянка «Калмацкий брод», расположенная на правом берегу реки Исеть, в 18 километрах выше города Свердловска. Раскопками, производившимися здесь, обнаружены остатки поселка, существовавшего, судя по большому числу находок, очень продолжительное время. Люди на стоянке «Калмацкий брод» жили на самом берегу реки в круглых землянках диаметром 7—8 метров, глубиной около метра от поверхности. Следовательно, над землей должна была возвышаться еще значительная часть жилища, вероятно в форме конического шалаша того типа, который бытовал в сибирской тайге у бродячих охотников-эвенков дооктябрьского времени. Такие шалаша-чумы делаются из жердей, составленных в виде конуса, которые покрываются сверху шкурами или берестой. В отличие от эвенкийского чума жилища племен шигирской культуры были постоянными, обитатели шигирских стоянок вели оседлый образ жизни. В задней части землянок на стоянке «Калмацкий брод» были обнаружены очаги в виде углистого слоя. Возле очагов, как правило, находились шлифовальные каменные плиты и каменные шлифованные топоры на разных стадиях изготовления; выделка одних была полностью закончена, шлифование других только начато. Шлифованные каменные орудия играли большую роль в производственной деятельности шигирских племен, выработкой их занимались ежедневно. На изготовление шлифованных топоров шли преимущественно не столь твердые породы, как кремь, так как последний с большим трудом поддается шлифовке, а более мягкие. Топоры же из более мягких пород камня часто ломались. Поэтому постоянно требовалось пополнять новыми.

Стоянка «Калмацкий брод» относится уже к позднему периоду существования шигирской культуры. На ней были встречены некоторые бронзовые, правда еще редкие вещи, в частности четырехгранное шило. Но металлические предметы не играли заметной роли в хозяйстве, и каменные орудия использовались по-старому также широко, как в эпоху неолита. Такое положение характерно вообще для шигирских памятников эпохи бронзы.

Кроме стоянки «Калмацкий брод», в ближайших к Свердловску районах известны, хотя и менее изучены, аналогичные стоянки на берегах Исетского, Аятского, первого и второго Карасьих озер и ряд других.

Не оставляли люди в эпоху бронзы и торфяниковые поселения. На Горбуновском торфянике были найдены бронзовые орудия: вислообушный топор, нож и другие.

Некоторые из найденных деревянных сосудов были починены с помощью металлические проволоочки и пластинок, а фигурка лосихи носит на себе следы обработки не каменным, а бронзовым изделием. Возможно, что и ряд других элементов материальной культуры, найденных на Горбуновском торфянике и охарактеризованных выше как неолитические, относятся к эпохе бронзы.

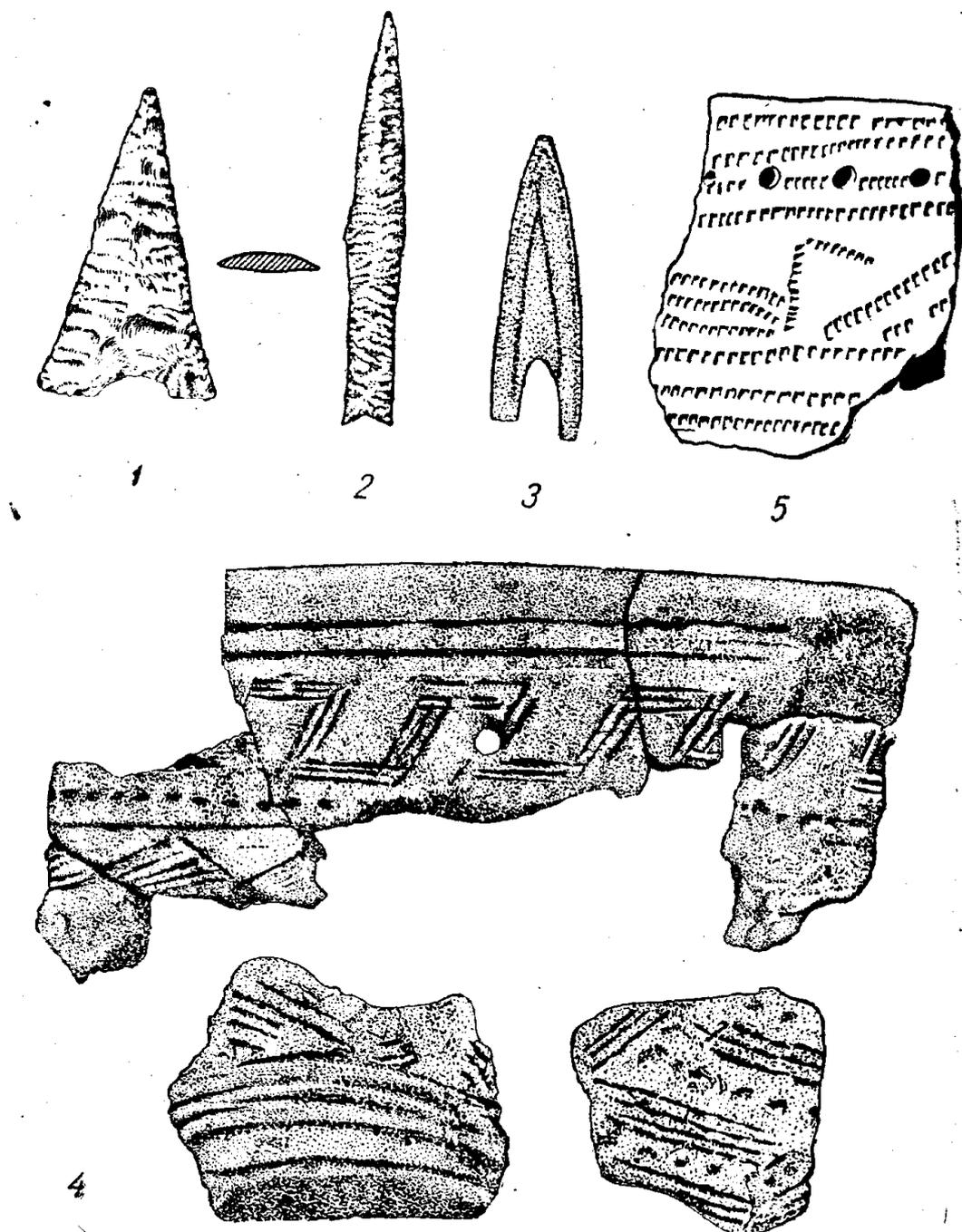

Рис. 25. Предметы шигирской культуры эпохи бронзы.

1, 2 — кремневые наконечники стрел; 3 — шлифованный наконечник стрелы из камня; 4, 5 — обломки глиняных сосудов (1, 2 стоянки Среднего Зауралья; 3—5 — Береговая стоянка на Горбуновском торфянике).

Но предпочтение, видимо, отдавалось все же поселениям на суше. Таковы две береговые стоянки на восточном берегу Горбуновского торфяника. На Первой Береговой стоянке удалось проследить пятна обожженной грунтовой глины и угли, оставшиеся на месте древних кострищ. Большинство орудий и здесь сделаны из камня. Листовидные, треугольные широкие и узкие наконечники стрел (изредка встречаются и шлифованные), наконечники стрел с шипами, наконечники дротиков, скребки различных форм, шлифованные топоры, тесла и долота, сланцевые широкие плоские кинжалы — вот далеко не полный перечень каменных орудий, мало или ничем не отличавшихся от бытовавших и в неолите (рис. 25).

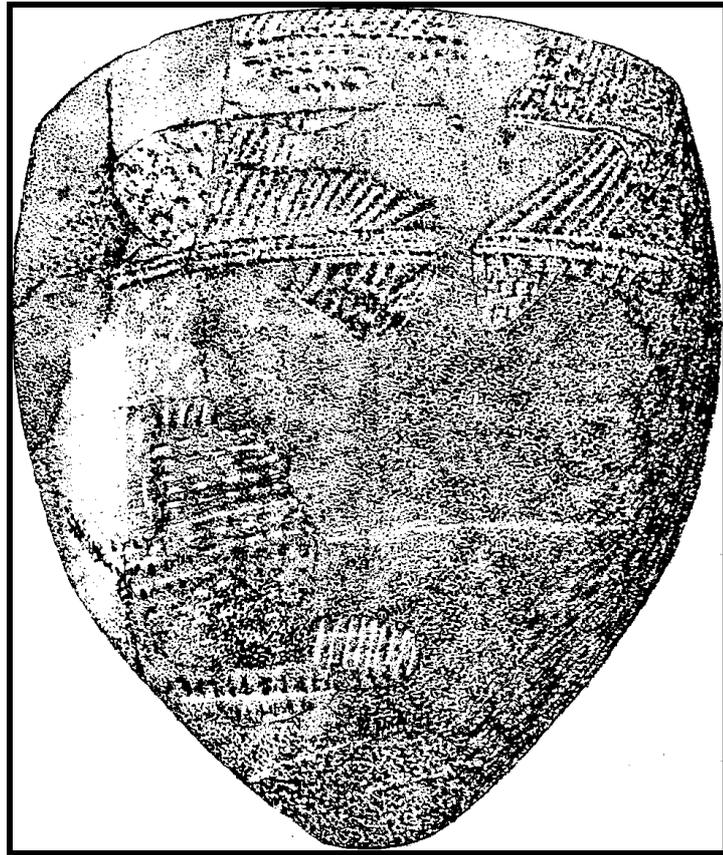

Рис. 26. Глиняный сосуд с Береговой стоянки на Горбуновском торфянике (реконструкция).

Свидетельством знакомства обитателей Первой Береговой стоянки с металлом является единственное изделие из меди — небольшая пластинка и предметы, указывающие на знание способов отливки бронзовых орудий: обломки глиняных маленьких ковшечков — льячек, употреблявшихся для разливки расплавленного металла по формам, и обломок каменной формы для отливки бронзового топора сейминского типа. Следовательно, металлические орудия изготовлялись здесь же — на берегу Горбуновского торфяника. Наконец, даже некоторые новые формы каменных орудий могли возникнуть только в подражание металлическим. Таковы, например, шлифованные наконечники стрел, широкие сланцевые кинжалы и т. п.

Керамика на шигирских стоянках эпохи бронзы носит смешанный характер. Большинство сосудов имеет старую неолитическую полуяйцевидную форму с круглым или острым дном (рис. 26). Появляются лишь новые элементы в орнаменте, например, довольно часто на сосудах, орнаментированных гребенчатыми оттисками, можно видеть схематические изображения водоплавающих птиц, сделанные при помощи того

же гребенчатого штампа. Эти изображения образуют полный пояс вокруг всего сосуда (рис. 25-5).

Наравне с круглодонными и остродонными прямостенными сосудами со сплошной орнаментировкой стенок теперь вошли в быт и плоскодонные с хорошо выраженным горлом горшки. Орнамент на последних занимает только верхнюю половину стенок и состоит из новых, неизвестных в неолите, элементов: заштрихованных треугольников, ломаных широких полос (меандров), из рядов мелких вдавленных уголков и т. п. Все эти мотивы живо напоминают керамику соседних степных племен андроновской культуры.

Если шигирские памятники эпохи неолита свидетельствуют о принадлежности их к лесному массиву культур Восточной Европы и Западной Сибири, то в эпоху бронзы ясно прослеживается связь шигирских племен с южными степными соседями — с племенами андроновской культуры. Последние, как скотоводы и земледельцы, раньше, чем лесные обитатели, достигли такого уровня развития производительных сил, который с меньшей затратой труда обеспечивал андроновские общины необходимыми для поддержания жизни продуктами. А поэтому у степняков-скотоводов раньше явилась возможность выделить рабочую силу для добычи медной руды и освоения металлургического производства.

Выделение скотоводов из массы охотничье-рыболовецких племен является, как мы уже говорили, крупной вехой в развитии древнего общества. Ф. Энгельс определяет это явление как «первое крупное общественное разделение труда». Различия в производственной деятельности соседних групп племен неизбежно должны были привести к оживлению и расширению обмена. От андроновских племен к обитателям более северных шигирских поселений стали проникать различные бронзовые изделия, что привело в конце концов к освоению обработки металла и жителями лесного Зауралья.

На шигирских стоянках эпохи бронзы наравне с керамикой старых круглодонных неолитических форм, широкое распространение приобретают сосуды плоскодонные, орнаментированные заштрихованными треугольниками, меандрами и другими геометрическими фигурами, характерными для андроновских сосудов (рис. 25-4).

Не исключена возможность, что в это время в леса Среднего Урала проникает скотоводство. Недостаточная изученность памятников и неблагоприятные для сохранения костей свойства почвы в этих районах не позволили до сих пор подтвердить такое предположение находками костей домашних животных. Все же надо признать, что широкого распространения скотоводство у шигирских племен в эпоху бронзы, несомненно, не имело. Бесспорно, что охота и рыболовство наравне с собирательством продолжали оставаться основным занятием обитателей шигирских поселений. Не исключена возможность и зачаточного земледелия. Найденные еще в неолитических торфяниковых стоянках заостренные палки с педалями (бесспорно орудия землекопные) заставляют думать, что земледелие возникло здесь даже в то время. А для эпохи бронзы мы имеем частые находки зернотерок. Если учесть близкое знакомство племен шигирской культуры со скотоводческо-земледельческими андроновскими племенами зауральских степей, то возможность перехода к мотыжному земледелию вполне допустима.

Эпохой бронзы надо датировать, как доказал А. А. Формозов, и ранние зауральские писаницы, то есть рисунки, нанесенные на скалах (рис. 27). Писаниц особенно много по реке Тагиле, близ деревни Новожиловой, на камнях Караульный, Змеевой, Писаный, Соколий, Балабан. Известны они и по берегам рек Тура, Вишера, Реж, Нейва, Ивдель, а также в некоторых пещерах. Писаницы хорошо отражают религиозные воззрения шигирских племен эпохи бронзы, а отчасти и хозяйственный

строй последних. Изображения на писаницах нанесены красной охрой. Меньшая часть этих изображений имеет вполне реалистический характер: медведь, выдра, лиса, человек, наконечник стрелы с черешком; большинство же рисунков представляют собой условные геометрические изображения, которые не всегда можно расшифровать. Круги с отходящими от них лучами бесспорно изображают солнце; имеются тут и схематические изображения змеи в виде зигзага и какого-то животного; знак в виде решетки предположительно можно рассматривать как изображение охотничьей загороди, поскольку на том же камне мы видим ясную фигуру лисы. В целом, следовательно, на этом камне помещена магическая сцена охоты на лису, долженствующая обеспечить, по мнению древних охотников, успех охоты.

Большинству перечисленных изображений на Тагильских писаницах имеются полные или близкие аналогии среди известных наскальных рисунков Онежского озера, нанесенных лесными племенами II тысячелетия до нашей эры. Этот факт указывает, что связи племен лесного Зауралья с населением севера Восточной Европы, отмеченные для неолита, продолжали сохраняться и в эпоху бронзы. Вместе с тем некоторые элементы на писаницах подтверждают связи и с населением южных степей. Последние устанавливаются по меандровым рисункам и изображению каменного треугольного черешкового наконечника стрелы, типичного для степных культур эпохи бронзы.

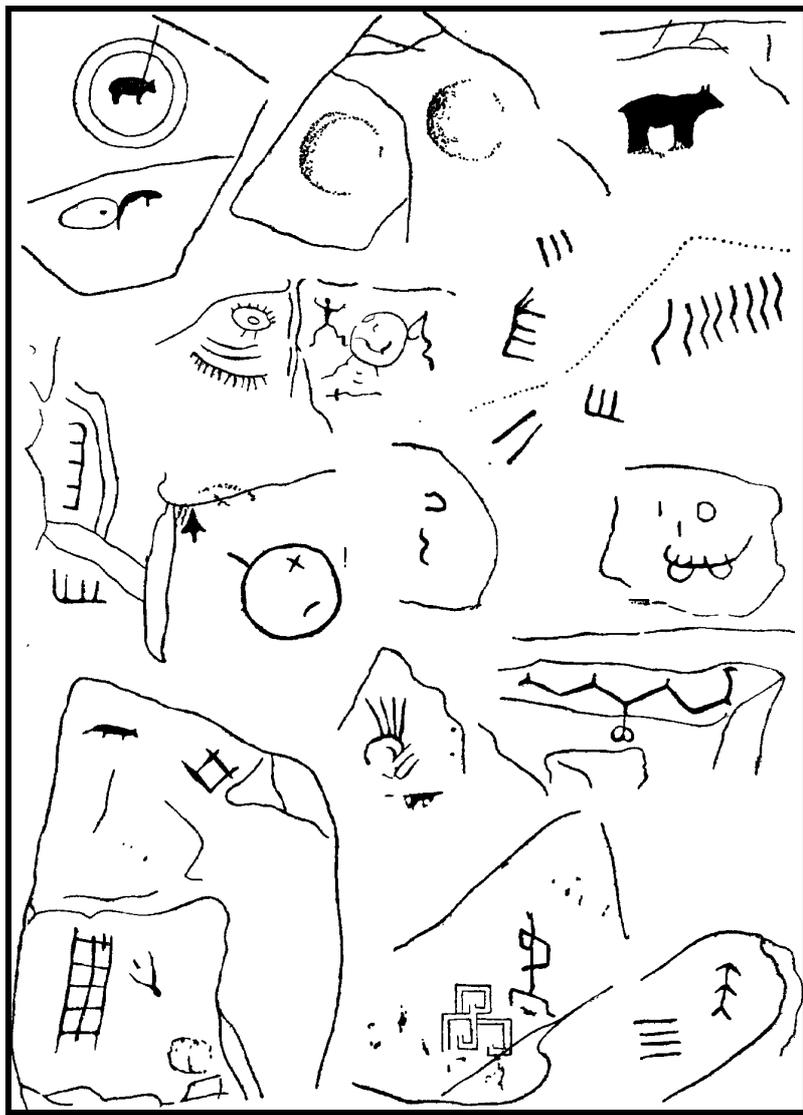

Рис. 27. Писаницы на реке Тагиле.

В писаницах отразились религиозно-магические представления их создателей. Изображения животных и водоплавающих птиц, а также змей, бесспорно, связываются с охотничьей магией и культом воды, столь характерным для охотничье-рыболовецких племен лесной полосы не только Урала, но и севера европейской части СССР. Северные круглодонные сосуды с включенными в орнамент такими же, как и на Урале, поясами из оттиснутых гребенчатым штампом изображений водоплавающих птиц, близость магических рисунков на скалах по берегам Онежского озера и Белого моря, с одной стороны, и Среднего Зауралья с другой, являются лишним подтверждением родственности населения лесов в эпоху бронзы, которая установилась и поддерживалась тесными культурными сношениями с эпохи мезолита.

Общими для обоих этих районов являются и изображения солнца — главного знака в культе поклонения небесным светилам, культе, который у охотничьих народов, также как и у земледельцев, связывался с весенним пробуждением природы.

Но бесспорно, что в описываемое время некоторые южные андроновские элементы продвинулись к северу. Это выразилось, прежде всего, во включении в орнаментику керамики геометрических андроновских мотивов и распространении плоскодонных сосудов.

Этнические сдвиги нужно связывать с теми климатическими изменениями, которые характерны для эпохи бронзы, когда большая засушливость привела к распространению степей в более северные районы. Но продвигавшиеся на север степные племена не были многочисленными и быстро были поглощены коренным населением, которое сохранило свою культуру и хозяйственный строй, лишь обогатив их некоторыми южными элементами. В среде современного коренного населения лесного Зауралья — манси встречается антропологический тип, характерный для андроновских погребений эпохи бронзы: европеоидный, с широким и низким лицом, с сильно выступающим носом. В большинстве же физический облик манси характеризуется смешением черт монголоидной и европеоидной рас. Поскольку неолитическое население повсюду в лесной полосе Сибири и Урала относится к монголоидам, то европеоидную примесь нужно отнести за счет продвинувшихся в эпоху бронзы на север андроновских племен европейского облика.

Таким образом, в племенах шигирской культуры может быть надо видеть предков современных манси, а к бронзовому этапу развития шигирской культуры должно относить сложение современного физического облика этого народа.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК В СТЕПНОЙ ПОЛОСЕ РАСПАД ПАТРИАРХАЛЬНОЙ РОДО-ПЛЕМЕННОЙ ОБЩИНЫ

В VII-VI веках до нашей эры в жизни первобытного населения Урала происходят крупные перемены. Местные племена впервые знакомятся с новым более совершенным материалом для изготовления орудий труда и оружия — железом. На смену бронзовому веку приходит железный век. Освоение плавки железной руды — важный этап в истории первобытного общества.

«Человеку стало служить железо, последнее и важнейшее из всех видов сырья, сыгравших революционную роль в истории... Железо сделало возможным полеводство на крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твёрдости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов»^{35[1]}.

Наступило время, когда развитие производительных сил пошло более быстрыми темпами, чем на предыдущих стадиях. Но развитие это шло не одним путем. Если в лесной полосе совершенствуется земледелие, то в степях Южного Приуралья и Зауралья окончательно побеждает скотоводческое хозяйство, и до того игравшее большую роль в производственной деятельности степных племен.

Размножившимся стадам стали тесны пастбища приречных лугов, и население принуждено было выйти из речных долин в открытые степи. К тому же климатические условия сделались более влажными, и степи оказались теперь пригодными для кочевого скотоводства.

Племена раннего железного века, обитавшие на территории, ранее занятой оседлыми племенами андроновской и срубно-хвалынской культур эпохи бронзы, различались по образу жизни.

На юге, в степях, мы обнаруживаем лишь курганы. Никаких признаков постоянных оседлых поселений не найдено. Здесь в эпоху железа жили, очевидно, кочевники-скотоводы.

В полосе лесостепи кроме курганов имеется немало мест древних поселений. В отличие от андроновских селищ поселения эти обычно защищены валом и рвом, представляя собой маленькие крепостцы. Такие памятники в археологии носят название городищ. Следовательно, в зоне лесостепи жили уже не кочевые, а оседлые или полuosедлые племена. Но основным занятием их было также скотоводство.

О кочевниках мы можем судить лишь по погребальным сооружениям. На степных просторах южных районов Челябинской области и — примыкающих частей Чкаловской области, Башкирии и Северного Казахстана встречаются огромные курганы высотой до 10 и более метров. Насыпать такой курган не под силу не только одной патриархально-семейной общине, но и целому роду. Курганы сооружались трудом, вероятно, целого племени и хранят под своей насыпью могилы племенных вождей и родоплеменной знати. Такие крупные курганы в Приуралье не исследовались, и о их содержании можно судить лишь в сравнении с подобными насыпями, раскопанными в Причерноморье. Там в высоких скифских курганах находят огромные могилы сложного устройства, в которых похоронены представители скифской племенной знати с большим числом оружия, предметов домашнего обихода, умерщвленными рабами и женами, а иногда целыми десятками и сотнями костяков лошадей.

Массовые курганы, под которыми погребались рядовые члены рода, редко превышали в высоту один метр.

В Южном Приуралье и Зауралье раскопано немало таких курганов. Они содержат погребения потомков местного населения эпохи бронзы, оставившего нам памятники андроновской и срубно-хвалынской культуры. По предметам материальной культуры эту преемственность между племенами эпохи бронзы и населением раннежелезного века проследить трудно. Появление нового металла, изменение оседлого образа жизни на кочевой привели к быстрой смене культурного облика. Новый быт породил новую культуру. Но отдельные предметы новой культуры, например керамика, носят явные следы происхождения из недр культуры бронзового века. Яснее преемственность прослеживается по погребальному ритуалу. Сохраняется иногда трупосожжение, могилы часто по-прежнему ограждаются кольцом из камней. Сравнение черепов из могил этих двух сменивших в степях друг друга эпох показало, что здесь и в эпоху раннего железа продолжали жить те же племена, что и в эпоху бронзы. Для похороненных и той и другой стадии характерна особая разновидность европеоидного типа, который именуется в антропологии андроновским.

Но если раньше мы принуждены были именовать племена этого района условным, вымышленным названием, то с эпохой раннего железа дело меняется. До нас дошли сочинения древних авторов, в которых приводятся названия многих народов, живших в ряде районов нашей страны в середине I тысячелетия до нашей эры. Греческий историк V века до нашей эры Геродот указывает живших к востоку от скифов, за Доном, следовательно в задонских степях и в Нижнем Поволжье, — савроматов. Археологами установлена однородность курганных захоронений, однородность культуры в эпоху раннего железа в степях Нижнего Поволжья и Южного Приуралья и Зауралья. Следовательно, в скифское время здесь обитали также савроматы. Позднее, с конца IV века до нашей эры, местные, племена в древних письменных источниках фигурируют под наименованием сарматов. Советской наукой установлено, что савроматы и сарматы представляют собой группу одних и тех же племен на различных стадиях развития. Следовательно, различие между этими терминами не этническое, а хронологическое.

Савромато-сарматские племена обитали в Южном Приуралье и Зауралье с VII-VI веков до нашей эры по IV-V век нашей эры. Это тысячелетие мы можем смело именовать сарматской эпохой.

На протяжении такого большого периода облик материальной культуры сарматских племен в Приуральских степях не мог оставаться неизменным. Процесс внутреннего развития, осложненный событиями на соседних, особенно южных территориях, оживил сношения с другими племенами. Эти связи носили и характер мирного торгового обмена и характер военных набегов и походов. Преобладание тех или иных связей с соседями на каждом отрезке истории сарматских племен не мог не отражаться на их культуре. Изменялась форма орудий, оружия, личных украшений, сосудов; изменялось устройство могил. Тысячелетняя история степных сарматских племен представлена курганами с различными по устройству и содержанию погребениями, которые объединяются проф. Б. Н. Граковым в четыре культуры, сменявшие друг друга: савроматскую — VI-IV века до нашей эры, прохоровскую - IV-II века до нашей эры, сарматскую - с конца II века до нашей эры по II век нашей эры, аланскую — II-IV века нашей эры.

САВРОМАТСКАЯ КУЛЬТУРА

Хотя савроматских курганов исследовано немного, все же имеется возможность выделить типичные для них черты.

Родоплеменная знать погребалась в крупных могилах площадью до 20 квадратных метров при глубине в 3-4 метра, рядовые члены рода — в узких могилах. В обоих случаях покойники лежат на спине, вытянуто с востока на запад. Их сопровождают обезглавленные тушки баранов, крупные части коня, а иногда и целый конь, а также оружие: мечи и кинжалы с навершием в форме двух спиралей и с бабочкообразным перекрестием (рис. 28-/, 2); бронзовые плоские и трехгранные наконечники стрел (рис. 28-3-5), реже железные; плоскодонные горшки; в конском наборе часты предметы, выполненные в так называемом «зверином стиле», с изображением чаще головок животных (рис. 28-5). В женских могилах обнаруживаются бронзовые зеркала с пластинчатой ручкой, иногда стеклянные и пастовые бусы, изредка каменные столики-блюда на ножках (рис. 28-9).

Один из таких курганов был раскопан еще в 80-х годах прошлого столетия возле поселка Черниговского, близ Магнитогорска. В нем покойников сопровождал железный меч, 50 стрел, от которых сохранились бронзовые трехгранные наконечники, бронзовое зеркало и каменное блюдо на ножках.

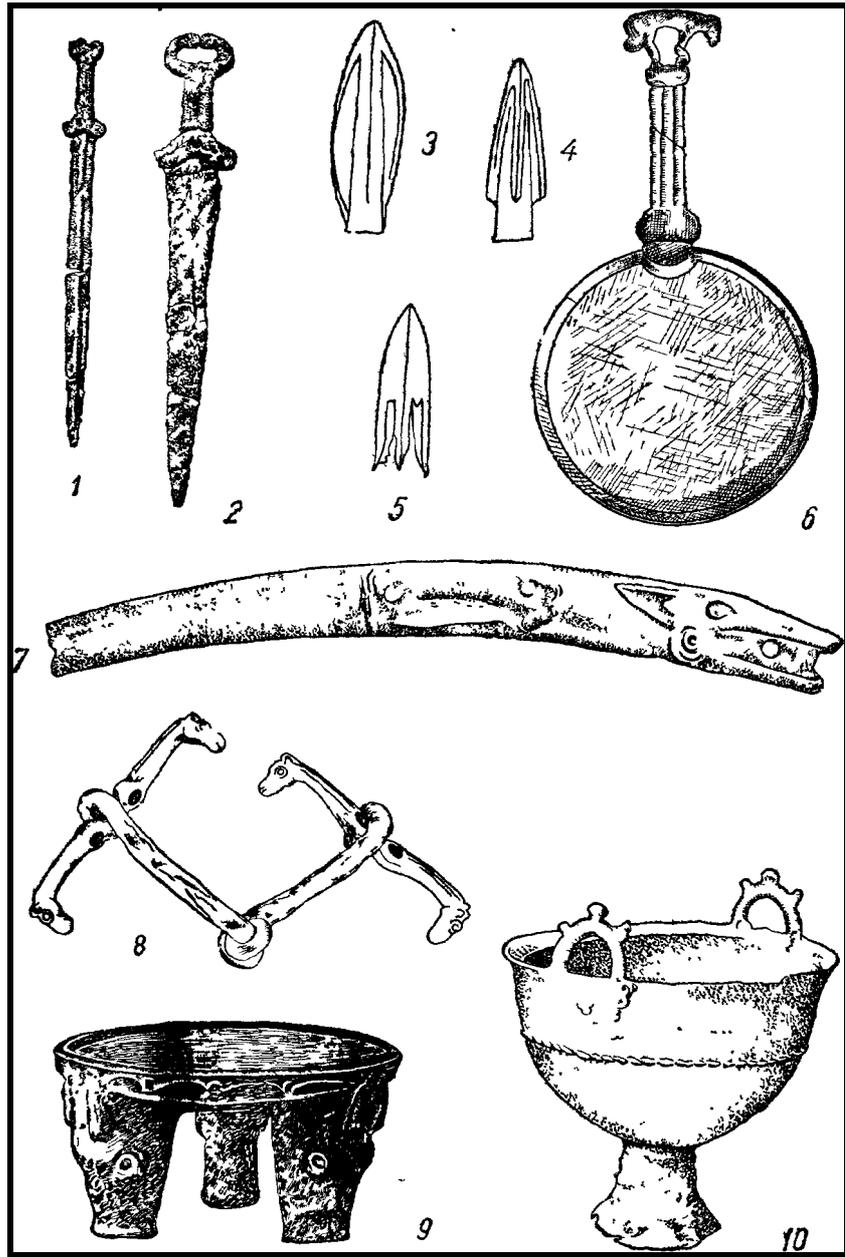

Рис. 28. Предметы савроматской культуры.

1, 2 - железные мечи; 3 - бронзовый плоский наконечник стрелы; 4, 5 - бронзовые трехгранные наконечники стрел, 6 - бронзовое зеркало; 7 - костяная рукоятка, 8 - железные удила; 9 - каменный столик-жертвенник; 10 - бронзовый котел (1, 3, 4, 5, 9 - пос. Черниговский; 2 - с. Осьмушикино близ Бузулука; 6 - район г. Орска; 7 - с. Абрамовка; 8 - с. Блюменфельд, 10 - с. Замараево).

Раскопка была произведена не специалистами — и потому подробности устройства кургана остались невыясненными. По-видимому, он содержал двух покойников: мужчину и женщину. При первом было оружие, а вторую сопровождали зеркало и каменное блюдо. Не исключена возможность, что под Черниговским курганом была погребена только одна женщина, так как в других случаях зеркало и каменное блюдо на ножках сопровождали погребения вооруженных женщин.

Примером богатого савроматского погребения могут служить два кургана, раскопанные в 1911 году в Чкаловской области, близ города Соль-Илецка. Стенки огромных могильных ям в этих курганах были обложены толстыми бревнами длиной в

10 метров, которые поддерживались с обеих сторон двумя рядами столбов. Сверху могилы также покрывались настилом из толстых бревен.

Оба кургана содержали расхищенные погребения, но и при этих условиях археологами было найдено немало ценных вещей, ускользнувших от внимания грабителей. В них оказалось более десятка золотых блях квадратной и овальной формы, украшенных рельефными изображениями тонкой работы. На одних были изображены головки львов, на других головы кабана, на третьих — стилизованный растительный орнамент — пальметта. Тут же оказались разнообразные бусы из сердолика, золота, синего стекла, раковины, стеклянное изображение когтя птицы с дырочкой для подвешивания, четыре просверленных клыка хищных животных, причем один из них с конца был оправлен в золотой колпачок с колечком. Все эти бусы и подвески составляли, видимо, ожерелье. Возможно, что в состав ожерелья входила также найденная здесь печатка из белого халцедона в золотой оправе. Золотые бляхи имеют или дырочки и полупетельки для прикрепления к одежде покойника и конской сбруе. От сбруи в могиле сохранились отдельные ремни и кусочки кожи, красиво украшенные завитками.

Из предметов домашнего обихода найдены черепки глиняного сосуда, осколки сосуда финикийского стекла синего цвета с белыми и красными прослойками, кусочки дерева от чашечки или ящичка со следами резного украшения, обломок костяной ложечки.

Оружие было представлено бронзовыми наконечниками стрел и кусками железа, видимо, от кинжалов.

Исключительный интерес представляет упомянутая халцедоновая печатка. На ней вырезана сцена борьбы человека со львом. Человек изображен в зубчатой короне персидских царей, в левой руке он держит обнаженный меч, а правой схватил за горло льва, поднявшегося на задние лапы и старающегося вонзить когти передних лап в грудь своему противнику.

Подобные сцены борьбы царя со львом обычны в произведениях древнеперсидского искусства. Их мы видим на скульптурных украшениях дворцов древних персидских царей, на персидских монетах и печатях царей и знатных лиц эпохи династии Ахеменидов (VI-IV века до нашей эры). Печать из Покровского кургана служит ясным доказательством связей, существовавших между древними савроматскими племенами Южного Приуралья и дальними городами персидского царства времен Ахеменидов. Вместе с тем печать позволяет и датировать тем же временем курганы у села Покровка.

Савроматское Приуралье было известно и населению Северного Причерноморья. Из далеких античных городов Причерноморья сюда шел торговый путь через степи Украины, Подонья и Поволжья. Об этом красноречиво говорят находки в ряде памятников Южного Приуралья бронзовых зеркал с ручками, украшенными фигурками животных. Местом производства таких зеркал был один из крупнейших ремесленных и торговых центров античного Причерноморья — город Ольвия на Днепро-Бугском лимане. Ольвийские зеркала распространялись на огромные расстояния — до Венгрии на западе и до Южного Приуралья на востоке. Такие зеркала ольвийского происхождения были найдены в кургане «Елга» близ города Бузулука, в погребении в урочище Биш-Уба близ Орска (рис. 28-6) и в других пунктах.

Таким образом савроматы находились в тесных регулярных сношениях с древним югом Восточной Европы. Результатом этих связей явились многие общие черты в предметах материальной культуры савроматов и скифов. Характерный для скифов «звериный стиль» в искусстве мы видим и у савроматов Приуралья. На бляхах,

псалиях^{36[1]}, изделиях из бронзы и кости, на каменных блюдах — всюду изображения зверей и животных: львов, лошадей, овец, а также фантастических существ: грифонов, драконов. Часто животные соединены в группы, изображающие сцены борьбы, нападения хищников на травоядных животных. В качестве образцов произведений искусства, выполненных в «зверином стиле», можно указать на костяную ручку, вероятно зеркала, найденную у села Абрамовки, Чкаловской области (рис. 28-7), на рукоятку уже упоминавшегося зеркала из урочища Биш-Уба близ Орска, на каменное блюдо-столик из Черниговского кургана (рис. 28-9).

Много общего у савроматов со скифами и в предметах вооружения. Форма савроматских мечей с двуспиральным навершием и бабочкообразным перекрестьем подобна форме скифских мечей, бронзовые наконечники стрел также одинаковы, как и огромные бронзовые котлы на одной ножке в форме гигантской рюмки. Типично скифской формы котел найден, например, близ Шадринска, у села Замараева при раскопках курганов (рис. 28-10). В савроматских курганах Южного Приуралья и Зауралья нередко встречаются интересные, неизвестные в других районах поделки из камня-блюда или столики на трех-четырёх ножках, вырезанные из одного куска камня. По бортику таких блюд часто располагается резной рельефный орнамент из ряда полукружий или фигурных скобок. А ножки вырезаются в виде стилизованных головок животных. Столиков-блюд найдено более 20 штук. Большинство их происходит из района Бузулук — Чкалов. Несколько таких предметов найдено в курганах Зауралья как в степной, так и в лесостепной полосе; у поселка Черниговского, близ Магнитогорска, у поселка Черняки под Челябинском и в окрестностях села Катайского на Исети.

Наличие красной краски — символа огня на некоторых из блюд описанного типа, обнаружение их часто в погребениях женщин, сопровождавшихся оружием, позволяет предположить, что каменные блюда на ножках — это домашние жертвенники.

ПРОХОРОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Следующая — Прохоровская культура представлена наибольшим числом курганов, что должно указывать на сильное увеличение населения в степях Приуралья. Курганы и этой стадии отражают имущественное расслоение. В богатых погребениях нередко предметы из золота и серебра, большой набор разнообразного погребального инвентаря, а в могилах рядовых членов рода иногда обнаруживаются пара стрел да глиняный горшок.

Покойников погребали в прямоугольных или овальных могильных ямах. Вокруг могил встречаются кольца, выложенные из камней, над могилами — каменные кучи и обожженные глиняные площадки. Нередки могилы более сложного устройства, когда покойника помещали в катакомбе — подбое под одной из стенок могилы. Почти всегда костяк лежит головой к югу. На дне могилы часто обнаруживается подсыпка из мела. В большинстве случаев покойник сопровождается в могилу бочком овцы, среди костей которого оказываются небольшие железные ножи. Прочий могильный инвентарь состоит из железных мечей с серповидным навершием и прямым перекрестием, бронзовых трехгранных и железных стрел, зеркал с ручками, а иногда с валиком по краю (рис. 29). Реже встречаются предметы в «зверином стиле». Для прохоровской культуры характерна круглодонная бомбовидная (рис. 29-7) или яйцевидная керамика, встречаются алебастровые яйцевидные флаконы.

Примером богатых сарматско-прохоровских погребений могут служить курганы у села Прохоровка, Шарлыкского района, Чкаловской области (на границе с Башкирской АССР), давшие имя всей культуре. Здесь в 1911 году было раскопано четыре кургана, в которых были погребены, по всей видимости, члены богатой семьи или рода. В самом крупном из них обнаружен костяк мужчины-воина. Для него была вырыта большая могила овальной формы глубиной около двух с половиной метров. Длина этой могилы превышала три метра, а ширина равнялась почти двум метрам. Чтобы в такую яму было удобно спускаться, в стенке ее Застроена ступенька. На дне могилы лежал головой к югу костяк мужчины. Южная стенка могилы была расширена в виде ниши. В этой нише оказался массивный железный панцирь — когда-то он служил своему обладателю надежной защитой от ударов мечей и копий врагов. На шее воина найден особый вид украшения в виде обруча, так называемая гривна, свернутая спиралью в несколько оборотов. Основа гривны состояла из медного прута, сверху она была обложена пластинкой золота. Концы этого изящно сделанного предмета были украшены головками какого-то фантастического хищного животного с оскаленными зубами и тупой мордой (рис. 29-5, 6). Здесь же найден бронзовый браслет и бронзовое круглое зеркало с ручкой (рис. 29-4). Вдоль левой ноги погребенного лежали остатки железного меча в ножнах, обложенных тонкими золотыми пластинками. Золотая обкладка была украшена напаянными на нее фигурами из золотой проволоки, завитками, листочками. Внутренность этих фигур заполняла красная, синяя, белая эмаль. К одной из стенок могилы были прислонены два серебряных блюда тонкой работы с рельефным орнаментом (рис. 30). Помимо этих вещей в могиле найдены кости домашних животных и черепки глиняного горшка.

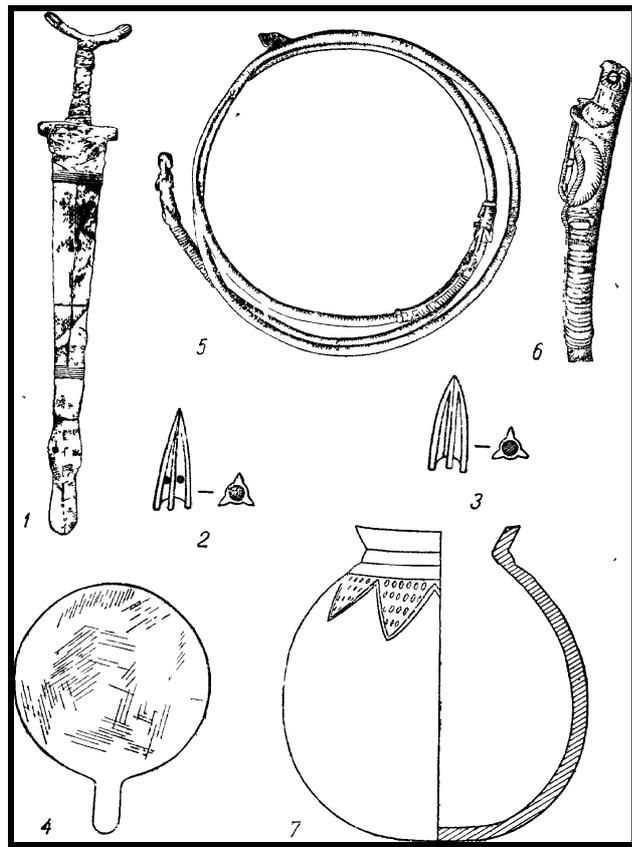

Рис.29. Предметы прохоровской культуры.

1 – железный меч в золотых ножнах; 2, 3 – бронзовые наконечники стрел; 4 – бронзовое зеркало; 5 – золотой шейный обруч-гривна; 6 – деталь гривны; 7 –

глиняный сосуд (1 – пос. Красногорский; 2, 3, 7 – курган на р. Малый Кизыл близ Магнитогорска; 4-6 – село Прохоровка).

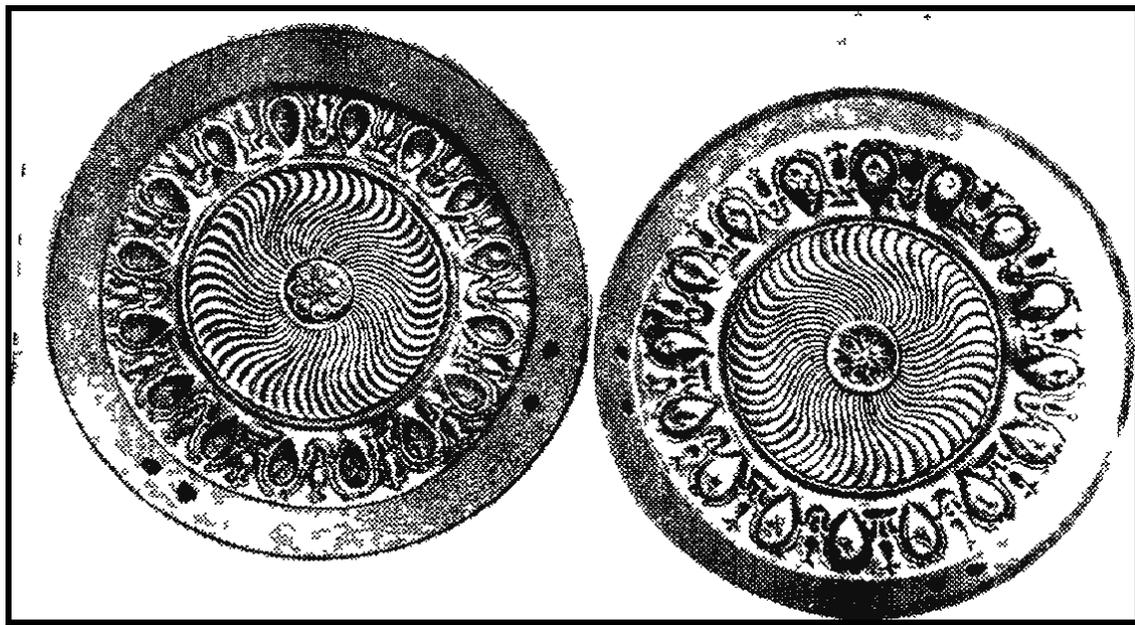

Рис. 30. Серебряное блюдо из кургана у села Прохоровка.

Серебряные блюда представляют исключительный интерес. На обоих блюдах оказались надписи. На первом арамейскими буквами по-персидски было написано: «чаша Атромитра», на второй вся надпись состояла из цифровых знаков. Предполагается, что это указание веса блюда. По начертаниям букв надписей время изготовления блюд определяется IV-II веками до нашей эры. Драгоценные блюда персидской работы с именной надписью не могли попасть в Приуралье в порядке торгового обмена. Скорее это результат грабительского набега на персидские пределы каких-либо среднеазиатских племен, от которых уже позднее блюда были завезены в Приуралье.

Находки ценных вещей в сарматских курганах прохоровской культуры - нередкое явление. В 1903 году у поселка Красногорского на реке Урале, в Беляевском районе, Чкаловской области в погребении убитого в бою воина обнаружен железный меч в ножнах, также сплошь обложенных золотом (рис. 29-1).

Женское богатое погребение исследовано в 1949 году в одном из курганов I Мало-Кизыльского могильника близ Магнитогорска. На костяке оказалось много украшений: золотые серьги, серебряные браслеты на обеих руках, много бус из золота, сердолика и других камней, рядом лежало серебряное зеркало с ручкой, железный нож и галька-лощило, употреблявшаяся при изготовлении глиняных сосудов. И здесь покойница, как в курганах у села Прохоровки, была помещена в подбое под одной из стенок могилы (рис. 31). Описанные выше богатые погребения принадлежат верхушке общества — родоплеменной знати.

Рядовые члены сарматских родов в прохоровское время снабжались весьма скромным могильным инвентарем.

В 1950 году близ Магнитогорска в могильнике на реке Малый Кизыл раскопан курган, в котором так же, как у села Прохоровки, был погребен воин, но его сопровождали только остатки железного меча, два бронзовых наконечника стрел, железные удила и глиняный горшок (Рис.29-7).

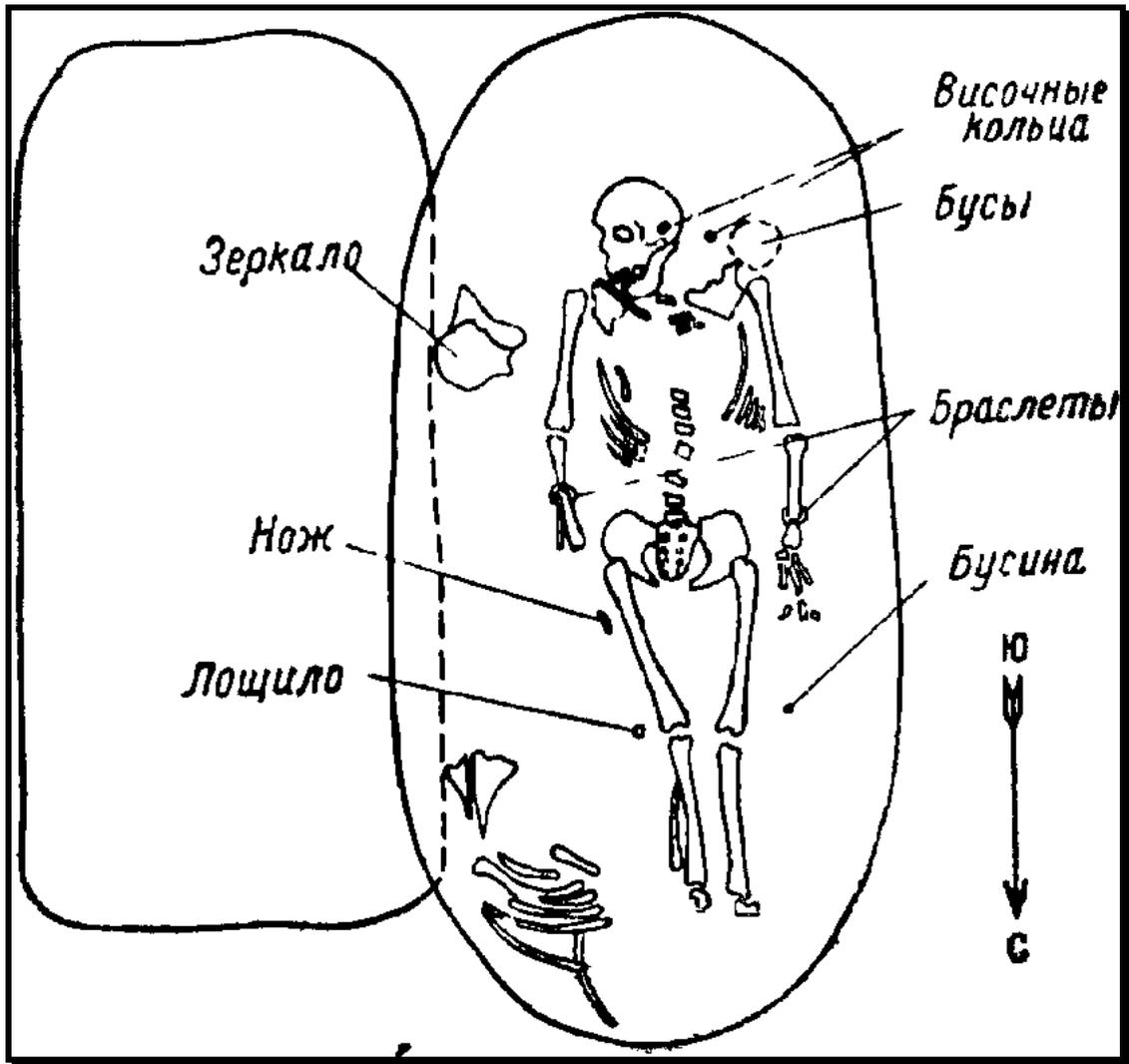

Рис. 31. План погребения в подбое прохоровской культуры на р. Малый-Кизыл (по раскопкам автора в 1949 году).

Приуралье и степное Зауралье в прохоровскую эпоху характеризуется расцветом самобытной культуры, которая, несомненно, ведет свое происхождение от савроматской культуры, но имеет особый облик. К этому времени культура приуральских сарматских племен теряет специфические скифские черты, что объясняется прекращением в IV веке до нашей эры систематических сношений с Северным Причерноморьем. Усиливается существовавшая еще в савроматское время связь со среднеазиатскими городами и Ираном. Оттуда поступают предметы роскоши, такие, например, как серебряные блюда прохоровского кургана. Наличие ряда общих черт в рядовом бытовом инвентаре, например, в формах керамики прохоровских погребений с керамикой населения Хорезма и кочевников Средней Азии, заставляет предполагать не только существование культурных связей между Приуральем и Средней Азией, но и возможность прихода из последней в Приуралье каких-либо новых племен, влившихся в среду коренного приуральского населения. В носителях прохоровской культуры есть основание видеть аорсов, упоминаемых авторами греко-римского мира, а китайские источники называют в этих местах народ яньцай.

Прохоровские племена создали крупный племенной союз с мощной военной организацией, с новой тактикой ведения боя. Для этого времени характерны длинные

мечи, иногда превышающие 110 сантиметров, сменившие короткие мечи-кинжалы савроматской эпохи. Длинными мечами можно сражаться только в конном строю.

На грани III-II столетий до нашей эры начинается движение конных сарматских полчищ из Приуралья к юго-западу. Мечи прохоровского типа с серповидным навершием и прямым перекрестием появляются на Нижней Волге, встречаются в памятниках Северного Кавказа. Вооруженные этими мечами сарматы хлынули в сторону Северного Причерноморья, привлеченные богатствами античных городов. Оттеснив скифов причерноморских степей, сарматы на грани нашей эры заняли господствующее положение на юге Восточной Европы. Таким путем на новой основе восстановилась тесная взаимосвязь Приуралья и Северного Причерноморья.

САРМАТСКАЯ КУЛЬТУРА

На запад продвинулась только часть сарматов. Основная их масса продолжала обитать в степях Приуралья, где с конца II века до нашей эры начинается новый этап развития, представленный курганами сарматской культуры, датирующейся временем с конца II века до нашей эры по II век нашей эры. В курганах этого времени распространенной формой погребальных сооружений являются или узкие могилы, нередко с катакомбой, или квадратные. В последних покойники лежат по диагонали головой к югу (рис. 32) или юго-западу. Вместе с покойником в могилах находятся кости овец, остатки пищи, сосуды разнообразной формы: кувшины с ручками (рис. 33-3), бомбовидные с цилиндрическим горлом, совсем маленькие стопки (рис. 33-4). Мечи снова короткие, навершия их имеют кольцевидную форму, перекрестия прямые (рис. 33-1). Встречаются и длинные мечи, лишенные навершия и перекрестия (может быть те были деревянными и сгнили). Изредка такие мечи снабжены круглым халцедоновым навершием. Стрелы встречаются редко. Господствуют трехперые железные наконечники стрел, скрепленные с древком при помощи острого черешка (рис. 33-2). Часто в погребениях находят зеркала с ободком, черешком для ручки и выпуклостью на оборотной стороне. В качестве примера можно привести погребение в кургане № 3 II Мало-Кизыльского могильника, близ Магнитогорска, раскопанном в 1949 году. Погребенный в этом кургане мужчина лежал по диагонали квадратной обширной могилы головой к югу с разбросанными в стороны руками и ногами. Вместе с костяком в могиле лежали короткий железный меч с кольцевидным навершием и прямым перекрестием, точильный брусок, обломок второго бруска, два глиняных кувшина, маленький, круглодонный сосудик и кости барана вместе с железным ножом.

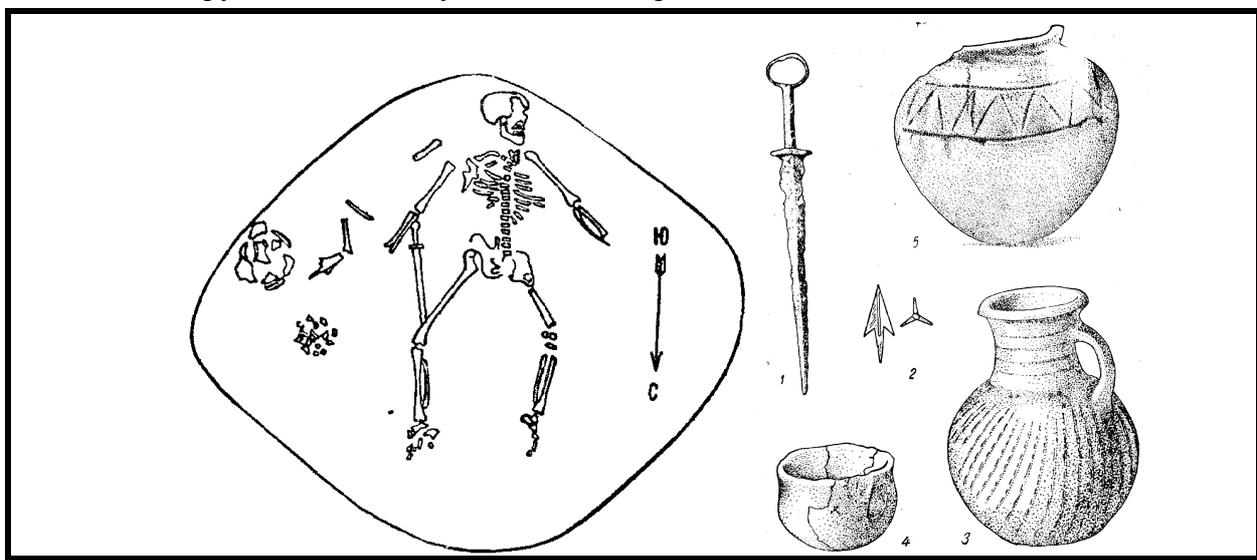

Рис. 32. План сарматского погребения во II Мало-Кизыльском могильнике (по раскопкам автора в 1949 году). Рис. 33. Предметы сарматской культуры. 1 – железный меч; 2 – железный наконечник стрелы; 3 – глиняный кувшин; 4 – глиняная маленькая стопка; 5 – глиняный сосуд (1 – Южное Приуралье; 2, 5 – курганы близ г. Чкалова; 3, 4 – II Мало-Кизыльский могильник).

В описываемое время крепнет культурное единство на огромной территории от Приуралья до Днепра, что объясняется распространением сарматских этнических масс далеко на запад. На территории Украины в тех районах, где античные авторы данной эпохи помещают роксоланов, обнаружены такие же квадратные могильные ямы с диагональным положением костяка, какие мы видим и в Приуралье. Эти факты лишней раз подтверждают участие восточных приуральских элементов в сложении высокой культуры первых веков нашей эры на юге Восточной Европы. С другой стороны отсюда нужно сделать вывод, что диагональные погребения в степях Приуралья оставлены роксаланами. Таким путем удастся еще один вид археологических памятников привязать к определенной исторически известной народности

АЛАНСКАЯ КУЛЬТУРА

Дальнейшее развитие местных племен привело к сложению во II-IV веках нашей эры новой культуры — последней ступени культуры сарматского облика, которая связывается с именем алан, одного из сарматских племен, выдвинувшихся в этот период. Название этого племени распространилось на всех сарматов вообще.

Аланские курганы меньше размером в сравнении с курганами предыдущей стадии. Могилы в большинстве случаев узкие. Встречаются погребения в гробах из досок. Могилы с гробами засыпались землей, а не закладывались жердями и бревнами, как раньше, когда покойник помещался на дно могилы без гроба. Костяки обращены головой к северу или северо-западу.

Широкое распространение у алан получает искусственная деформация черепов. Головка ребенка в раннем возрасте туго бинтовалась, и черепу придавалась удлиненная форма, вытянутая кверху и кзади (рис. 34 и 35).

Нередко погребения совсем лишены сопровождающего инвентаря. Керамика почти не встречается. Из оружия находятся мечи той же формы, что на предыдущей ступени, и железные черешковые стрелы. Из других предметов в аланских могилах видим: бронзовые маленькие зеркала с ушком на обороте, усеченные конические пряслица, кубические ритуальные сосудики, бронзовые застежки-фибулы, железные удила, бронзовые и серебряные бляшки от конской сбруи и поясов (рис. 36).

Аланские погребения в Приуралье раскопаны у поселка Бла-гословенского¹, близ города Чкалова, и в районе Магнитогорска, у поселка Агаповка.

Аланов знают и западные древние авторы — греческие и римские, и восточные — китайские. Последние отмечают непосредственное происхождение аланов от аорсов — яньцай. «Владения Яньцай переименовалось в Аланья», говорится в одном китайском

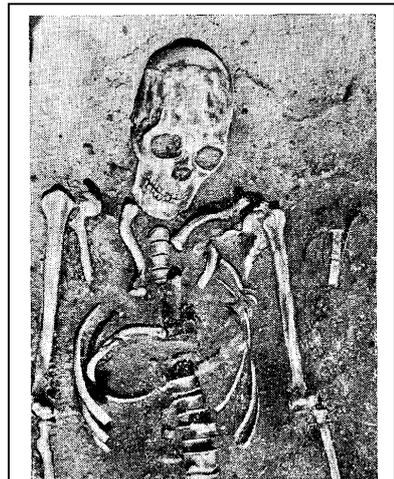

Рис.34. Аланское погребение с деформированным черепом в поселке Агаповка близ Магнитогорска.

историческом произведении.

Аланская эпоха характеризуется удивительным однообразием культуры, унифицировавшейся еще больше, чем на предыдущей стадии. Это находит себе объяснение в оживленных все расширяющихся связях культурного и политического характера. Из Причерноморья в Зауралье проникают, например, бронзовые застёжки-фибулы, зачастую встречающиеся в погребениях сармато-аланского времени в Южном Приуралье и Зауралье.

С другой стороны аланы находились в сфере политического влияния мощного высококультурного среднеазиатского государства Хорезма. Образовавшееся к югу от Хорезма сильное кушанское царство, заставило Хорезм активизировать свою политику к северу и северо-западу. Китайские письменные источники упоминают, что Хорезм собирал дань пушниной с аланских племен Приуралья.

Весьма распространенный обычай деформации черепов, наблюдающийся у 70-80% всех погребенных в аланских могилах, также ведет свое происхождение с юго-востока, от гуннов, распространявших свои владения все дальше и дальше на запад. В середине IV века нашей эры гунны, согласно сообщению китайских историков того времени, овладели землями аланов. Самостоятельное политическое существование земли Аланья кончилось и сармато-аланские племена как самодовлеющая единица

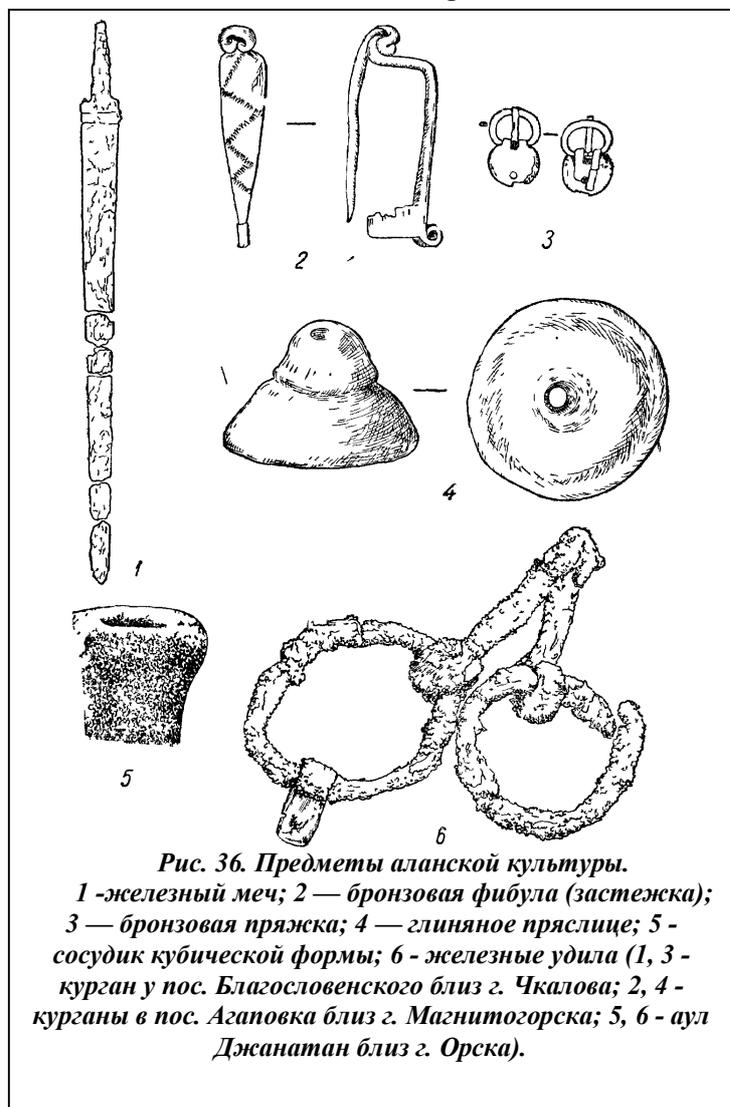

Рис. 36. Предметы аланской культуры.

1 — железный меч; 2 — бронзовая фибула (застежка); 3 — бронзовая пряжка; 4 — глиняное пряслице; 5 — сосудик кубической формы; 6 — железные удила (1, 3 — курган у пос. Благодословенского близ г. Чкалова; 2, 4 — курганы в пос. Агаповка близ г. Магнитогорска; 5, 6 — аул Джанатан близ г. Орска).

сошли с исторической арены Приуралья. Это совпадает с исчезновением сарматских курганов.

Богатая, развивавшаяся в степях Приуралья и Зауралья в течение целого тысячелетия сарматская культура прекратила свое существование. Точнее — новая историческая обстановка привела к крупным изменениям в материальной культуре кочевого населения приуральских степей. Памятники, созданные потомками алан в середине I тысячелетия нашей эры, описаны ниже.

Четыре хронологические группы памятников, охарактеризованные нами, рисуют продолжительный этап исторического развития населения степной полосы Приуралья и Зауралья. На протяжении тысячелетней своей истории сарматские степные племена оставались кочевниками-скотоводами.

Возникшие еще в эпоху бронзы на базе разросшегося скотоводства патриархально-родовые отношения продолжали развиваться на

скотоводства патриархально-родовые отношения продолжали развиваться на

протяжении всего сарматского времени. Но вместе с тем для приуральских сарматских племен характерны сильные пережитки матриархата, что ярко отражено археологическими памятниками. Это резко отличает Приуралье от скифского юга Восточной Европы, где патриархально-родовой строй был ярко выражен. В Приуралье же, в особенности в савроматскую и прохоровскую эпохи, нередко находки женских погребений, содержащих предметы вооружения: железные мечи и кинжалы, колчаны с бронзовыми стрелами. Это совпадает со свидетельством Геродота, который, характеризуя быт савроматов, между прочим пишет: «Относительно брака соблюдается у них следующее правило: ни одна девушка не выходит замуж, прежде чем не убьет врага» Женщины-воительницы не могли находиться в угнетенном, бесправном положении.

Для ряда женских савроматских могил характерны находки каменных блюдец или столиков на трех-четырех ножках, вырезанных из одного куска камня. По бортику блюдец часто располагается резной рельефный орнамент из ряда полукружий или фигурных скобок. А ножки блюдец вырезались в форме стилизованных головок животных. Такие блюда, вероятно, служили переносными домашними жертвенниками, и женщины, их обладательницы, следовательно, отправляли религиозный культ. Но все эти черты высокого положения женщин были лишь пережитками и относились далеко не ко всем женщинам.

Развитое скотоводство, как основной источник существования, оживленный обмен, в том числе и с отдаленными странами, всеобщая вооруженность мужчин, частые военные набеги, имевшие следствием захват скота, рабов и рабынь, — все это не способствовало сохранению матриархальных отношений, наоборот выдвинуло мужчин, как организаторов и распорядителей хозяйственной и общественной жизни общества.

Патриархальный род, возникший в эпоху бронзы, шел на протяжении долгой сарматской эпохи к распаду, причем степные племена в этом отношении пошли дальше лесостепных. Кочевое скотоводство давало больше возможностей к накоплению крупных стад в руках отдельных семей. Развитый межобщинный обмен велся от имени родовых общин представителями верхушки родового общества — богатыми семьями вождей, старейшин, их приближенных. Торговый обмен того времени часто заменялся открытым грабежом, захватом богатств, набегами. При кочевом скотоводческом быте богатства заключались в стадах скота. Кочевникам нетрудно было отбить их у соседей.

«Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд», — говорит Ф. Энгельс об этой стадии общественного развития^{37[1]}.

Развитие скотоводства привело к накоплению богатства в виде стад, которые

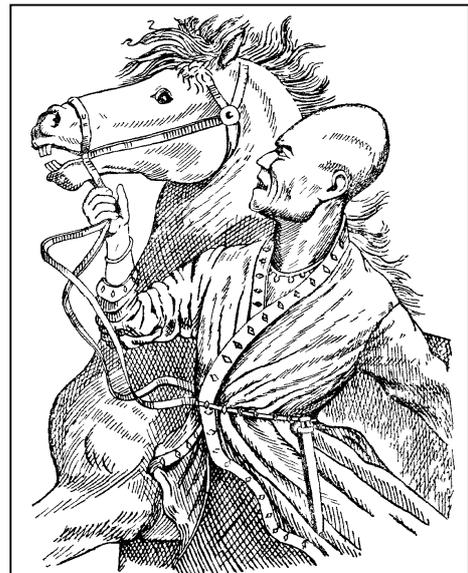

Рис. 35. Алан с деформированным черепом (реконструкция).

можно было увеличить грабительскими набегами и которые поэтому же нужно было защищать. Набеги сделались одним из промыслов населения той эпохи. И каждый мужчина был воином.

«Война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни»^{38[2]}.

Эти слова Ф. Энгельса подтверждаются составом могильных находок в курганах сарматской эпохи степного Приуралья и Зауралья, основной погребальный инвентарь мужских могил которых составляет оружие. По найденным материалам мы можем установить, как выглядело вооружение воина. Каждый мужчина имел лук со стрелами и меч или кинжал. Наконечники копий встречаются реже. Мечи, кинжалы и копья изготовлялись из железа. Стрелы носились в деревянных, берестяных или кожаных колчанах. С помощью бронзовых или железных крючков колчан привешивался к поясу. Наконечники стрел изготовлялись преимущественно из бронзы, имели трехгранную форму. К концу эпохи распространяются стрелы с железными наконечниками. Как выглядел лук, мы не знаем. Неизвестно также, пользовались ли для отражения ударов противника щитом. Вероятнее всего, что щиты были. Об этом можно судить по аналогии с данными о вооружении скифов Причерноморья, с которыми племена Южного Приуралья и Зауралья имели много общего. Причерноморские скифы пользовались кожаными щитами, от которых, естественно, никаких следов в могилах могло и не остаться.

Организаторами грабительских набегов являлись представители родовой знати. В их руки попадала большая часть добытых ценностей. Таким путем внутри рода крепились отдельные богатые семьи. Постепенно бедные семьи становились в экономическую зависимость от богатых родичей.

У степных кочевых племен имущественное расслоение хорошо прослеживается по содержанию могил. В сарматских памятниках юга Челябинской области, а также в Чкаловской, Кустанайской, Актюбинской областях в ряде погребений обнаружены золотые вещи и импортные, иранского происхождения предметы: в кургане возле села Прохоровки — серебряные блюда, в погребении у села Покровки — золотые бляшки, халцедоновая печатка в золотой оправе, в могиле у поселка Красногорского — меч, ножны которого обложены золотом.

Но несмотря на эти новые, несвойственные для первобытного общества черты, сарматские племена по своему общественному устройству еще не вышли за рамки первобытнообщинного строя. Развивающееся имущественное неравенство служило подготовкой для возникновения в будущем классового общества

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК В ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЕ РАСПАД ПАТРИАРХАЛЬНОЙ РОДО-ПЛЕМЕННОЙ ОБЩИНЫ

К северу от степных кочевников в лесостепной полосе в сарматское время обитали полуоседлые племена. Их поселения открыты и отчасти изучены. Племена эти по культуре были родственны степнякам, но отличались оседлым бытом и бесспорным знакомством с земледелием. Скотоводство было их основным занятием.

Постоянные набеги этого тревожного времени заставляли оседлое или полуоседлое население лесостепной полосы Зауралья делать защитные сооружения для обороны своих жилищ. В одних случаях поселение ограждалось деревянным тыном, в других возводились более надежные укрепления — земляные валы и рвы.

По берегам Исети, Миасса, Синары, Караболки и других рек известен не один

десяток интересных археологических памятников — городищ, древних укрепленных поселений. Устраивались они в таких местах, которые по своим природным условиям хотя бы с одной стороны были защищены. Если были высокие обрывистые мысы по берегу реки, селились на этих мысах. Обрывы уже защищали поселение с двух сторон, затрудняли доступ на территорию городища. Оставалось соорудить укрепление с третьей стороны. Здесь вырывался глубокий ров, а по внутреннему его краю насыпался земляной вал. На валу, кроме того, делались еще деревянные укрепления. Там, где не было мысов, под городище использовался просто обрывистый высокий берег реки. Валы и рвы в этом случае ограждали поселение полукольцом (рис.37).

Много городищ открыто на северо-западе Челябинской области, главным образом в Багарякском и Буринском районах: на реке Синаре в окрестностях села Огневского; против деревни Слободчиковой; близ деревень Сигряны и Нижняя, а также на реке Караболка — у деревень Большая и Малая Казахбаева и Чокорова; у села Усть-Караболка; на реке Багаряк возле деревень Колпаковой и Зотиной. Известны городища на озерах Иртяш и Большая Наного в Кыштымском районе, на берегу озера Иткуль в Каслинском районе. Много городищ открыто по берегам реки Исети в районе Шадринска, на реке Пышме и ее притоках в районе Камышлова и в других пунктах.

Далеко не все из этих городищ возникли в рассматриваемую нами эпоху. Они почти не исследовались и потому датировка большинства не ясна. Но часть перечисленных городищ определенно относится к сарматскому времени.

Наиболее изученными в Южном Зауралье поселениями этого типа

являются городище «Чудаки», близ села Горохова, Юргамышского района, и городище на озере Иртяш, близ города Кыштыма.

Самые крупные раскопки были произведены Челябинским музеем на первом из этих городищ. Археологические исследования здесь велись в течение четырех лет. Это городище расположено на вершине лесистой возвышенности. С трех сторон оно ограничено логами с крутыми склонами. Свободен доступ к городищу лишь с четвертой стороны. Но так как склоны логов не настолько круты, чтобы сделать поселение недоступным, оно ограждено ровом кольцеобразно. Ров до сих пор достигает глубины двух метров, в древности же глубина его превышала три метра. По внутреннему краю его, в наиболее уязвимых участках была сооружена стена из деревянных срубов, наполненных землей, а со стороны логов был расположен деревянный забор. Если учесть, что ров имел почти отвесные стенки, будет понятно, насколько надежной была эта первобытная крепостца.

Въезд на огражденную территорию возможен был только через единственные ворота, где не было вала и рва. На площади городища размером около семи тысяч квадратных метров заметны ямы глубиной до одного метра, расположенные в два ряда кольцеобразно вдоль стен. Это остатки жилищ. Такие же следы жилищ расположены и

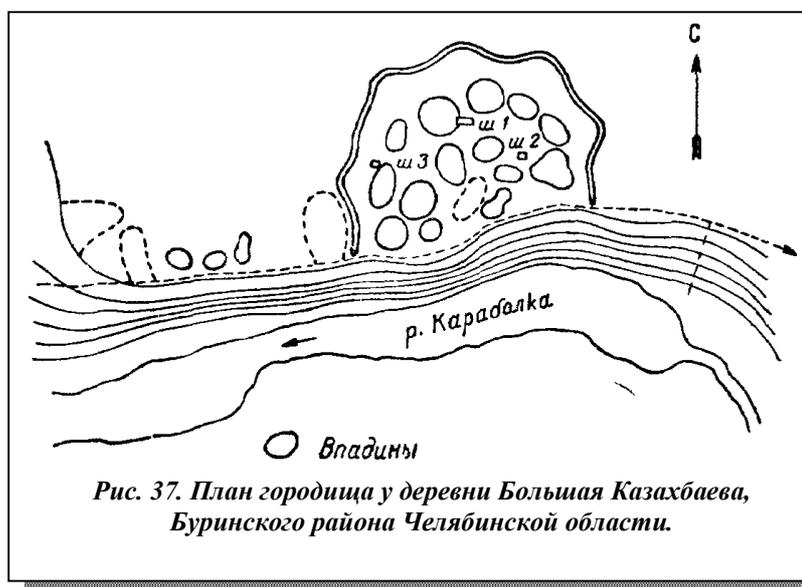
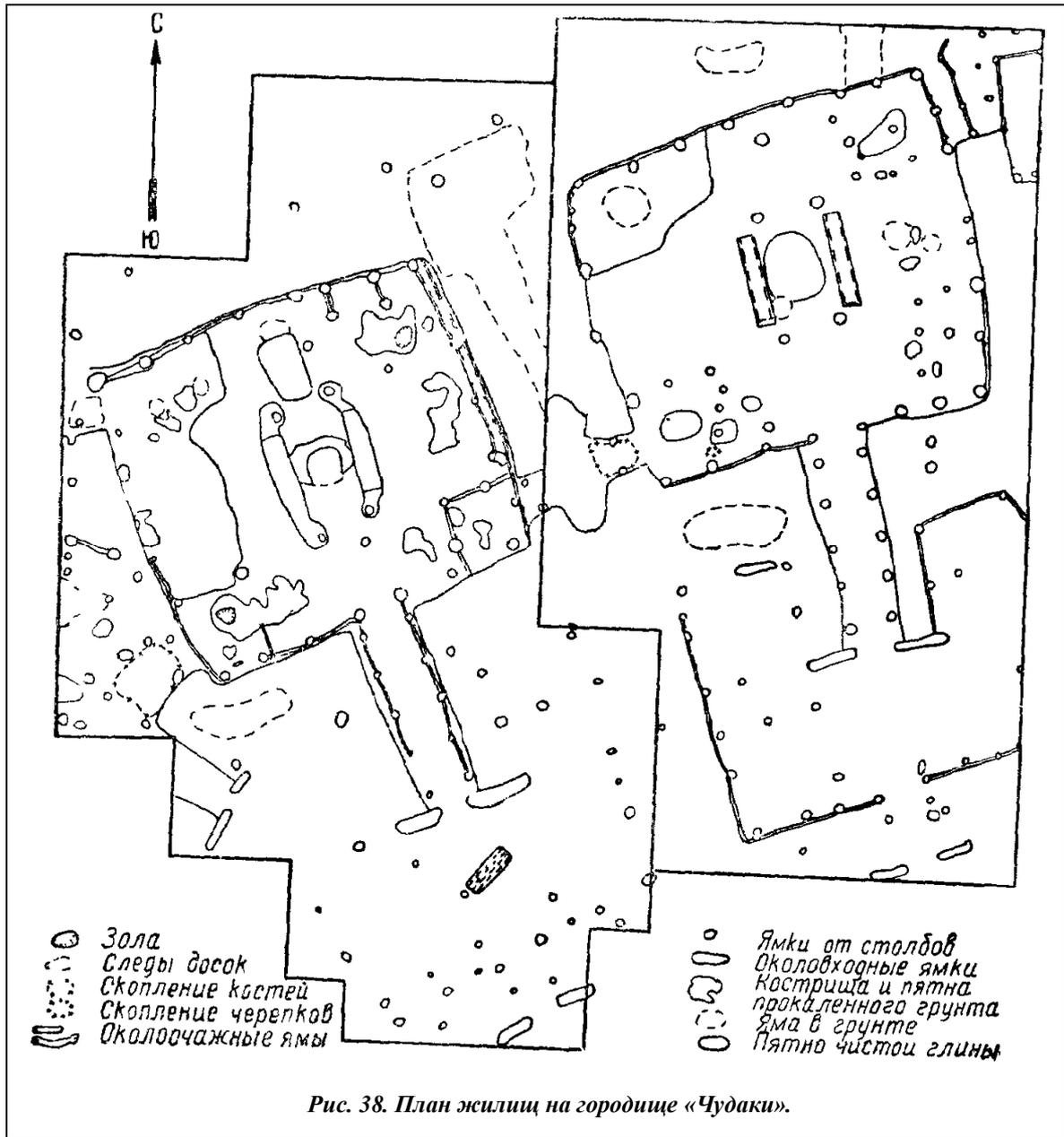

Рис. 37. План городища у деревни Большая Казахбаева, Буринского района Челябинской области.

вне укреплений. Здесь прослеживаются как бы три слободы, которые образовались по мере разрастания населения, когда внутри укреплений стало тесно. Одна из слобод также защищена валом и рвом, но менее мощными, чем основное городище. Общая площадь всего поселения достигает 20 тысяч квадратных метров.

Жилища имели сложные устройства (рис. 38). Каждое из них состояло из двух прямоугольных камер — передней и задней, общей площадью около 200 квадратных метров. Стены домов делались из горизонтально положенных плах, которые укреплялись в столбах, поставленных вдоль стен. Задняя камера была слегка углублена в землю и являлась основным жилищем. В самом центре земляного пола разводили

огонь, дым от которого выходил в отверстие, оставленное в середине крыши. По краям очага стояло четыре столба, поддерживающих центр крыши. С двух сторон от очага оказались длинные узкие ямы, глубиной 70 сантиметров, стоя в которых было удобнее управляться возле очага. В углах и у стен задней камеры перегородками из плах выделялись несколько комнаток площадью 9-12 квадратных метров, каждая со следами

маленьких очажков для утепления. В этих комнатах помещались отдельные брачные пары, входившие в состав большой патриархально-семейной общины, которая населяла весь описанный крупный дом. Хозяйство у всего населения жилища было общее и пища приготавливалась, вероятно, коллективно на центральном большом очаге.

Узкий коридор длиной в 7 метров вел из задней камеры в переднюю, которая была несколько меньших размеров и почти не углублялась в землю. Она предназначалась для хранения домашнего имущества и трудового инвентаря. Никаких следов очагов здесь не найдено. Выходом из жилища служил также длинный узкий коридор, который у всех жилищ был обращен в сторону центральной площади городища.

Не все жилища были таких крупных размеров, как только что описанное. Раскопаны и такие, площадь которых равнялась лишь 40 квадратным метрам, но по устройству они близко напоминали большие.

Летом жители городища должны были кочевать со своими стадами по окрестным степям. Поблизости от городища открыты курганы, разбросанные по степным участкам между березовых колков поодиночке или группами, в две-три насыпи. Племена с прочной оседлостью погребают своих покойников обычно в одном месте на общем кладбище.

При раскопках на городище «Чудаки» найдено много расколотых костей животных, употребленных древним населением в пищу, обнаружены черепки глиняной посуды и некоторые орудия труда, оружие и предметы домашнего обихода из бронзы, кости и камня.

Жители разводили

разводили лошадей, коров, овец, верблюдов. Только 1,4% всех найденных на городище костей принадлежат диким животным: кабану, косуле, бобру, сурку, лосю и лисице. Охота, следовательно, почти не играла никакой роли в хозяйстве жителей городища. Основным их занятием несомненно было скотоводство и преимущественно коневодство - около 50% костей принадлежит этому животному.

По наблюдению профессора В. И. Громовой, которая определяла костный материал из раскопок на городище «Чудаки», среди костей коровы преобладают кости молодых животных, а среди костей лошади, наоборот, — немолодых. Население Южного Зауралья того времени разводило лошадей крупной породы со стройными ногами и длинными тонкими 'бабками, что свидетельствует о хороших скаковых качествах. Следовательно, кочевые и полукочевые племена культивировали лошадь уже как ездовое верховое животное и не уничтожали молодняка, выращивая его для эксплуатации в рабочем возрасте. В пищу же шли животные старые. Интересно в связи

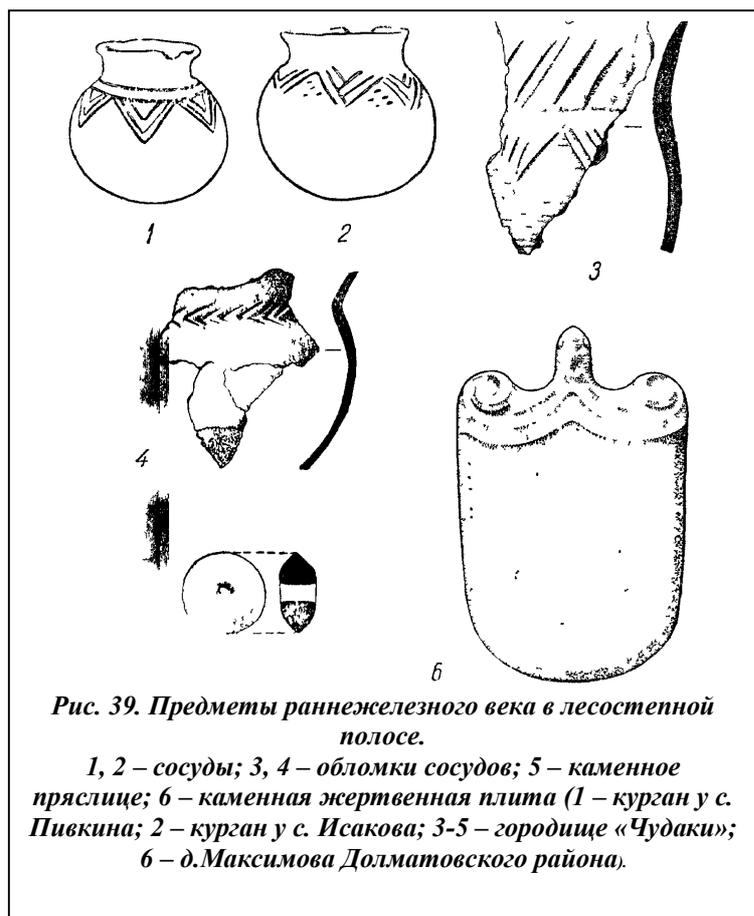

Рис. 39. Предметы раннежелезного века в лесостепной полосе.

1, 2 – сосуды; 3, 4 – обломки сосудов; 5 – каменное пряслице; 6 – каменная жертвенная плита (1 – курган у с. Пивкина; 2 – курган у с. Исакова; 3-5 – городище «Чудаки»; 6 – д.Максимова Долматовского района).

с этим отметить, что на городищах того же времени на севере Урала, в Прикамье, встречаются кости лошади мелких карликовых пород, причем, преимущественно жеребят. Следовательно, лесные племена в отличие от южно-степных пользовались лошадей как мясным животным.

В большом количестве найдены здесь обломки глиняных круглодонных сосудов (рис. 39), а также различные вещи, среди которых больше всего орудий для обработки продуктов животноводства: костяные шилья, костяные скребла для обработки кож, каменный скребок, пряслице для веретена (рис. 39-5), грузики из талька к примитивному ткацкому станку. Из оружия найдены трехгранные бронзовые наконечники стрел сарматского типа.

Земледелие также, видимо, играло некоторую роль в хозяйстве населения городища, поскольку здесь найден обломок круглой зернотерки — плоского камня, на котором другим камнем растирались зерна в муку.

Ремесло, как особая отрасль труда, в это время еще не выделилось. Различные изделия из металла, кости, глины, дерева, необходимые для нужд каждой данной общины, по-прежнему изготавливались силами членов общины. Отливать медные и бронзовые предметы умел чуть ли не каждый обитатель городища. Внутри ряда жилищ на городище «Чудаки» обнаружены застывшие капли меди, обломок тигля, обломки литейных форм и другие предметы металлургического производства. На городище Иртяш найдена замечательная формочка для отливки трехгранных бронзовых стрел сарматского типа.

У скотоводов под руками было много кости — великолепного материала для поделок. Из нее вырезали наконечники стрел, скребла-тупики для обработки кожи, вытачивали шилья, проколки.

Особый интерес представляют обломки костяной чаши, сделанной из человеческого черепа, которые были найдены в кургане, раскопанном в 1938 году в урочище «Елесина яма», близ села Горохова в полутора километрах от городища «Чудаки». В большой коллективной могиле под этим курганом обнаружено погребение шести человек. Могила оказалась еще в древности разрушенной, но все же в ней удалось найти помимо обломков чаши из черепа, несколько трехгранных бронзовых наконечников стрел, стеклянные бусинки, обломки каких-то железных изделий, черепки глиняных сосудов, совершенно аналогичных посуде с городища «Чудаки». По всей вероятности в кургане были погребены жители этого городища.

Внешняя поверхность костяной чаши покрыта незатейливым орнаментом, состоящим из круглых ямок, а по краю чаши идет ряд сквозных отверстий.

Если к этому времени почти вышли из употребления орудия труда и предметы вооружения из камня, то продолжали бытовать другие каменные изделия: литейные формочки, тигли для плавки меди и бронзы, точильные оселки и плитки, зернотерки, грузики для первобытных ткацких станков, пряслица.

Назначение многих каменных предметов до сих пор загадочно. Это можно сказать прежде всего о так называемых пряслицах. Сделанные из камня, глины, черепков кружочки с отверстием в середине, нередко встречаются в древних памятниках со времен неолита. Обычно их считают маховичками, надевавшимися на веретена, — пряслицами. Если некоторые из этих изделий и служили как пряслица, то далеко не все. В курганах сарматской эпохи Зауралья каменные пряслица встречаются в мужских могилах. Судя по этому они не могли быть маховичками на веретенах. Зато вполне вероятно, что это были маховички лучкового сверла для добывания огня. На городище у деревни Зотиной на реке Багаряк обнаружено каменное навершие для надавливания такого сверла сверху.

Большой интерес представляют собой плиты овальной формы, один конец

которых обработан в виде стилизованной головы барана (рис. 39-6). Поверхность этих плит тщательно отшлифована. Их известно только семь штук и почти все они найдены в лесостепной полосе Зауралья - на реке Исети у села Вьюхино, Ара-мильского района, Свердловской области; в Батурином районе у села Песчано-Таволжанского; в окрестностях села Падерина Курганского района; в Долматовском районе у деревни Максимовой; близ седа Красногорского на реке Исети в Тюменской области; близ города Кустаная и в низовьях реки Оби.

Все они обнаружены случайно, не связываются ни с каким определенным археологическим памятником. Судя по обстоятельствам, при которых найдены некоторые из этих плит (при пахоте, на небольшой глубине), они не входили в состав могильного инвентаря, а были оставлены в древности на поверхности. Вероятнее всего они употреблялись на жертвенных местах при совершении каких-то религиозных обрядов, служили, как и блюда на ножках, жертвенниками, но уже не домашними, а общинными или родовыми.

Гончарными изделиями широко пользовались и в эту эпоху. В курганах и на городищах глиняные сосуды и их обломки — самые обычные находки. По форме и по орнаменту сосуды сарматского времени резко отличаются от андроновских. Теперь снова получают широкое распространение круглодонные сосуды. Они были более удобны при кочевом или полукочевом быте скотоводов, чем плоскодонные горшки оседлых племен бронзовой эпохи.

Форма сосудов весьма устойчива - бомбовидное тулово с высоким прямым горлом. Такую форму имеют и крупные сосуды емкостью по 5-6 литров и миниатюрные, размером с рюмку. Основная же масса горшков — среднего размера от 0,5 до 1 литра. Украшением посуды теперь не интересовались. По сравнению с андроновскими горшками, стенки которых покрывает нередко сложный красивый орнамент, сарматские сосуды выглядят очень скромно. У них обычно лишь на плечиках располагается поясик из резной елочки, овальных вдавлений, наклонных насечек.

Единичны находки посуды другой формы - блюдец с прямым бортиком и слегка выпуклым дном и прямостенных широких чашечек. Большинство сосудов имеют в глине значительную примесь толченого талька.

Лесостепные сарматские племена погребали своих покойников, как и степные, в курганах. Сопровождающий костяки могильный инвентарь носит тот же характер. И здесь часто в могилах встречается оружие.

Курганы этого времени раскопаны преимущественно близ города Челябинска - у сел Пивкино, Исакове, в районе Катайска на реке Исети, у села Мыс близ города Тюмени, на реке Юргамыш в Курганской области и в других местах. Установлено два обряда погребения: труположение и трупосожжение. Первый способ распространеннее, сожжение встречается редко. Познакомимся с некоторыми из исследованных курганов.

В 1907 году Н. К. Минко раскопал возле поселка Исакове, Сосновского района, несколько курганов. Курган № 15 высотой 1 метр 10 сантиметров, окружностью 27 метров содержал под насыпью мелкую могильную яму длиной около 1 метра 70 сантиметров. На дне могилы лежал засыпанный древесным углем костяк мужчины на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой к северо-востоку. Справа от костяка обнаружен короткий железный меч с серповидным навершием и с «переломленным» перекрестьем.

Под правой рукой, почти под мышкой, оказалось 19 бронзовых и 1 железный наконечник стрелы со следами истлевшего деревянного колчана, в котором они помещались и который, невидимому, был привешен с правой стороны спины. У начала кисти левой руки найдены две небольшие четырехугольные медные пластинки с

отверстиями -для пришивания, а под ладонью той же руки — литая массивная бронзовая круглая бляха. Она представляет собой изображение свернувшегося кольцом фантастического драконовидного существа с тигровыми лапами и гривой вдоль спины. Такие бляхи встречаются в памятниках этого времени в соседнем Прикамье. Назначение их не ясно. Судя по положению бляхи (в описываемом кургане) в ладони левой руки, можно сделать предположение, что она являлась частью какого-то предмета, ручкой его. Может быть, это была ручка щита. Непонятно также назначение бронзовых пластинок, оказавшихся у кисти той же левой руки. Здесь также можно лишь предполагать, что они служили для предохранения руки от удара тетивой лука.

Часто в погребениях встречаются кости овцы и лошади, положенных в качестве пищи покойнику. Лошадь сопровождает иногда воина, как боевой товарищ. Так, в кургане № 14, близ поселка Исакове, под насыпью рядом с могилой оказался полный костяк лошади.

У поселка Синеглазовского в 1909 году тем же исследователем раскопан курган, в котором был обнаружен сильно обожженный костяк человека. Справа от него находился такой же железный меч, как в Исаковском кургане, берестяной колчан с 40 бронзовыми наконечниками стрел, два круглодонных сосуда — горшок и чашечка и обломок каменного блюда.

В женском погребении у поселка Черняки в 1908 году найдены два круглодонных сосуда, бронзовое зеркало с плоской ручкой и каменное блюдо на трех ножках.

При обряде трупосожжения на поверхности почвы под насыпью кургана оказывается слой золы с мелкими пережженными человеческими косточками и те же

Рис. 40. Бронзовые фигурки воинов, найденные у деревни Сапоговой

предметы, что и в могилах с труположением. Такой курган раскопан Н. К. Минко в 1906 году на одиннадцатом километре от Челябинска, по дороге на станицу Миасскую.

В лесостепной полосе, как и в степях, набеги были обычным явлением. Вот почему здесь так часты находки железных мечей. Причем для лесостепи характерна особая форма перекрестья. Последнее состоит из двух половин, сходящихся под тупым углом, отчего такое перекрестье часто называют «переломленным».

Близ деревни Сапоговой, Буринского района, Челябинской области, в 1900 году был найден замечательный клад бронзовых литых фигурок мужчин и женщин. Мужчины вооружены мечами и кинжалами

описанного выше типа (рис. 40). Интересно, что это оружие носилось, как видно по фигуркам, на правом боку, привязанным к ноге. В погребениях кинжалы также часто обнаруживаются с правой стороны костяка. Помимо кинжалов и мечей фигурки воинов снабжены изображением колчана, из которого виднеется лук.

Воины сражались в конном строю и поэтому нередко вместе с оружием покойника сопровождали в могилу и удила с уздечкой. Стремян, как и южные скифы, древние кочевники Зауралья еще не знали.

В лесостепном Зауралье не было столь массовых раскопок сарматских курганов, как в степях Южного Приуралья. Поэтому нет возможности так четко проследить последовательность смены типов погребений. Но и в лесостепи намечаются хронологические различия. Большинство открытых здесь сарматских погребений относится к прохоровской эпохе, датируется IV-II веками до нашей эры. Может быть несколько более ранним является погребение с каменным блюдом на ножках, раскопанное у поселка Черняки. И, наоборот, бесспорно поздним, датирующимся аланской эпохой надо считать курган у поселка Першина на окраине города Челябинска. В этом кургане костяк лежал на спине головой к северо-западу. Его сопровождал глиняный сосуд, железный нож и фибула. Череп был сильно деформирован. Северо-западная ориентировка, тип фибулы, деформация черепа — все эти черты характерны для аланских погребений. Курган у поселка Першина следует отнести к II-IV векам нашей эры.

О религиозных представлениях сарматских племен судить трудно. Слишком скудны данные, имеющиеся пока что в нашем распоряжении. То, что покойники снабжались различными предметами и пищей, свидетельствует о вере в загробную жизнь. Часто встречающиеся в могилах уголь и даже следы сжигания умерших, говорят о важной роли огня в религии того времени. Вероятно, здесь проявляются те же представления, которые в более ярких формах наблюдались в эпоху бронзы. Столетия, разделяющие городища полукочевых скотоводов сарматской эпохи от оседлых поселений скотоводов-земледельцев бронзовой эпохи, сильно изменили облик материальной культуры, но хозяйственная деятельность, благосостояние общества продолжали зависеть от природных факторов. Солнце и его представитель на земле — огонь были по-прежнему предметами поклонения.

Распространенный на огромном пространстве — в Причерноморских и Приуральских степях, в равнинах Казахстана и Сибири «звериный стиль» в искусстве кочевых племен бытовал в сарматское время и в лесостепном Зауралье. Упомянутая выше бронзовая бляха с изображением драконовидного существа из Исаковского кургана № 15 является типичным представителем предметов, выполненных в «зверином стиле».

«Звериный стиль» на Урале, находясь в какой-то связи с искусством скифов Причерноморья и сибирских степей, питался и местными традициями. Достигшее высокого совершенства в скульптурных изображениях животных уральское искусство лесных племен времени неолита и бронзы продолжало жить и в более поздние эпохи и должно было внести свою долю в развитие «звериного стиля» сарматских племен. Изображение зверей по-прежнему имело известное культовое, магическое значение, фигурирующее в произведениях искусства; животные считались священными, им приписывались чудодейственные свойства. Многие предметы с их изображениями служили амулетами, предохраняли от злых духов, несчастий и даже самой смерти. Так думали древние воины. И идя в бой они снабжали ручку щита бляхами в виде свернувшегося дракона, как мы это видели в описанном кургане № 15.

Процесс имущественного расслоения патриархально-семейных общин сарматских племен лесостепного Зауралья протекал, видимо, менее интенсивно, чем у кочевых скотоводов степи.

В лесостепном Зауралье такие богатые погребения, как на юге, пока неизвестны. Но если и не столь резкое, как в степи, расслоение несомненно существовало и у жителей городищ. Так, на городище «Чудаки» мы видим у богатых семей обширные жилища сложной конструкции с вместительными сенями для хранения имущества и пищевых запасов. Другие же семьи довольствовались меньшими жилыми

помещениями, без особых хозяйственных служб и пристроев.

Об ослаблении былых хозяйственных связей внутри рода говорит также следующее наблюдение. Три рядом расположенные, исследованные на городище «Чудаки» жилища были связаны друг с другом небольшими коридорами-переходами. Казалось бы, такая конструкция жилищ свидетельствует о тесных хозяйственных связях жильцов. Все жилища этого поселения были объединены в единый хозяйственный комплекс, все были связаны друг с другом внутренними переходами. Но такое устройство жилищ было лишь отражением уже пройденного этапа общественных отношений, так как раскопки показали, что переходами между соседними жилищами уже не пользовались. Они были заполнены массой костей и других отбросов. Теперь каждая большая семья, занимавшая отдельное жилище, вела обособленное хозяйство. Былое общее хозяйство всего рода распалось. Оболочка рода еще сохранялась, но внутри его уже существовало несколько социальных слоев.

Как мы видели, племена Южного Зауралья в рассматриваемую эпоху уже имели, далеко, конечно, не регулярные, сношения с культурными странами юга. Эти сношения не были, несомненно, непосредственными. Изредка встречающиеся здесь вещи южного, иноземного происхождения попадали сюда не из первых рук, а при посредстве ряда промежуточных племен. Но все же связь существовала и поэтому имеются основания ожидать, что древним писателям, древним историкам были известны и названия племен, обитавших на Урале. Много ценных сведений о древних племенах нашей страны содержится в сочинениях древнегреческого историка Геродота.

По свидетельству Геродота, в украинских и донских степях жили скифы. Он разделяет их на скифов-пахарей, скифов-земледельцев и скифов-царских (кочевников).

К востоку от Дона и на 15 дней пути к северу от Азовского моря, по словам Геродота, лежит страна савроматов, где не растут деревья. К северу от них — лесная страна народа будинов. Еще далее к северу на семь дней пути — пустыня, лишенная населения, а за пустыней к востоку живут народы фигогеты и иирки, занимающиеся охотой. «Над этими народами, — говорит Геродот, — по направлению к востоку живут другие скифы, прибывшие в эту местность по отделении от царственных скифов. До владения этих скифов вся пройденная нами страна представляет равнину с глубоким черноземом, а начиная отсюда земля камениста и неровна. Если пройти значительную часть и этой неровной страны, то встретимся с обитателями подножья высоких гор; говорят, что все они, как мужчины, так и женщины, плешивы от рождения... Название этого народа аргиппеи... Земля к востоку от плешивых населена исседонами».

Если следовать описанию Геродота, то в указании, что за черноземной равниной на северо-востоке следует населенная снова скифами каменистая и неровная страна, можно видеть губерлинские гористые степи, за которыми далее идут предгорья Урала, где живут аргиппеи, а за ними исседоны. Может быть имя этого народа дожило до наших дней в названии реки Исети, по берегам которой известно немало городищ. Возможно, что эти городища когда-то были заселены геродотовыми исседонами. О том же может свидетельствовать и обнаружение обломков чаши из человеческого черепа в кургане у «Елесиной ямы».

«Рассказывают, — пишет Геродот, — что у исседонов существуют следующие обычаи: если у кого умрет отец, то все родственники пригоняют к нему скот, затем убивают животных, нарезают мясо на куски вместе с покойным родителем хозяина, все мясо мешают вместе и устраивают пиршество. Голову покойника обнажают от волос, вычищают ее изнутри и покрывают золотом, потом пользуются ею как священным сосудом при совершении торжественных годовичных жертвоприношений».

Таковы сведения греческих письменных источников, относящиеся к середине I

тысячелетия до нашей эры. От несколько более позднего времени — первых веков нашей эры сохранились интересные свидетельства китайских источников о тех же, по-видимому, районах Урала.

В 1939 году у села Усть-Миасского на дюнах реки Миасс в культурном слое сарматского времени был найден исключительно интересный серебряный сосудик. На его поверхности заметны следы позолоты и бросается в глаза вырезанный на горлышке знак, напоминающий на первый взгляд букву какого-то неизвестного алфавита. Такие точно знаки встречаются нередко на хорезмийских монетах первых веков нашей эры. Они представляют собой родовой знак - тамгу царей Хорезма. Следовательно, серебряный сосуд, найденный у села Усть-Миасского, происходит из Средней Азии и должен рассматриваться, как подарок хорезмийских царей каким-то вождям зауральских сармат. Ценный сосуд с царским знаком не мог быть объектом обычной торговли. Возможно, что зауральские сарматские племена находились в даннической зависимости от Хорезма. В древних китайских хрониках упоминается какая-то северная страна Янь, платящая дань Хорезму. Некоторые данные о ее географическом положении позволяют поместить ее только в Приуралье или Зауралье

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК В ЛЕСНОЙ ПОЛОСЕ ПРИУРАЛЬЯ РАСПАД ПАТРИАРХАЛЬНОЙ РОДОПЛЕМЕННОЙ ОБЩИНЫ

Процесс перехода раннепатриархальных племен эпохи бронзы на следующую ступень исторического развития, отраженного памятниками раннежелезного века, протекал в разных, но близких формах как в степной и лесостепной полосе Урала, так и в более северной, лесной полосе. И там и тут он выразился в сложении новых социальных отношений, — в форме военной демократии: «война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни»^{39[1]}.

И в лесу, как и в степях, в это время в жизни уральских первобытных племен стали играть большую роль вооруженные столкновения. И здесь возросшая на базе совершенствования техники, на базе развития земледелия и скотоводства, а также новых форм охоты производительность труда приводит к увеличению прибавочного продукта, к созданию известных накоплений материальных благ отдельными общинами, которые, как и в степях, привлекают внимание соседей, «возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей»^{40[2]}.

Постоянная угроза грабительских набегов заставляла людей искать убежище за защитными ограждениями своих поселений, от которых до нас дошли особого типа памятники — городища.

Наиболее изученной культурой эпохи военной демократии в лесной полосе Урала является ананьинская культура, бытовавшая в VII-II веках до нашей эры на обширной территории Западного Урала и Приуралья. По берегам реки Камы, Вятки, Чусовой, нижнего течения реки Белой известно несколько десятков городищ и селищ, а также более десяти могильников, оставленных племенами ананьинской культуры.

Памятники ананьинской культуры относятся к различным этапам её развития, что позволяет установить причины, породившие новые явления в развитии уральских племен I тысячелетия до нашей эры.

В условиях засушливого климата, типичного для эпохи бронзы, южная граница леса отодвинулась, а степи распространились далеко на север, захватив даже нижнее

течение Камы. Одновременно и древние степные племена переместились в сторону севера.

Памятники срубно-хвалынской культуры отмечаются на всей территории Приуралья, где раскинулись в эпоху бронзы степи. Элементы срубно-хвалынской культуры доходили до Уфы и Ела-буги. Срубно-хвалынские племена смешались на севере с местными лесными племенами сейминской культуры, познакомили их со скотоводством и земледелием. В результате этого процесса возникла ананьинская культура эпохи раннего железа.

Наравне с местными элементами, ведущими свое происхождение от эпохи бронзы, в ананьинской культуре наблюдается присутствие предметов, которые находят себе аналогии только в Южной Сибири. Таковы бронзовые боевые молоты-клевцы, бронзовые и железные кинжалы с перекрестием в форме крыльев бабочки и плоским навершием, типичные на верхнем Енисее для тагарской культуры, одновременной с ананьинской. Объяснить это сходство может быть можно проникновением части западносибирских племен на Средний Урал и оседанием их в Прикамье.

Находки отдельных бронзовых предметов вооружения тагарских типов в лесостепном и лесном Зауралье указывают и на путь, которым сибирские элементы проникали на запад. Антропологическими материалами подтверждаются археологические данные. В могильниках предананьинских, относящихся к эпохе поздней бронзы, находят покойников с европеоидными чертами, а в могильниках ананьинского времени преобладает монголоидный тип с явной примесью европеоидности. Распространение монголоидности можно объяснить лишь проникновением этнических элементов с востока.

Решающую роль в крупных сдвигах в экономике и социальном строе этого времени сыграло не перемещение населения, а переход к пользованию железными орудиями, несравненно более совершенными, чем каменные и бронзовые. Говорить о полной победе железа над бронзой все же в ананьинскую эпоху еще не приходится. Продолжали существовать и бронзовые изделия; из железа делали преимущественно оружие: короткие мечи-акинаки, копья и ножи. Из бронзы приготавливались топоры-кельты, наконечники стрел и копий, боевые молоты-клевцы. Из бронзы же, а иногда и серебра делались различные предметы украшения: бляхи, шейные обручи — гривны и т. п. Металл доставался нелегко, высоко ценился и поэтому в быту продолжали существовать изделия из подручного материала — кости и камня. Кремневые наконечники стрел, скребки, костяные наконечники стрел и наконечники мотыг — обычные находки на ананьинских памятниках.

Не только предметы из камня, и кости напоминают о предшествующих эпохах. О происхождении носителей ананьинской культуры от местных племен эпохи бронзы говорят и формы ряда основных орудий. Ананьинский шестигранный топор-кельт и ананьинский бронзовый наконечник копья общепризнанно происходят от соответствующих форм эпохи бронзы, являются дальнейшим развитием этих форм.

Общины ананьинских племен первое время обитали в открытых поселках, как их предки — племена эпохи бронзы, но затем принуждены были уйти с открытых речных берегов на труднодоступные речные обрывистые мысы и возвышенности, иногда высотой до 20-30 метров, ограждая площадь поселка со стороны равнины земляными валами в 2-3 метра высотой и вырытыми перед ними рвами, воздвигая на валах тыны, деревянные ограды.

Жилище пока открыто только на одном ананьинском селище возле села Концгор, близ Молотова. Но и по нему видно, что первобытнообщинные отношения оставались основой существования ананьинских племен. Это жилище было типичным коллективным домом длиной более 40 метров при ширине 4-6 метров. Вдоль всего

дома были расположены в один ряд девять очагов.

На ананьинских поселениях поражает обилие обломков костей животных, за что они названы «костеносными городищами». Подавляющее число костей принадлежит домашним животным (корове, лошади, овце, свинье), что свидетельствует о преобладании в экономике скотоводства над охотой. Охота стала иметь не только второстепенное значение, но и приобрела особый характер. Скотоводческие племена имели возможность удовлетворять потребность в мясе за счет домашних животных, поэтому основное внимание их привлекал пушной зверь: лисица, бобр, куница и другие. Ценные меха шли на обмен с южными степными племенами — савроматами, скифами, от которых на Урал поступали изделия самих савроматов и скифов: оружие, зеркала и произведения ремесленников более южных рабовладельческих стран Средней Азии, Ирана и Греции.

В частности в памятниках ананьинской культуры нередко обнаруживаются бусы греческого и даже египетского происхождения. В одном из ананьинских погребений найден обломок бронзовой чашки иранского типа.

О тесных связях ананьинских племен с савромато-скифским миром свидетельствуют некоторые типы ананьинского вооружения: мечи-акинаки, трехгранные бронзовые наконечники стрел и т. п. Хотя уральские племена и сами производили эти предметы, о чем говорят, например, находки литейных форм для отливки наконечников стрел, но первоначальными образцами для них служили предметы скифского производства.

Несомненны связи также и с другими районами. В частности совершенно аналогичные ананьинским клевцам орудия широко известны в памятниках тагарской культуры в Южной Сибири, откуда они и проникли к ананьинским племенам. В то же время Урал, являясь еще с эпохи бронзы крупным очагом металлургии, служил источником распространения бронзовых изделий в соседние, а иногда и не близкие районы. Кельты ананьинского типа доходили путем обмена до Норвегии на западе и до Енисея на востоке.

Земледелие, оставаясь мотыжным, у ананьинских племен должно было приобрести форму подсечного, о чем свидетельствуют частые находки на ананьинских городищах ручных жерновов. Это приспособление было более совершенным, чем зернотерки эпохи бронзы. На ручных жерновах можно было размалывать быстрее и больше зерна. Следовательно земледелие было уже более развито, чем в эпоху бронзы, а таким земледелием в раннежелезном веке могло быть только подсечное земледелие. Оно заключалось в том, что посевы производились на участках, очищенных от леса, на которых порубленный лес сжигался, а получавшаяся зола хорошо одобряла почву, обеспечивая на несколько лет хорошие урожаи. После чего люди переходили на новый участок. Обработывалась почва по-прежнему вручную мотыгами с костяными наконечниками, а жатва производилась медными серпами.

На ряде ананьинских поселений найдены литейные формы, тигли, льячки — свидетельства развитой медной металлургии.

У ананьинских племен наметилось уже обособление ремесла. Для производства разнообразных, часто сложных предметов из металла, требовались особые навыки, что неизбежно должно было породить специализацию отдельных членов общины на этой новой отрасли производительной деятельности. Закрепление медного производства за отдельными лицами, оформлявшимися как ремесленники, для которых металлургия служила основным занятием, доказывается находкой в одной из могил Котловского могильника ананьинского времени куска медной руды и сплава бронзы.

Специалисты-ремесленники выделяли наиболее сложные предметы, требующие особых знаний. Гончарное производство по-старому находилось в руках

женщин. Посуда, вероятно, изготовлялась почти каждой женщиной. Гончарный круг все еще оставался неизвестным.

Для ананьинских памятников характерна посуда довольно однообразной формы — в виде низких широких чашек с круглым дном и едва намеченным горлышком. Часто край такого сосуда снабжался особым «воротничком». Орнамент сосредоточивался только вокруг края и состоял из поясков, оттиснутых веревочкой, или ряда ямок.

Некоторые из могильников — Луговской, Зуевский, Котловский, Ананьинский подвергались широким раскопкам, что дало науке наблюдения над обрядом погребения и вещевой материал из сотен могил.

В отличие от степных племен, погребавших своих покойников под курганными насыпями, племена лесной полосы устраивали кладбища, схожие с современными. Такие могильники через несколько сотен лет стирались с земной поверхности, и поэтому они с трудом и только случайно обнаруживаются и становятся достоянием науки. Покойников помещали в неглубокие могилы и снабжали при этом различными предметами, считая, что они пригодятся «в загробном мире». С мужчинами в могилу

шли топоры-кельты, стрелы, кинжалы, мечи, ножи, клевцы, удила, шейные гривны; женщин сопровождали глиняные чашки, бусы, различные бронзовые бляхи и другие украшения.

Ананьинские могильники представляют собой родовые кладбища. Погребенные и здесь снабжались не одинаковыми вещами. Некоторые могилы (они встречаются редко) содержат много предметов и принадлежат несомненно представителям богатой верхушки рода. Одна из таких могил в Ананьинском могильнике содержала бронзовое копье, железный кинжал, бронзовый кельт, бронзовые стрелы, бронзовую бляху, бронзовую шейную гривну, головное украшение в виде опирала из серебра. В другой подобной могиле был погребен несомненно вождь. Его могила выделялась среди других не только богатством сопровождавших вещей, но и тем, что на ней была обнаружена каменная плита с вырезанным изображением воина.

Большинство же мужских могил содержат только бронзовый топор-кельт, железный нож, наконечники стрел.

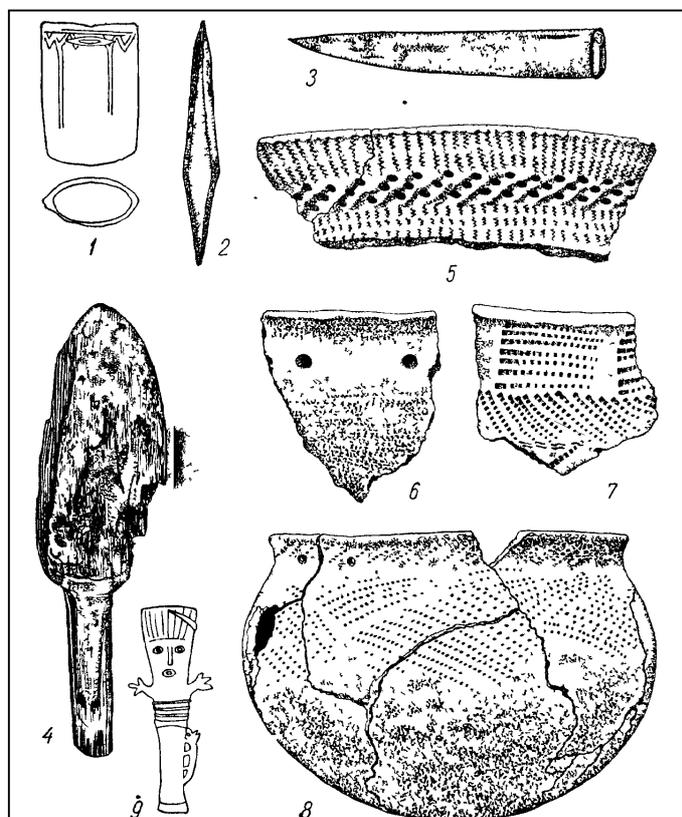

Рис 41. Предметы раннежелезного века в лесном Зауралье.

1 — бронзовый кельт, 2 - костяной наконечник стрелы, 3 - медное кайло, 4 — деревянный совок для насыпания руды, 5 - 7 — обломки глиняных сосудов, 8 — глиняный сосуд; 9 - древовидное бронзовое изображение человека (1 -окрестности г. Кыштыма, 2 - Шигирский торфяник. 3 — окрестности г. Сысерти, 4 — Гумешевский рудник, 5 — селище «Калмацкий брод», 6, 7 - мыс Толстик; 8 — Шарташские каменные палатки, 9 - с. Шайтанка).

Есть также небольшая группа погребений, которые оказались вообще лишенными какого бы то ни было сопровождающего инвентаря.

Эти различия характеризуют наличие имущественного неравенства, неизвестного еще в эпоху бронзы, когда в содержании могил разницы почти не наблюдалось. У ананьинцев, следовательно, выделилась небольшая прослойка богатых семей, с одной стороны, и пока еще небольшое число рабов, которые находились во владении богатой верхушки, — с другой. Могилы, лишенные инвентаря, видимо, принадлежали рабам. Но основная масса рода все же состояла из рядовых общинников. Лишь небольшая кучка семей выделялась своим богатством. Богатство это было весьма относительно. У ананьинцев не наблюдается таких грандиозных сооружений, иногда прямо со сказочными ценностями, которые известны у племен этого же времени в степях юга.

Основные отрасли производства находились в это время целиком в руках мужчин. Скотоводство, железная металлургия, пушная охота — занятия мужские. Они обеспечивали рост производительности труда, от них зависело благосостояние общины. Повысилась роль мужчины и в земледелии. Подсечная форма не возможна без труда мужчины, выражавшемся в порубке и расчистке леса для посевов. Наконец, накопление некоторых богатств требовало защиты их, выросла роль воинского искусства. Все это еще больше повысило роль мужского труда и окончательно укрепило патриархальные отношения, установившиеся еще в эпоху бронзы.

Племена ананьинской культуры заселяли большую территорию главным образом в Прикамье. Близкие им родственные группы племен обитали как южнее — в Башкирии, так и восточное — в Зауралье.

Первая группа — «южная» представлена рядом памятников на территории Северной Башкирии. Там в районе города Уфы известен ряд городищ: у села Городок на реке Белой, у разъезда Воронки в шести километрах от Уфы, у села Охлебинина на реке Белой выше Уфы и на окраине самого города, так называемое Чортово городище, а также соседящий с ним Уфимский могильник.

Слабая изученность территории Башкирии в археологическом отношении, заставляет ограничить характеристику ананьинского времени в этих районах описанием городища Кара-Абыз. Оно укреплено двумя рядами мощных валов, высотой до 3,8 метра и рвами глубиной более 2 метров. В валы для прочности включены глыбы камня и применена глиняная обмазка. Отличается городище Кара-Абыз большой толщиной культурного слоя, которая превышает один метр. Находки на городище костей всех видов домашних животных позволяют рассматривать хозяйство обитателей как скотоводческое, но известную роль играло в нем и земледелие, поскольку здесь обнаружены обломки зернотерок.

Металлические изделия, найденные на городище (бронзовые трехгранные наконечники стрел, бронзовый топор-кельт, секира, железные ножи), связывают памятник с ананьинской культурой. По-другому освещает городище керамика, собранная в большом количестве. Сосуды представлены круглодонными чашками и горшками, орнаментированными ямками, идущими главным образом вдоль шейки. Отсутствие орнамента гребенкой и веревочкой, типичной для сосудов ананьинских городищ Прикамья, убеждает в принадлежности племен Башкирии ананьинского времени к особой этнической группе лесных племен, хотя и родственной племенам Прикамья.

В районе Уфы, несколько к юго-западу, проходила граница между лесными племенами культуры Кара-Абыз и кочевниками-сарматами, оставившими в степной южной Башкирии массу курганов. В полосе лесов, ближе к хребту, на восточном склоне Среднего и частично Южного Урала ранний железный век представлен памятниками оседлого населения - селищами и главным образом городищами. Они

оставлены племенами, культура которых была близка ананьинской культуре западного Приуралья, но обладала своеобразными чертами, поскольку и происхождение лесных племен Зауралья было иным. Корни этих племен прослеживаются в памятниках шигирской культуры эпохи неолита и бронзы. А степные элементы, и сюда проникшие в эпоху бронзы с юга, шли из среды не срубно-хвалынских, а андроновских племен. Лесные племена несколько отставали в своем развитии от степняков. Среди них долго не распространялись железные изделия. Правда, отчасти это объясняется тем, что наличие богатых рудных медных месторождений способствовало развитию бронзовой металлургии у лесных племен, которая обеспечивала потребность хозяйства и военного дела отличными орудиями и оружием из бронзы. И все же широкое применение здесь каменных орудий заставляет рассматривать культуру лесных племен, как менее развитую, чем культура степняков-сарматов и исседонов.

Соответственно и хозяйство в лесной полосе основывалось в значительной степени, а в северных районах почти полностью, на охоте и рыболовстве, то есть господствовали те виды хозяйственной деятельности, которые были унаследованы от шигирской культуры эпохи бронзы. Только на наиболее южных, граничащих с лесостепью городищах заметно усиление роли скотоводства и развитого земледелия.

Систематическому научному обследованию было подвергнуто в лесной полосе Зауралья небольшое число памятников этого времени. Сюда относятся селище на мысу Толстик на берегу Исетского озера близ Свердловска, городища на Шигирском торфянике, на озерах Иртяш, Большая Нанюга, Иткуль и другие, ряд жертвенных мест на скалистых вершинах Среднего Урала: Чортово городище близ Исетского озера, Шарташские каменные палатки на окраине Свердловска, Голый камень у Нижнего Тагила, гора Азов близ города Полевского и другие. Известный Гумешевский древний рудник близ города Полевского также датируется описываемым временем.

На Исетском озере и в верховьях реки Исети было открыто несколько погребений, относящихся к концу раннего железного века. На всех памятниках исследования велись в очень скромных размерах.

Из-за слабой изученности памятников эпохи железа в лесном Зауралье трудно установить хронологическую последовательность их бытования. Но все же некоторые возможности в этом отношении имеются.

Наиболее ранним надо признать селище на мысу Толстик. В культурном слое его не обнаружено никаких признаков знакомства с железом, а в составе керамики отмечено много элементов орнамента, унаследованных от эпохи бронзы. Да и самый факт существования неукрепленного, открытого поселения свидетельствует о том, что в обществе еще не создались те условия, которые принуждали людей опасаться набегов, столь характерных для эпохи раннего железа.

Во время раскопок П. А. Дмитриева в 1940 году на мысу Толстик найдены металлические изделия: бронзовые наконечники копий и стрел, бронзовые круглые зеркала с ушком на обратной стороне, фигурка птицы с распростертыми крыльями и много предметов, свидетельствующих о местной медно-бронзовой металлургии: куски шлака, литейные каменные формочки для отливки топоров-кельтов, наконечников копий, наконечников стрел двух типов - трехгранных со втулкой и плоских черешковых, а также застывшие капли меди, глиняные вкладыши, употреблявшиеся при отливке кельтов, глиняное сильно ошлакированное сопло — трубочка, через которую мехами нагнетали воздух в плавильную печь, часть тигля. На селище Толстик и плавил медную руду и отливали металлические предметы.

Для селища характерны сосуды с круглым дном и невысоким горлом, которое часто отделяется от плечиков двойным или тройным рядом ямок (рис. 41-5-5). Орнамент в виде оттисков гребенки и косых крестиков располагается по горлу и

плечикам. В характере орнаментации сосудов исследователь селища на мысу Толстик П. А. Дмитриев отмечает элементы, ведущие свое начало от керамики эпохи бронзы лесной полосы, от керамики шигирской культуры.

На селище Толстик, Шигирском городище и других памятниках, по-видимому относящихся к наиболее ранней поре эпохи железа, найдено много каменных орудий: ножей из сланцевых плиток, ножевидных кремневых пластинок, скребков, наконечников стрел и обломков полированных орудий, топоров, долот и т. п. Каменные орудия этой эпохи отличаются грубостью, меньшей тщательностью обработки, чем в эпоху бронзы и неолита. Их роль под влиянием распространения металлических орудий значительно уменьшилась.

Несколько позднее, видимо к последним векам до нашей эры, неукрепленные селища заменяются поселениями, явно рассчитанными на обеспечение безопасности. Люди поселяются на речных и озерных мысах, ограждая свои жилища рвами и земляными валами, уходят на острова среди озер или на небольшие повышенные участки суши, окруженные почти со всех сторон болотами.

Примером укрепленных поселений-городищ могут служить городища на озерах Иртяш и Большая Наного. Городище на озере Иртяш близ города Кыштыма исследовалось еще в 1891-1893 годах В. Г. Дружининым. В более широких масштабах поставлены были раскопки здесь в 1938 году П. А. Дмитриевым. Городище Иртяш расположено на мысу, на искусственно укрепленном камнем холме и имеет площадь равную приблизительно 1000 квадратных метров. Валов не сохранилось, но остатки рва прослеживаются. В центральной части площадки городища было исследовано жилище в виде прямоугольной землянки площадью около 30 квадратных метров. Земляные стенки укреплены бревнами и камнями. Внутри землянки видны следы трех очагов, причем один из них представлял собой глинобитную печку, между двух слоев прокаленной глины здесь оказался слой угля и кости животных и рыб. Пол землянки был тоже глинобитный. На городище найдены кости домашних животных лошади, коровы, овцы; кости диких животных: лося, косули, оленя, медведя; кости птиц и рыб; разнообразные изделия — железный серп, нож; слитки железа — крицы; мелкие поделки из меди; точильные оселки и плиты; костяные проколки, глиняные пряслица, пуговицы и грузила; разнообразные наконечники стрел, — костяные (рис 41-2) железные, бронзовые. Возле костра вне жилища грудкой лежали астрагалы барана — игральные кости со сверлинами и нарезками.

Черепки с городища указывают, что сосуды по форме близки к сосудам других городищ и курганов Зауралья эпохи раннего железа. Но орнамент их был неоднороден. Меньшая часть керамики украшена резным орнаментом того вида, который типичен для городища «Чудаки» и других поселений лесостепи, а на основной части керамики мы видим элементы орнамента, несомненно ведущие свое начало от шигирской керамики. Такая посуда встречена на ряде других городищ того же района, но неизвестна в курганах наших степей. Это различие керамики объясняется тем, что племена, оставившие нам степные курганы, а также городища в лесостепной части Зауралья, развивались на базе андроновской культуры 'бронзовой эпохи. Культура же городищ приторной и лесной полосы хранит в себе традиции бронзовой культуры первобытных рыболовов и охотников Южного и Среднего Урала, традиции шигирской культуры.

Городище на озере Большая Наного находится также на вершине холма, на островке близ западного берега. Несмотря на то, что расположение на острове уже само собой служит хорошей защитой, городище все же обнесено рвом и валом. Это поселение раза в два больше городища Иртяш. При исследовании здесь найдены кости животных и рыб, глиняные черепки, железные серп и нож. Вне городища у подножия

холма, на котором городище расположено, раскопкой обнаружены следы плавки железной руды в виде огромного скопления угля, золы, спекшейся от огня глины, шлака и обожженной руды.

Таким образом мы видим, что жители городищ Иртяш и Большая Наноба занимались скотоводством и земледелием, но что рыболовство и охота были здесь развиты в более широких масштабах, чем на городище «Чудаки». Об этом говорит большое количество найденных костей диких животных и рыб, а также глиняных грузил.

Необходимо отметить находки на обоих городищах железных серпов, притом весьма совершенной формы. Население городищ имело, очевидно, большой опыт культивирования хлебных растений. Земледелие, несомненно, в эпоху раннего железа играло в условиях леса более важное значение в хозяйстве, чем у более южных степных племен, которые имели возможность вести интенсивное скотоводческое кочевое или полукочевое хозяйство. В условиях леса было труднее в крупных масштабах заниматься скотоводством, что же касается земледелия, то «железо сделало возможным полеводство на крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств»^{41[1]}.

Но самым интересным на этих городищах являются следы железной металлургии в виде остатков первобытных домн — так называемых сыродутных горнов. Городища на озерах Иртяш и Большая Наноба являются пока единственными изученными памятниками древнейшей металлургии железа на Урале.

Первобытные домны представляли собой сложенные из глины и камня конусы высотой в метр. Внутри их засыпалась мелко измельченная руда и древесный уголь. Горение поддерживалось при помощи нагнетания воздуха мехами через отверстия в нижней части сооружения. В результате из руды не выплавлялось, чего достичь в этих примитивных домнах было невозможно, а, как говорят, восстанавливалось чистое железо. Оно выделялось из руды в виде густых капелек и скоплялось на дне, образуя губчатую, сильно загрязненную посторонними примесями массу, а поверх ее собирался слой шлака. В шлак уходил очень большой процент металла, что мы и видим по найденным на городищах скоплениям отходов. Комок железа, получившийся на дне сыродутного горна, долгой проковкой очищался от посторонних примесей. Очищенное железо хранилось в виде небольших слитков или криц. В современных домнах выплавляется чугун. Этот способ возник поздно, в сыродутных горнах добывалось сразу чистое железо, вещи из которого выделывались ковкой. Таким образом, мы видим, что на городищах, расположенных ближе к Уральскому хребту, и I тысячелетии до нашей эры была развита железная металлургия уже в таких размерах, которые позволяли снабжать металлом жителей более восточных городищ, где признаков железной металлургии не обнаружено.

Древние разработки железа на Урале пока не изучены, хотя железная металлургия была весьма развита. Но наравне с железом жители широко продолжали пользоваться медью, места добычи которой, относящиеся к рассматриваемому периоду, известны.

Особенно много материала для определения способов выработки дал Гумешевский рудник, расположенный в 4 километрах к северу от города Полевского, относящийся к периоду около начала нашей эры. Рудник был открыт в начале XVIII века. По следам старых выработок здесь в 1702 году крестьянин Сергей Бабин нашел медь, что послужило основанием для развертывания медеплавильной промышленности.

В раннюю пору развития уральской горнозаводской промышленности, когда она

шла буквально по следам первобытных рудокопов, расширяя и углубляя их выработки, и был накоплен известный материал для суждения о характере первобытного горного дела. К сожалению, до нас дошла лишь незначительная часть находок и небольшое число записей, сделанных со слов находчиков, об условиях, в которых были обнаружены древние предметы.

О наиболее ранних находках имеются сведения в записках академиков Палласа и Лепехина, которые посетили Урал в 70-х годах XVIII столетия. Паллас видел в Сысергском заводе, у заводчика Турчанинова, найденные в Гумешевском руднике рукавицу и изорванную сумку размером 60 x 40 сантиметров, сделанные из лосиной кожи. Для рукавицы была использована кожа головы, причем ухо приспособлено для надевания на большой палец. Лепехин рассказывает, что в Гумешевском руднике были найдены горные инструменты: медные кайла, молоты, а также кожаные сумки, рукавицы, человеческие кости, деревянные крепи.

Находки обнаруживались во время разработок Гумешевского рудника на протяжении многих лет. Сведения о некоторых дошли до нас. В 1774 году в шахте № 45 на глубине 30 метров были найдены две меховые рукавицы и берцовая кость человека. В 1794 году в шахте № 94 на глубине 28 метров нашли 4 сумки из сыромятной кожи, 2 медных ломка общим весом около 4 килограммов, железный ножичек с костяной рукояткой, 2 черепа, берцовую и плечевые кости человека. В 1801 году в той же шахте на глубине 18 метров были обнаружены куски крепи соснового и лиственничного дерева, небольшая березовая чашка и ремень из оленьей кожи. Лиственничные и березовые крепи были найдены и в 1816 году в шахте № 151 на глубине 16 метров, а в 1822 году — в шахте № 167 на глубине 22-26 метров. В последней шахте оказались, кроме того, обожженные лучины и три деревянных совка с ручками (рис. 41-4). В том же 1822 году в шахте № 170 на глубине 22 метров была обнаружена кожаная квадратная сумка размером 50x50 сантиметров с небольшим количеством руды. В 1835 году в шахте № 129 на глубине 20 метров оказалась деревянная лопата. Такие находки встречались и позднее. Обнаруженные в Гумешевском руднике предметы сохранились на протяжении тысячелетий благодаря, главным образом, соприкосновению с окисью меди, которая законсервировала их.

По предметам, найденным в Гумешевском руднике, можно в известной степени восстановить картину древних горных работ на Урале в эпоху раннего железа.

Разработка медной руды велась весьма примитивным способом. Шахта шла или вертикально или по наклону рудоносного пласта и представляла собой «дудку» глубиной до 30 метров, от которой отходили горизонтальные узкие и низкие штольни. В них с трудом, иногда ползком, могли проникать древние рудокопы. В качестве крепей применялись жерди или продольно расколотые бревешки. Такое крепление было настолько неудачным, что нередко происходили катастрофы. Об этом говорит большое количество костей погибших рудокопов, обнаруженное в руднике.

Руда добывалась медными кайлами. Для этой же цели, видимо, служило бронзовое орудие, хранящееся в Свердловском музее, которое было найдено на Каменском прииске, в районе Сысертского завода. По внешнему виду оно напоминает зубило длиной 20 сантиметров при ширине до 2,8 сантиметра (рис. 41-3). По всей

**ЧЕЛОВЕК
АНАНЬИНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ.
Реконструкция
лауреата Сталинской
премии М. М.
Герасимова по черепу из
Луговского могильника
на Каме.**

вероятности, пользовались и огнем, чтобы раскалить рудоносную породу и получить трещины, для чего раскаленный камень поливался холодной водой. В трещины каменными молотами загоняли деревянные клинья. Куски руды деревянными совками и лопатами насыпали в кожаные сумки емкостью до двух с половиной пудов и в них выносили на поверхность. Работа велась при освещении лучиной или костром.

Добывались преимущественно окисленные руды: медная синь, малахит, которые лучше поддаются разработке примитивными средствами и легче плавятся. Добыча меди в Гумешках облегчалась залеганием руды в мягких глинистых породах. Для выплавки металла руда не увозилась с места добычи на поселения, как это делалось в эпоху бронзы, а плавилась, видимо, рядом с рудником или на окрестных возвышенностях. Глиняные сопла длиной в 9 сантиметров с оплавленным концом и следами меди на них найдены в Гумешевском руднике и, как говорилось выше, на мысу Толстик Исетского озера. Медные шлаки в районе Гумешевского рудника и Полевского завода в прошлое находили большими кучами и широко использовали для выплавки из них меди, так как примитивные средства древних металлургов приводили к отходу в шлаки значительный процент металла. Шлаки — обычная находка на Караульной, Думной и других горах.

Данных для суждения о способах выплавки меди из руды мало. Можно думать, что велась она различными способами. Известно, что окисленные руды плавятся даже в больших кострах. Применяются для этого плавильные ямы и примитивные плавильные печи с использованием искусственного дутья мехами. На высоких горах, где нередко находят медный шлак, возможно пользовались просто кострами. Найденные же в Гумешках и на Толстике сопла указывают на применение плавильных печей.

Важной составной частью ранних металлических орудий является олово. Будучи добавлено к меди, оно дает новый сплав — бронзу. Бронза имеет ряд преимуществ перед медью. Она плавится при более низкой температуре, чем медь, и вместе с тем дает более твердое и острое лезвие. Возможна небольшая естественная примесь олова. Но, как показывают анализы отдельных древних металлических орудий, найденных на Среднем Урале, содержание олова в них доходит до 8-11%. Следовательно, примесь эта является преднамеренной, искусственной. Поэтому можно предполагать, что на Урале в древности добывали и олово, хотя о древних разработках его пока ничего неизвестно.

Найденные в Гумешевском руднике предметы позволяют установить время древней добычи руды. В руднике были обнаружены медный наконечник копья типа, характерного для ананьинской культуры, и 10 бронзовых трехгранных наконечников стрел сарматского типа. Такой же наконечник стрелы был встречен на Караульной горе. Следовательно, древние горные выработки в районе Гумешевского рудника и связанные с ними места плавки медной руды нужно относить к сармато-ананьинскому времени, ко второй половине первого тысячелетия до нашей эры и последующим векам.

В это время медно-бронзовая металлургия настолько развивается на Урале, что здесь создаются свои местные типы орудия, которые выходят за пределы Урала. Бронзовые топоры-кельты зауральско-ананьинского типа найдены в ряде пунктов лесного Зауралья: у города Кыштыма (рис. 41-1), на Аятском озере и в других местах. Они распространяются и в Западной Сибири, по берегам Оби и Иртыша. Уральские металлические изделия проникали в порядке обмена к племенам Западной Сибири.

Для конца первого тысячелетия до нашей эры — начала первого тысячелетия нашей эры в районе Свердловска характерна особая группа памятников, связанных с так называемыми «каменными палатками» и скалистыми вершинами гор. Таковы Шарташские каменные палатки у Втузгородка в Свердловске, Шабровские палатки у деревни Сидельниковой, палатки на озере Медком близ Свердловска, Чертово

городище в районе Исетского озера, гора Караульная у Северского завода, горы Думная и Азов у Полевского завода и некоторые другие. Все эти «палатки» и вершины не без основания рассматриваются как места, где совершались жертвоприношения. Здесь найдено много пережженных костей, керамики и других вещей, из которых некоторые, например птицевидные изображения, бесспорно, имеют ритуальное назначение. Вместе с тем невозможно допустить, чтобы голые, труднодоступные горные вершины были местами, где постоянно мог обитать человек.

При этом нельзя забывать о других видах находок на этих памятниках: о кусках медной руды, шлаках, слитках меди, литейных формах. На горе Караульной, близ Северского завода, Д. Н. Анучин в 80-х годах прошлого столетия нашел вместе с черепками, медными птицевидными изображениями, бляхой с ушком, трехгранными стрелами, копьем и лошадиными зубами — руду, шлаки и бесформенные слитки меди. На Думной гире, близ Полевского завода, Ф. А. Уваров тогда же собрал, кроме других предметов, руду и шлаки. Рыжниковым в 1890 году у подножия ^v каменных палаток с навесами, в двух верстах от Чортова городища, были найдены черепки, кости, камень с двумя дырочками и шлаки. На каменных палатках, близ озера Мелкого, в 1897 году Гаккелем обнаружен обломок литейной формы для кельта. Среди находок на Шарташских каменных палатках имеются слиток меди, шлаки, 2 черепка, покрытые с внутренней стороны шлаком. На вершине горы в Полевском заводе найдены керамика, 2 слитка меди, шлак с остатками медной руды, малахит. Шлаки и куски медной руды оказались по дороге на рудник у горы Азов.

Много медного шлака и кусков медной руды, вместе с медными ножами, костяной стрелой, разноцветными бусами и керамикой найдено в 1940 году на вершине горы в районе станции Исеть.

Все эти факты заставляют предполагать какую-то связь древних уральских жертвенных мест типа каменных палаток металлургическим производством. Находки буквально на всех памятниках этого типа шлаков, руды, а иногда слитков меди и литейных форм указывают, что здесь отливались бронзовые изделия и выплавлялись металлы из руды.

В районе Свердловска, как упоминалось выше, в древности добывались, главным образом, окисленные руды. Выплавлять металл из них можно, не устраивая особых сложных сооружений. Достаточно груды руды обложить большим костром и дать хорошее дутье. На вершинах скал сильное естественное дутье было обеспечено. Не исключена возможность, что с процессом плавки, с процессом получения металла из камня человек впервые познакомился на таких скалах, где металл легко мог выплавиться из кусков медной руды, может быть даже случайно попавших в жертвенный, культовый костер. Воображение первобытного человека населяло высокие скалы сверхъестественными существами. Объяснить появление металла он мог только вмешательством этих сил.

Два действия — плавка металла и жертвоприношение, таким образом, в районе развитой древней металлургии были взаимно связаны.

На базе разработки местных богатых месторождений меди лесные племена Зауралья создали очень развитое меднолитейное дело. Самые разнообразные медно-бронзовые изделия и формочки для их отливки очень часто обнаруживаются при раскопках археологических памятников и во время различных случайных земляных работ, пахоте и т. д. Несмотря на умение добывать железо, люди долго еще продолжали изготавливать из бронзы даже орудия труда и предметы вооружения: топоры-кельты (рис. 41-1), наконечники копий ананьинской формы (рис. 42-7), трехгранные наконечники стрел сарматского типа. Еще чаще из меди и бронзы отливались предметы непромышленного характера: зеркала или бляхи с петелькой на обратной стороне,

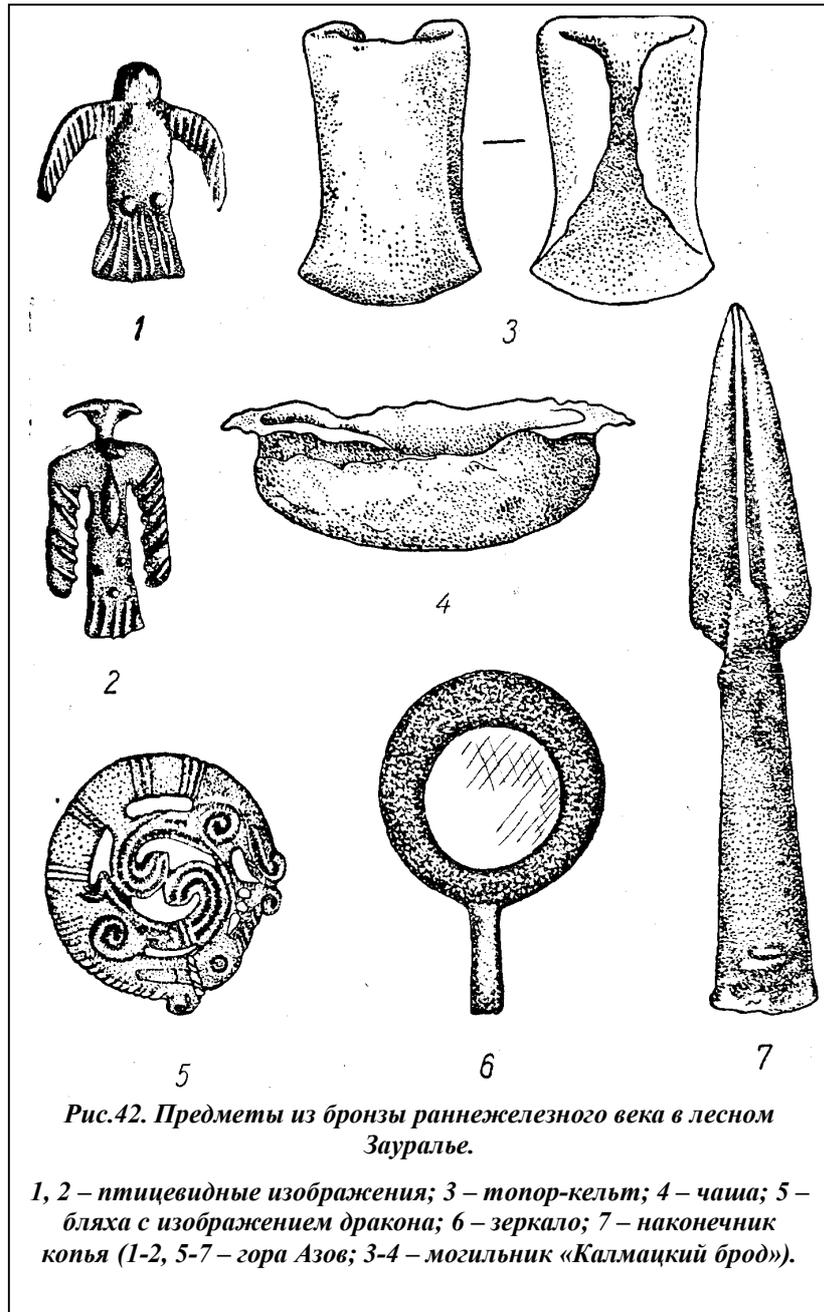
украшения, амулеты в виде птиц и человекообразных фигур.

Племена лесной полосы Восточного Урала оставили интереснейший вид археологических памятников — жертвенные места. Как упоминалось выше в связи с вопросом о способах и месте плавки меди, жертвенные места располагались на скалистых вершинах гор или останцах — «каменных палатках». Эти пункты поражали воображение первобытных обитателей Урала и рассматривались ими, видимо, как места священные, связанные с обитанием духов — хозяев гор, леса, лесного зверя и т. п.

Особенно интересны и многочисленны были находки на жертвенном месте горы

Азов, расположенной в 8 километрах от города Полевского на юге Свердловской области. Здесь в 1940 году на площадке в 10-12 квадратных метров под тонким слоем почвы обнаружены были 40 предметов, отлитых из меди и бронзы. В состав находки входили металлические зеркала, наконечник копья, но основную массу предметов составляли птицевидные (рис. 42) и человекообразные изображения. Наравне с грубыми схематическими фигурками людей и птиц тут были художественно выполненные изображения птицевидных существ.

Большинство предметов относятся к культовым изображениям, вероятно, духов, другие: копье, бляхи, зеркала надо рассматривать как приношения божеству. Люди на этой стадии развития были слабо вооружены знаниями для борьбы с природой. Они все еще не понимали

окружающие явления природы, от которых зависела их жизнь. Непонятны были засухи, приводящие к гибели урожая, непонятны были случаи исчезновения зверя, за которым охотились, или падеж домашнего скота. За всеми этими явлениями люди видели какие-

то сверхъестественные злые силы, существа, внушавшие страх.

Находки на жертвенных местах лесного Зауралья показывают, что сверхъестественные существа-духи олицетворялись местными племенами в виде птиц. Сами птицы рассматривались как существа священные, связанные с миром духов, с небом. Некоторые из этих фигурок лишь отдаленно напоминают птиц, а скорее похожи на схематическое изображение человека. Под влиянием более развитой техники и хозяйства человек теперь стал понимать свое значение в хозяйственной жизни общества. Последнее особенно ярко выражено в появлении древовидных схематических фигурок человека, отлитых из бронзы (рис. 41-9).

Как всякая религия во все времена, религия зауральских лесных племен играла в жизни людей реакционную роль. Она неправильно объясняла окружающие явления, мешала развитию общества, направляла его энергию по ложному пути, приводила к бесполезным растратам материальных ценностей и даже человеческих жизней.

На описываемых жертвенных местах, кроме упомянутых религиозных изображений, находят жженные кости принесенных в жертву духам и богам животных. На вершинах сжигали жертву, возможно возле изображения божества. Оставляли возле него некоторые бытовые и культовые предметы — наконечники стрел из бронзы и камня, ножи, изображения птиц, отлитые из меди, а в расщелинах скалы ставили сосуды с жертвенными приношениями. Подобного рода священные места, на которых совершались жертвоприношения, продолжали существовать еще в предоктябрьский период у коренного уральского народа — манси.

К концу описываемого времени (первым векам нашей эры) относятся единичные погребальные памятники, открытые в лесной полосе Зауралья. Несколько погребений раскопано в могильнике у разъезда «Калмацкий брод» на реке Исети, там, где в более раннее время — в эпоху бронзы находилась известная стоянка «Калмацкий брод». Человеческие захоронения были найдены и на юго-западном берегу Исетского озера. В могильнике «Калмацкий брод» покойники сопровождались глиняными сосудами бомбовидной формы и различными изделиями, главным образом из камня, но также и из металла: бронзы и железа. Среди них оказались низкий сосуд, склепанный из тонких листов меди (рис. 42-4); бронзовый топор-кельт (рис. 42-5) и железные ножи. Но преобладали в погребальном инвентаре предметы из камня: топоры, ножи, сверленные подвески. Выше отмечалось по находкам на поселениях лесного Зауралья долгое переживание в быту каменных орудий даже в эпоху, когда были уже известны не только бронза, но и железо. Эта черта прослеживается и в могильнике «Калмацкий брод». Черепа костяков были сильно деформированы тугим бинтованием в раннем детстве, характерным для сарматско-аланских племен первых веков нашей эры и степях Приуралья. Это наблюдение, а также самый факт существования обычая погребения покойников в землю, чего не наблюдалось в лесной полосе в более раннее время, заставляет предполагать проникновение на север новой волны южных степных этнических элементов. Лесная культура, впитав некоторые черты южной, степной, в целом не потеряла своего своеобразия и продолжала сохранять черты, свойственные родственным лесным, в том числе и ананьинской.

Частые находки в лесном Зауралье бронзовых изделий ананьинского типа, например наконечников копий, совершенно неизвестных сарматам и исседонам, свидетельствуют о тесных связях, существовавших в эпоху раннего железа между племенами лесной полосы Зауралья и Приуралья. Кроме того, на некоторых ананьинских поселениях Прикамья: на Галкинском городище, на Конецгорском селище среди керамики обнаружена небольшая примесь обломков сосудов, содержащих в глине включения толченого талька. Примесь талька в глине - обычное явление для древней зауральской керамики и совершенно не свойственна керамике западного

склона Урала, где вместо талька к глине примешивалась толченая раковина. Следовательно, тальковая керамика могла попасть на Каму только из-за хребта, с восточного склона. Нужно учесть, что месторождений талька на Каме не известно. Может быть наличие в Прикамье зауральской керамики с примесью талька - лишнее подтверждение того, что и в эту эпоху проникали этнические элементы монголоидного облика с востока, о чем была речь при описании ананьинской культуры.

Вместе с тем население городищ и селищ лесного Зауралья нельзя отождествлять с племенами Приуралья того же времени, то есть нельзя называть ананьинцами. Различие этнической принадлежности этих двух групп племен (приуральской и зауральской) особенно ярко проявляется в различии формы и орнаментации керамики.

Наличие городищ и развитых форм скотоводства, земледелия и железной металлургии свидетельствуют о высоком общественно-экономическом развитии племен лесного Зауралья, в особенности южной части, к концу эпохи раннего железа. К этому времени у лесных зауральских племен должен был далеко зайти процесс имущественной дифференциации и, как следствие, распада первобытнообщинных родовых отношений. Известная специализация хозяйства отдельных общин, которая устанавливается, например, находками следов высоко развитой железной металлургии на городищах Иртяш и Большая Нанюга, способствовала развитию регулярного обмена. Обмен и удачные грабительские набеги (а что последние были обычным явлением, говорит самый факт существования укрепленных поселений — городищ) приводили к обогащению отдельных патриархально-семейных общин и родов, которые увеличивали свои богатства эксплуатацией труда военнопленных, превращенных в рабов. Внутри в прошлом однородного по имущественному состоянию племени создавалась богатая верхушка. Из нее оформлялась та замкнутая группа родоплеменной аристократии, которая, опираясь на свое богатство, захватила и власть.

До перехода к классовому строю еще было далеко, но новые, несвойственные первобытнообщинному родовому строю элементы уже имели широкое распространение: имущественное неравенство, патриархальное рабство, захват родоплеменных должностей представителями определенных богатых семей.

ПАМЯТНИКИ ЮЖНОГО УРАЛА В V-XV ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ

Дата аланской культуры выше была определена II-IV веками нашей эры, но те же племена продолжали обитать в Приуралье и в более позднее время. К V-VII векам нашей эры относится несколько редких, а потому и не учитывающихся обычно погребений. В бывшем Бузулукском уезде Чкаловской области около села Федоровки найден в 1927 году вымытый вешней водой комплект предметов могильного инвентаря. В него входили железный меч, железная кольчуга, медный котел, 19 железных трехгранных наконечников стрел, железные удила с серебряными кольцами, набор серебряных бляшек и пряжек от уздечки и пояса, несколько обломков золотых пластинок со вставками из драгоценных камней — гранатов или алмандинов. Все эти вещи характерны для середины I тысячелетия нашей эры.

Более содержательными и многочисленными являются находки, датирующиеся V-VII веками нашей эры, обнаруженные за последние 15 лет на территории города Уфы. Постройки южной части Уфы сооружены, как это выяснилось, на древнем могильнике. К сожалению, научному обследованию подверглись только редкие из уфимских погребений. Одно из них, найденное в 1936 году на усадьбе Башкирского медицинского института, принадлежало богатой женщине. В могиле оказались золотые украшения: ожерелье из медальонов, привески, поясной набор. Рядом с костяком лежали бронзовые зеркало, ложка, железный нож, а на ногах сохранились пряжки и

бляшки от ремней обуви. В 1946 году в Уфе обнаружено второе богатое погребение, в котором найдены бронзовый сосуд, бронзовые пряжки, украшенные цветными стеклами, тонкие золотые пластинки от поясного или уздечного набора, железный нож, кусочки черной сафьяновой кожи от обуви и обломки глиняного горшка. В разрушенных погребениях сохранились обрывки кольчуг, обломки костяных обкладок колчана и налучника, серебряная шейная гривна, сердоликовая гемма, бусы и другие вещи.

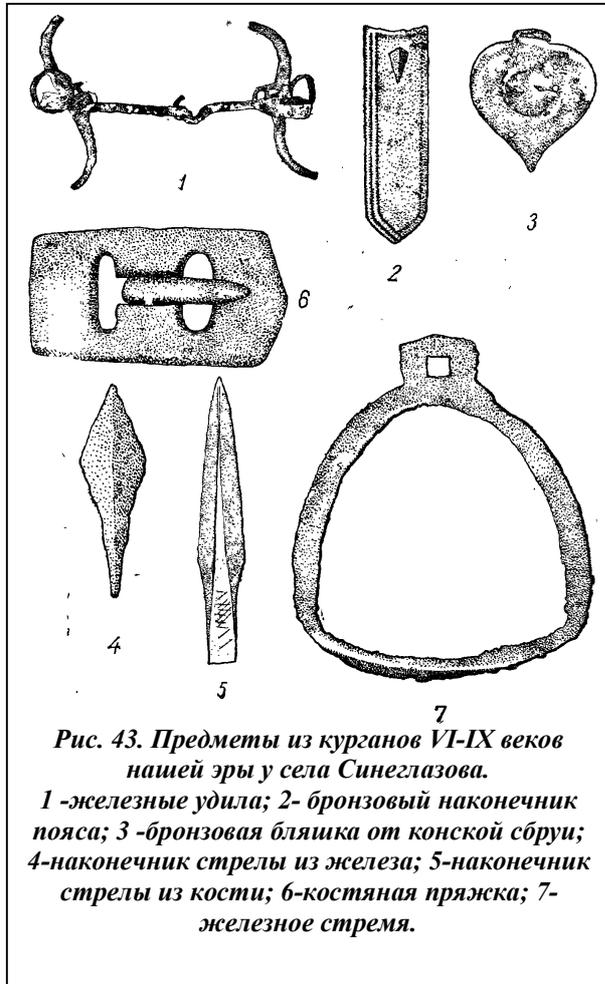

Рис. 43. Предметы из курганов VI-IX веков нашей эры у села Синеглазова.

1-железные удила; 2-бронзовый наконечник пояса; 3-бронзовая бляшка от конской сбруи; 4-наконечник стрелы из железа; 5-наконечник стрелы из кости; 6-костяная пряжка; 7-железное стремя.

Уфимские погребения, несмотря на их малочисленность, дают богатый материал для суждения о ряде сторон жизни племен Приуралья, являющихся ближайшими предками башкир. Правильнее даже считать погребенных ранними башкирами, так как в IX-X веке уже упоминается в письменных источниках народ башкурт. В V-VII веке население лесостепной Башкирии развивало самобытную, местную культуру, на которой вместе с тем отразилось немалое влияние южных стран — Причерноморья и Средней Азии. Оттуда поступали в Башкирию многие золотые, снабженные камнями украшения; сердоликовая гемма может быть даже китайского происхождения (по Б. А. Коишевскому).

Значительные материальные ценности в виде золотых предметов, встреченные в ряде погребений, указывают, что отмеченная в среде сармато-аланских племен и для более раннего времени имущественная дифференциация во второй половине I тысячелетия еще более углубилась. По-видимому уфимские погребения

оставлены каким-то богатым родом.

По культурному облику племя, представители которого погребены на территории Уфы в V-VII веках, несомненно относится к степнякам, к потомкам сармато-алан Приуралья. Нужно впрочем, отметить и некоторые виды украшений явно северного, лесного происхождения, что впрочем понятно для памятников, расположенных па границе с лесной полосой.

В зауральской лесостепи близкое к описанным погребение известно из окрестностей села Муслюмова в Кунашакском районе Челябинской области. Там в конце 'прошлого столетия случайно был обнаружен комплект вещей, по-видимому составляющих могильный инвентарь погребения, подобного федоровскому. Муслюмовская находка состояла из железного меча и золотых и серебряных изделий. К последним относились: золотая шейная гривна (обруч), золотая пластинка, служившая оковкой какого-то не дошедшего до нас деревянного предмета, на который она прикреплялась золотыми гвоздиками; два золотых полых цилиндрика; серебряная застежка-фибула; серебряные позолоченные пряжки и бляшки гладкие или украшенные

красными стеклами; серебряные кольца от уздечки. Как уже отмечено выше, по типу вещей этот комплект, как и федоровское погребение, относится к позднеаланским кочевым или полукочевым племенам.

Конец первого тысячелетия нашей эры в Зауралье представлен редкими курганными погребениями, которые ярко отражают кочевой скотоводческий быт племен, насыпавших эти могильные сооружения.

Культура кочевников зауральской лесостепной полосы хорошо рисуется находками в курганах на берегу озера Синеглазова, раскопанных в 1908 году Н. К. Минко. Мужские могилы содержали снаряжение конного пастуха-воина: железные удила и стремена, железные трехлопастные и костяные наконечники стрел, бронзовые бляшки уздечек, костяные пряжки от конской сбруи (рис. 43) и т. п. В женских могилах обнаружены бронзовые браслеты и разнообразные бусы.

Типы вещей из синеглазовских курганов трудно считать происходящими из среды сармато-аланских племен. Они широко известны в погребальных памятниках западносибирских степей. В частности подобные могилы хорошо изучены на Алтае и по берегам верхнего течения реки Енисей, где в это время существовало культурное раннее государство предков современных хакасов. Находки на берегу озера Синеглазова свидетельствуют об оживленных сношениях, существовавших в VI-IX веках между кочевыми и оседлыми племенами западносибирских степей.

Для погребального инвентаря синеглазовских курганов характерно преобладание костяных наконечников стрел над железными, что связывает их с предыдущим временем, в особенности соседних лесных районов, где трехгранные костяные наконечники стрел были в большом количестве найдены в торфяниках Свердловской области.

Другая группа курганов с погребениями кочевников IX века была раскопана к северу от города Верхнеуральска у села Кизникой в Башкирии. В курганах были погребены воины, одетые а кольчуги и шлемы; рядом с покойниками в могиле лежали уздечки, снабженные серебряными бляшками и пряжкой. Погребения оказались разграбленными. Надо полагать, что в полное снаряжение покойников входило оружие, но оно было похищено.

В более южных районах, в степях Чкаловской области, в конце периода, представленного курганами на озере Синеглазове, появляются одна за другой волны кочевников, вливавшиеся из Азии в Европу через широкие ворота между Уральскими горами и Каспийским морем.

Трудно сказать, как быстро продвигался по Приуралью каждый из этих народов, но во всяком случае пребывание кочевников не было здесь продолжительным.

По историческим известиям с IX века здесь последовательно проходят печенеги, торки, половцы. В IX веке печенеги упоминаются, как народ, кочующий между Яиком (Уралом) и Волгой. Во второй половине IX века их вытесняют надвигающиеся с востока торки, следовательно, наличие торков к востоку от реки Яика в южном Приуралье вполне возможно в IX, а может быть и в VIII веках.

Вслед за торками надвигается следующая волна кочевников половцы, которые к XI веку вытесняют торков из Уральских и Поволжских степей за Дон в южные степи. К востоку от реки Урала половцы, видимо, жили уже в конце X века.

Передвижения кочевых племен не приводили к поголовному вытеснению одного народа другим. Часть вытесняемого народа оставалась жить среди пришельцев, смешиваясь с ними. Известный историк X века византийский император Константин Багрянородный, описывая приход торков в страну печенегов, говорит, что не все печенеги ушли под напором торков, а часть осталась добровольно жить среди них «и доселе остаются среди них, имея следующие признаки для того, чтобы отличаться от

них и показывать, кто они такие и как им довелось оторваться от своих: их верхние одежды укорочены до колен и рукава обрезаны, начиная от предплечья; этим они показывают, что отрезаны от своих родичей и соплеменников».

В южном Приуралье имеется ряд погребальных памятников, датируемых X—XIII веками нашей эры, то есть временем жизни в Приуралье и продвижения с востока на запад печенегов, торков, половцев, обычно объединяемых в археологии общим термином «поздние кочевники».

Воинское искусство этих племен стояло на значительной высоте. За ними утверждается приоритет в изобретении нового более совершенного типа рубящего оружия — сабли, пришедшей на смену мечу. В среде степных кочевников сабля употреблялась уже в IX веке. В Западную Европу и на мусульманский Восток это новое оружие проникло позднее.

Все эти народы были родственны друг другу, имели близкий хозяйственный и социальный строй; оставленные ими памятники в виде могильных сооружений под курганами близки по погребальным обрядам и трудно разграничиваются по отдельным народностям.

Русская летопись упоминает о народе — торках, появившихся в южных, пограничных с русскими пределами степях в X веке. В середине XI века торков вытесняет отсюда следующая, пришедшая из Азии волна кочевников, — половцы. Торки под давлением последних уходят далее на запад, а частично остаются с согласия Киевского княжества на его границах, превратившись в союзников и подданных Киева. Одним из мест обитания мирных торков этого периода был приток реки Дона — Торец, получивший благодаря этим событиям и свое наименование.

По берегам реки Торца хорошо изучен определенный тип курганных погребений, приписываемых торкам.

Могилы с тем же погребальным обрядом и набором предметов, сопровождавших покойника в загробную жизнь, встречены и на территории южного Приуралья.

В 1927 году в 18 километрах от города Чкалова, вверх по реке Уралу, близ поселка Нежинка, на Алебастровой горе, в урочище «Красный Яр» и у самого поселка было раскопано несколько курганов. Некоторые из них содержали погребения торков.

Торки редко сооружали новый курган над своим покойником. Они предпочитали использовать для этой цели уже имеющиеся курганы, оставленные более древним населением.

В насыпи готового старого кургана они вырывали могилу и помещали в

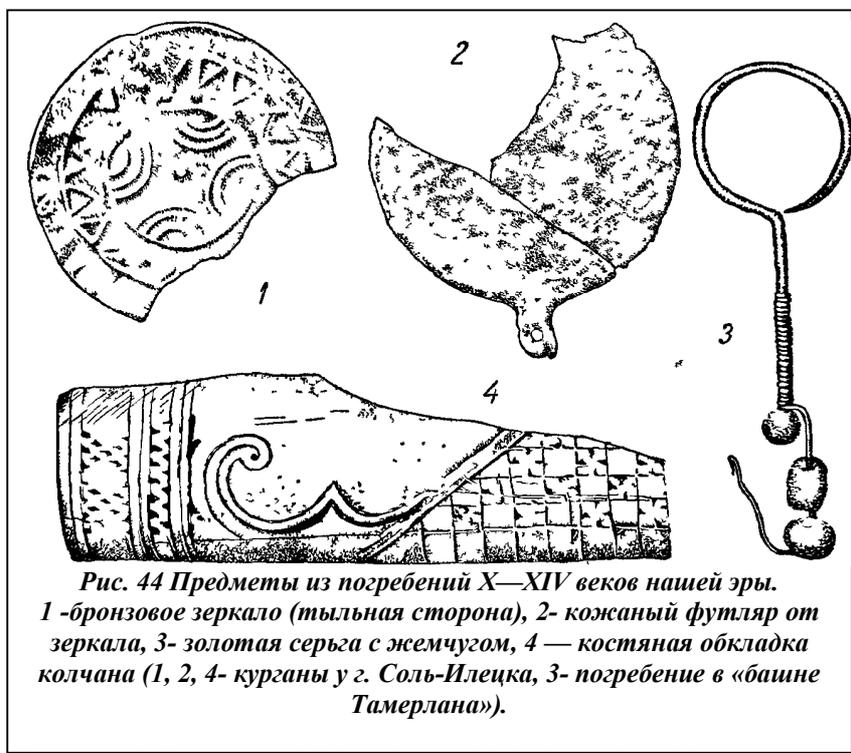

Рис. 44 Предметы из погребений X—XIV веков нашей эры. 1 - бронзовое зеркало (тыльная сторона), 2 - кожаный футляр от зеркала, 3 - золотая серьга с жемчугом, 4 — костяная обкладка колчана (1, 2, 4- курганы у г. Соль-Илецка, 3- погребение в «башне Тамерлана»).

нее покойника в долбленном из целого толстого дерева гробе-колоде. Покойник обязательно был обращен головой к западу. В мужском погребении, раскопанном на Алебастровой горе, в гробе-колоде слева от головы найдена большая деревянная ложка, а на поясице — железная пряжка от пояса. Мужчину в могилу обычно сопровождал конь, верный его спутник при жизни. Чаще вместо полного скелета лошади слева от гроба-колоды в головах покойника положен конский череп, причем конь мордой тоже обращен к западу. В зубах у коня в погребении на Алебастровой горе были железные удила с большими кольцами и бронзовые украшения уздечки: на лбу круглая бляха, возле ушных отверстий сложные крестообразные бляхи - нащечники, у затылочной кости бронзовая посеребренная пряжка. Пряжка украшена резным орнаментом, изображающим растительный узор в виде двойных побегов. Резьба заполнена чернью.

Женские погребения почти лишены сопровождающих вещей. Встречаются лишь синие стеклянные бусы на шее, у кистей рук или у таза — остатки ожерелий, браслетов и может быть украшений пояса. В одном женском погребении у поселка Нежинка на дне колоды под тазовыми костями оказались зерна проса.

То тут, то там в степях Южного Приуралья при различных земляных работах, пахоте, обвале берегов находят кольчуги- особые предохранительные боевые рубашки, сделанные из железных колечек и служившие для защиты тела воинов от сабельных ударов и стрел. Часть таких кольчуг несомненно принадлежит торкам.

Одна из кольчуг, хранящихся в Чкаловском музее, была случайно найдена в поле в 1934 году, близ поселка Первомайского, под городом Орском, жителем этого поселка Л. М. Дроздовым. Вес кольчуги 18 килограммов. Эта кольчуга имеет на себе точную дату. Внизу передней полы между кольчиками искусно вделана медная пломба с арабской надписью. Среди надписи стоит год — 304, что соответствует 926 году христианского летоисчисления. Так как это время обитания в Приуралье торков, то орская кольчуга должна была принадлежать одному из торкских воинов.

Торков сменила следующая волна кочевников — половцы.

Большая группа курганов этого времени исследована возле Соль-Илецка у деревни Пчельник. Курганы содержат глубокие могилы, от 1 до 3 аршин глубиной. Покойники преимущественно лежат головой к западу. На костяках видны остатки кожаной обуви со швами и одежды из толстой шерстяной ткани и тонкой шелковой материи, иногда с золотым шитьем. У всех покойников слева на поясе находится железный ножичек, а в женских погребениях рядом с ножом у левого бедра положен железный серп или ножницы для стрижки овец. На груди у женщин помещались металлические круглые зеркала из бронзы с ушками на тыльной стороне. На зеркалах заметны остатки футляров или сумочек, сшитых из шерстяной материи и кожи или деревянных. (Рис. 44-/, 2).

Мужчин сопровождали другие предметы, преимущественно оружие и снаряжение коня, а иногда и кости лошади. У правой руки обычно лежат железные стрелы разной формы — листообразные, двуперые, плоские. В некоторых могилах сохранились костяные орнаментированные обкладки колчанов (рис. 44-4). В ногах покойника обнаруживаются железные удила с кольцами и стремяна, а в одном погребении вместе с ножом найдена железная двуперая острога, а в ногах чугунный котел и глиняный кувшин. В одном из курганов было найдено две бухарских монеты Абдул-Латиф-Хана из династии Шейбонидов (947-959 годы).

Погребальный инвентарь, то есть вещи, положенные с покойником в могилу, в данном случае ярко подчеркивают характер занятия населения: мужчины были воинами и конными пастухами, погребение же с острогой без сомнения принадлежит рыбаку, а женщины обрабатывали продукты скотоводства (о чем свидетельствуют овечьи ножницы) и возделывали небольшие поля проса, во всяком случае сбор урожая

был их делом, как и дальнейшая обработка проса, приготовление пшена и пищи из него.

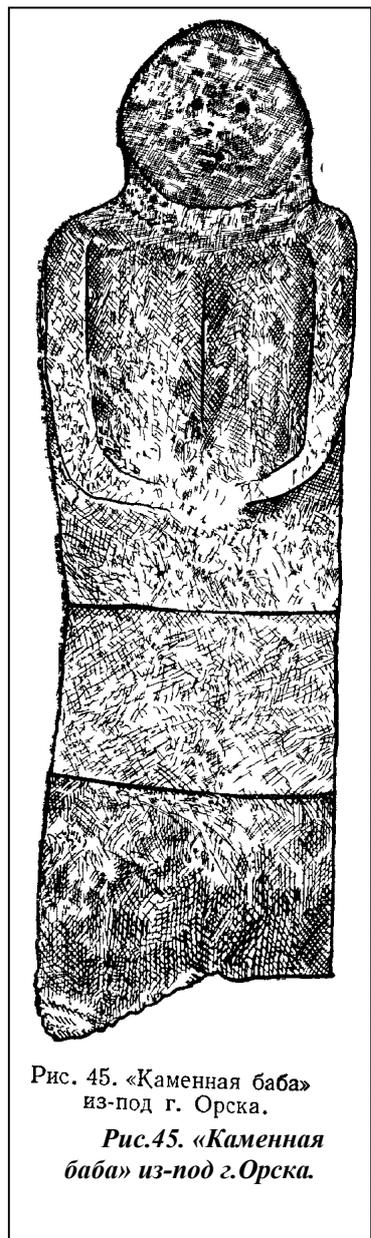

Рис. 45. «Каменная баба»
из-под г. Орска.

Рис.45. «Каменная баба» из-под г.Орска.

Общий облик быта половцев или других племен, живших в XI-XIII веках в наших степях, по курганным погребениям Соль-Илецкого района рисуется очень близким к быту казахов недавнего предоктябрьского прошлого. Продукты скотоводства — мясо и молоко, а также пшено были основной пищей половецкого населения. Представители родовой знати, позднее выдвинувшие из своей среды феодалов, богатели, эксплуатируя своих сородичей, накапливали огромные богатства, добытые грабительскими набегами на Русь и других соседей, где захватывали большое количество пленников, продаваемых ими в Среднюю Азию, Крым и на другие восточные рынки.

Рядовые могилы, как мы видели, довольно просты. Представителей богатых семей хоронили в более сложных могилах. Один курган с богатым погребением был раскопан в 1887 году на речке Ветлянке в Соль-Илецком районе.

В 8 километрах к югу от поселка Мертвецовского на высоком сырте стоят семь курганов. В 1887 году Ф. Д. Нефедов вскрыл один из них.

Земляная насыпь кургана высотой свыше двух метров занимала немалую площадь. Диаметр ее у основания достигал 45 метров. В насыпи раскопками была обнаружена каменная гробница, сложенная из хорошо отесанных четырехгранных каменных брусьев. Каменная крышка гробницы, составленная из двух тщательно пригнанных друг к другу половинок, формой напоминала трехгранную крышку современного гроба. Длина гробницы превышала два метра при ширине в один метр. Внутренность гробницы по размерам соответствовала телу покойника, но оказалась заполненной чистым песком без каких бы то ни было следов погребения. Предполагать ограбление могилы не было оснований. Тяжелая каменная крышка была, но потревожена, стенки гробницы также

целы. Костяк, обращенный головой к северо-востоку, оказался лежащим рядом с гробницей на древней поверхности почвы. Кроме остатков кожаной обуви и обычных для всех мужских могил этого времени железных удиц, наконечников стрел и пряжки под костяком вдоль правого бока, найдены остатки колчана. Сам колчан был, вероятно, деревянный и бесследно истлел, но сохранились украшавшие его сверху костяные пластинки с резным орнаментом, заполненным черной и красной краской (рис. 44-4).

Иногда на половецких курганах ставились изваяния из камня — изображения фигур предков, так называемые каменные бабы (рис. 45). Об этом упоминает французский монах Рубруквис, проезжавший через страну половцев в XI веке в качестве посла короля Франции Людовика IX к хану Монголии в Каракарум.

В XVIII веке их еще можно было встретить в наших степях, в частности одну из «баб» видел академик Паллас на кургане в 15 километрах от Новосергиевки Бузулукского уезда. При заселении края русскими «каменные бабы» уничтожались:

одни были использованы в качестве строительного материала на фундаменты и иные хозяйственные нужды, другие были перевезены в музей. Несколько «каменных баб» хранится в Чкаловском музее.

В XIII веке кочевые племена Урала и Приуралья были покорены татаро-монгольскими завоевателями и вошли в состав государства Золотой орды. Татаро-монгольское нашествие явилось страшным бедствием для покоренных стран:

Рис. 46. Каменная площадка над могилой (золотоордынское время).

разрушались целые города, уничтожалось почти все население их, не считаясь ни с полом ни о возрастом. Золотоордынское государство было искусственным образованием, состоящим из разноплеменных народов, стоявших на самых различных ступенях общественно-экономического развития. В него входили и военной силой в его составе удерживались и такие, не вышедшие еще из патриархально-родового строя племена, как половцы, и народы, Создавшие высокую культуру феодальной эпохи: население Средней Азии, Волжской Булгарии и русских княжеств.

Золотая орда принадлежала к тем древним и средневековым империям, «которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения»^{42[1]}. Татаро-монголы - сами кочевники - мало чем отличались в области культуры от половцев. Но среди покоренных ими народов было оседлое высококультурное население русских княжеств, Волжской Булгарии, Хорезма и Нижнего Поволжья с высоко развитой ремесленной промышленностью и торговлей. Уже первые золотоордынские ханы оценили значение развитого

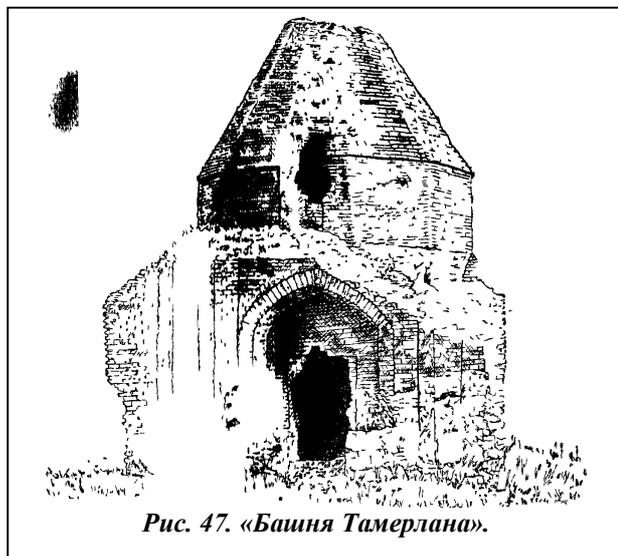

Рис. 47. «Башня Тамерлана».

ремесла и торговли для обогащения своей казны и принимали меры к их процветанию в своем государстве. Ремесленники и купцы Булгарии, Хорезма, Руси были сконцентрированы в основных центрах Золотой орды. Так трудами покоренных народов уже к XIV веку создалась высокая культура в оседлых центрах Золотой орды. Но она мало влияла на культуру толщи степного населения. Народы, вошедшие в состав Золотой орды, жили своей жизнью, испытывая влияние завоевателей лишь в виде бесконечных тяжелых даней и поборов. Больше того, кочевники татаро-монголы

Рис. 48. Сасанидские серебряные блюда

быстро слились с половцами, утеряли свой язык. Тюркский язык, на котором говорили половцы, стал разговорным языком большинства населения Золотой орды.

Рядовое население золотоордынской эпохи оставило на Южном Урале исторические памятники в виде могил — площадок, выложенных камнем в 2,5 метра длиной и 1,5 метра шириной (рис. 46).

Такие площадки открыты археологами в нескольких пунктах по среднему течению реки Урала между Орском и Магнитогорском и в прилегающих районах. Во вскрытых могилах при мужских костяках оказались берестяные колчаны со стрелами, удила, стремена, остатки сбруи, железные ножи. В женской могиле на черепе найдена «бокка», характерный головной убор золотоордынских женщин - высокий

берестяной цилиндр, суживающийся кверху. Набор и типы предметов в рядовых могилах золотоордынской эпохи почти аналогичны предметам из половецких могил.

Следовательно, археологические материалы подтверждают, что степное население

Южного Приуралья и в золотоордынское время состояло из тех же племен, что кочевали до вторжения в Приуралье татаро-монгольских захватчиков.

Но верхушка степных племен была теснее связана с господствующими классами Золотой орды. В ее среду проникали предметы материальной культуры, изготовленные в городских центрах. С распространением мусульманства, новая религия охватила прежде всего эти же слои населения южноуральских степей, что и получило свое отражение в ряде памятников.

Редким памятником является так называемая Башня Тамерлана (рис. 47) возле поселка Варна, на юге Челябинской области, близ железнодорожной станции Тамерлан. Она представляет собой остатки мавзолея над могилами каких-то феодалов, сделанного из характерных для того времени крупных квадратных кирпичей. В плане мавзолей имеет квадрат со стороной восемь метров, который сверху заканчивается 12-гранной пирамидальной башней высотой в 16 метров. Входная дверь со стрельчатой аркой находится в южной стене, а в восточной и западной расположено по одному окну. Сводчатый потолок и сохранившиеся участки пола залиты цементом.

В 1889 году Э. Ю. Петри произвел внутри сооружения раскопки и обнаружил, что несколько могил разрушено грабителями, — черепа и отдельные кости из могил! попадались в перерытой земле. В сохранившейся обложенной деревом могиле Э. Ю. Петри нашел костяк женщины, покрытый лубком. В лубке над глазами и ртом были вырезаны отверстия. На скелете оказались остатки шелковой ткани, золотые серьги с жемчужинами и яхонтами на них (рис. 44-5) и золотые перстни. Погребенная была, очевидно, знатного происхождения.

К Тамерлану это сооружение никакого отношения иметь не может. Пребывание грозного властелина Средней Азии на Южном Урале было слишком кратковременным. Преследуя золотоордынского хана Тахтамыш, он прошел в 1391 году через степи центрального Казахстана и повернул на запад, переправившись через верховья рек Тобола и Урала, по-видимому, южнее местонахождения описываемого мавзолея. После долгих переходов Тамерлан ненадолго остановился лишь на реке Ик, на Южном Урале. Лагерь его здесь, точное местоположение которого не известно, по письменным свидетельствам, был укреплен окопами. Не исключена возможность, что следы последних сохранились до наших дней. Решительное сражение, в котором Тахтамыш был разбит, произошло за пределами -Урала — на севере современной Куйбышевской области на речке Кундурча, притоке реки Черемшан.

Известный историк Оренбургского края XVIII века Рычков в своем труде «Топография Оренбургской губернии» упоминает о развалинах здания из квадратного кирпича в 27 верстах от города Троицка на левом берегу реки Увельки. Имел ли он в виду такой же мавзолей или это сооружение другого назначения — трудно сказать. Во всяком случае, как «Башня Тамерлана», так и эти развалины являются памятниками знати. Мы не знаем, относилась ли эта знать по своему происхождению к местному коренному населению или это были феодалы татаро-монгольского происхождения, господствовавшие над местными кочевниками. Но богатством погребального обряда и в том и в другом случае подтверждается существование классового неравенства.

Архитектурные особенности «Башни Тамерлана» живо напоминают аналогичные сооружения города Ургенча (древняя столица Хорезма). Этот город на севере Средней Азии в эпоху Золотой орды играл огромную роль в культурной жизни этого искусственного государственного образования. Архитектурные формы его построек проникали в различные страны и области, подвластные Золотой орде, оказались они и в постройках феодалов Южного Урала.

Но Южный Урал в золотоордынское время испытывал влияние высокой культуры и с другой стороны — с Запада, из Волжской Булгарии, которая находилась в

оживленных сношениях с Уралом еще в домонгольское время — в начале второго тысячелетия нашей эры.

Государство Волжских булгар образовалось во второй половине I тысячелетия нашей эры. В конце VII века часть булгар, обитавших до того в степях по северо-восточному побережью Азовского моря, была принуждена в связи с выдвиганием на историческую сцену хазар, покинуть свою родину. Часть их ушла на запад и образовала государство на Нижнем Дунае, где вскоре смешалась со славянами, потеряв свой язык. Другая часть двинулась к северу, вверх по Волге и обосновалась в районе устья реки Камы, покорив и включив в состав своих княжеств разнородные, оседлые и кочевые, местные племена, в том числе и северные группы приуральских и поволжских сармато-алан.

К X веку болгарские княжества объединились в единое сильное и культурное государство, границы которого на востоке едва не доходили до реки Белой. Но торговые его интересы несомненно распространялись и дальше на восток — на Урал и в Зауралье.

Центром этого государства являлось устье реки Камы, близ которого сохранились развалины столицы города Булгар, хорошо изученного раскопками советских археологов. Это был крупный центр ремесленной промышленности и международной торговли. Торговля велась с соседними народами — хазарами, Русью, с народами Приуралья, Урала и Севера и с такими отдаленными странами, как Византия, Армения, среднеазиатские ханства, арабский халифат и даже Китай.

К племенам Урала болгарские купцы проникали водою — по Каме и Белой или по Волге и Самарке. С Урала вывозилось сырье, главным образом меха, шерсть, кожа, мед в обмен на изделия ремесленников болгарских городов и предметы, поступавшие на рынки Булгарии из далеких стран.

По археологическим памятникам хорошо прослеживается путь болгарской торговли в Прикамье, где вещи болгарского ремесла X—XII веков встречаются много выше города Молотова. На Урале следы столь ранних связей с Волжской Булгарией незначительны. Усиливаются они в золотоордынское время, когда Булгария и Уральские племена оказались в границах государства Золотой орды.

Волжские булгары, оправившись от тех страшных бедствий и разорений, которые принесли с собой татаро-монгольские завоеватели, продолжали и в золотоордынское время развивать свою культуру. С распадом Золотой орды на устье Камы создано Казанское ханство, являющееся непосредственным преемником культуры волжских булгар. Казанские татары наравне с чувашами, — прямые потомки булгар.

Из Волжской Булгарии на восток проникали не только купцы, но и проповедники мусульманства, которое сделалось в Булгарии господствующей религией еще в X веке. В XIV веке мусульманство было принято и в Золотой орде, после чего оно более энергично стало распространяться на многих подвластных Золотой орде землях. На Урал, к башкирам и к зауральским кочевникам новая религия, вероятно, проникла из старого мусульманского центра — Волжской Булгарии.

Свидетельством насаждения мусульманства на Южном Урале в XIV веке является несколько мавзолеев-тюбе. Один из них находится на мусульманском кладбище на левом берегу реки Демы, у села Чишмы, в 45 километрах от Уфы. Архитектура его имеет общие черты с зауральской «Башней Тамерлана». На квадрате 10x10 метров возведен восьмигранник, заканчивающийся куполом. Дверь высотой в 2,5 метра при ширине 1 метр также обращена к югу, а с прочих сторон размещены окна. Внутри на надмогильной плите надпись: «Праведный в своих предначертаниях ходжа Хусейн-бек, сын великого эмира Омар-бека... Туркестанский,... скончался в 9-ый день разрешенного месяца 762 года (1341)».

Не менее интересным является памятник в Зауралье. На северо-западе Челябинской области в Буринском районе, близ села Карино на берегу реки Синары часто находят в береговом обрыве и на поверхности вспаханного поля черепки хорошо обожженной глиняной посуды красного цвета, преимущественно кувшинов с ручкой. Посуда эта выработана уже на гончарном круге. Вместе с красной посудой, скромно украшенной горизонтальными поясками из резных прямых и волнистых линий, встречаются обломки более нарядных сосудов, покрытых зеленой и синей глазурью и рельефным орнаментом. Такая художественная отделка посуды типична для городов Волжской Булгарии, с одной стороны, и Средней Азии, с другой, и служит, таким образом, доказательством торговых связей южного и среднего Зауралья с этими культурными странами. Само наличие дорогой, привозной посуды указывает на то, что на нее был спрос у населения Зауралья, а этот спрос мог возникнуть только у богатой верхушки. Поселение у села Карино можно с уверенностью отнести к башкирским. Башкиры и сейчас живут в этих местах. О регулярных торговых связях с южными и западными странами мусульманского мира говорят и находки золотоордынских монет XIV столетия, сделанные на дюнах у села Бакланского в низовьях реки Миасса и в других районах Южного Урала и Зауралья.

Археологические памятники VI- XV веков на Южном Урале и в Приуралье являются весьма важным источником для изучения ранней истории башкирского и казахского народов, поскольку в этих памятниках надо видеть сооружения, оставленные непосредственными предками современных казахов и южных башкир.

ПАМЯТНИКИ КОНЦА ПЕРВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАШЕЙ ЭРЫ В ЛЕСНОЙ ПОЛОСЕ

Менее ясной, чем на юге Урала, является история поздних периодов, отраженная археологическими памятниками лесной полосы северных областей Урала. Археологические памятники, относящиеся ко второй половине I тысячелетия нашей эры и последующим векам, почти не изучены. Этот период Уральской Истории хорошо выяснен для Прикамья, где в описываемое время складывались многие современные народы (удмурты, коми-пермяки) и процветала высокая культура государства волжских болгар-предков казанских татар и чувашей. По эти районы выходят за пределы рассматриваемой нами территории.

История племен Уральского хребта и лесного Зауралья в эпоху средневековья не разработана не только из-за отсутствия письменных источников, но и из-за крайней скудности археологических памятников.

Найдены разрозненные предметы, относящиеся к этому времени. В VI-VIII веках в лесном Зауралье были распространены разнообразные украшения, сделанные из бронзы, покрытой по всей вероятности тонким слоем олова, отчего предметы становились похожими на серебряные. Часто среди этих находок встречаются изображения различных животных. Возле деревни Палкиной на окраине города Свердловска найдены были в середине прошлого столетия две фигурки медведей; в 90-х годах близ города Кыштыма нашли изображение зайца. В конце 20-х годов текущего столетия подобную фигурку зайца, а также другого животного, похожего или на собаку или на соболя, нашли близ города Ивделя в Шайтанской пещере на берегу реки Ивдель. Эти два предмета входили в состав культурного слоя, обнаруженного в Шайтанской пещере, в котором были найдены бронзовые бляхи с выгравированными на них фигурами птиц, бляхи-пуговицы, тоже орнаментированные, медные колокольчики и, пронизки, серебряная монета с неразборчивым текстом, железные и костяные наконечники стрел и некоторые другие вещи.

Состав находок в Шайтанской пещере весьма характерен для культовых, жертвенных мест. Все эти предметы надо рассматривать как приношения духам.

В Прикамье хорошо изучен ряд культовых пещер. Среди подобных пещер на реке Чусовой есть почти недоступные для человека, так как расположены они на большой высоте в отвесной скале. И все-таки в них найдено много наконечников стрел, которые с реки пускались охотниками в дар духам.

К предметам культа относятся часто встречающиеся в лесной полосе Урала серебряные блюда, чаши, кувшины среднеазиатского, иранского и византийского происхождения. Они датируются серединой I тысячелетия нашей эры, но связываются преимущественно с памятниками VI-VIII веков. Большинство их хранится в Ленинграде, в Государственном Эрмитаже, где они составляют многочисленную, лучшую в мире коллекцию восточного серебра. Находки в странах, производивших в древности эту посуду, менее богаты, так как серебряные сосуды там имели бытовое применение и по мере старения шли на переливку. На Урале же эти предметы обслуживали культурно-религиозные потребности местных племен, тщательно оберегались и хранились на священных жертвенных местах. Все серебряные восточные сосуды на Урале найдены случайно, главным образом во время пахоты, и залегали на небольшой глубине. Следовательно, они не были спрятаны, зарыты в составе клада драгоценностей, а находились на поверхности и постепенно покрылись почвенным слоем.

Основная масса серебряной восточной посуды найдена главным образом в районе города Чердыни. Но известны находки и на восточном склоне Урала. Так у села Сооновского, в Покровском районе, Свердловской области было выпажано серебряное блюдо, происходящее из Сасанидского Ирана. В Свердловском музее хранится копия чрезвычайно интересного серебряного иранского блюда из местных находок, на котором изображена едена охоты царя (рис. 48). Сюжет этого изображения является иллюстрацией к следующим словам известной поэмы Фердоуси «Шах-Намэ»:

**Бахраму сказала Азадэ: «О лев,
Возможно ли гордиться, газель одолев?
Ты выстрелом метким на место рогов
Две стрелочки самке всади, зверолов.
Самцу же рога сиять до корня сумей,
Чтоб статью они поменялись своей,
А третьей ты ногу и ухо сколи,
Тогда назову тебя чудом земли».**

Царь верхом на верблюде преследует группу ланей. Позади царя видна фигурка женщины, раза в три меньших размеров по сравнению с фигурой царя. Разницей в размерах подчеркивалось величие царской особы. Царь стреляет из лука в ланей, выполняя желание Азадэ; лань-самка бежит с двумя стрелами, вонзенными в голову на месте рогов; рядом виден безрогий самец, возле которого валяются пронзенные стрелой рога; третья лань неестественно изогнулась, так как ее ухо пришито стрелой царя к бедру ноги.

На других серебряных блюдах и сосудах встречаются изображения сцен из иранской и византийской религиозной мифологии или быта. Нет сомнения, что сюжеты эти не могли интересовать местные уральские племена. Слишком велика была разница в уровне развития феодального общества Ирана, Средней Азии и Византии, с одной стороны, и не вышедших из рамок патриархально-родовых отношений племен Урала, с другой. Но отдельные изображения на серебряной посуде находили отклик и на Урале.

В мансийской мифологии, корни которой уходят в более отдаленные времена, чем эпоха проникновения на Урал серебряной посуды, имеется образ небесной птицы Каре.

Каре живет на дереве, на нем растут также солнце и луна. Изображения огромных птиц на некоторых восточных серебряных блюдах могли восприниматься местными уральскими племенами как птица Каре. Но основной интерес к восточному серебру, и прежде всего к серебряным блюдам, которых находится больше, чем других видов посуды, объясняется другими обстоятельствами. В древней мифологии манси и хантов сохранились сказания о божественном существе-сыне духа верхнего мира (по В. Н. Чернецову). Он представляется в мифах в виде всадника на крылатом коне; этот конь может опускаться на землю только на четыре подставленных серебряных блюда. В святилищах манси и хантов еще недавно, в предоктябрьское время, хранились серебряные тарелки и блюда, которые употреблялись во время шаманских обрядов, «вызывающих» этого небесного священного всадника. Сам всадник является олицетворением солнца. Вот почему в его культе фигурируют круглые блестящие белые предметы — подобия солнца.

Серебряные блюда употреблялись несколько сот лет тому назад у манси во время жертвоприношений. Обратной гладкой стороной наружу их помещали на жертвенных священных местах на дереве в качестве солнца или луны. Таким образом изображения на лицевой стороне в данном случае не имели никакого значения. Не случайно оловом покрывались бронзовые фигурки животных, также обнаруживаемые на культовых, жертвенных местах, например в Шайтанской пещере на реке Ивдель. Оловом в данном случае заменялось серебро — этот светлый священный металл.

Из изложенного выше можно сделать заключение, что местные металлические изделия и привезенные с юга серебряные вещи, датирующиеся второй половиной первого тысячелетия нашей эры, на Урале имеют непосредственное отношение к предкам современных уральских народов манси и хантэ.

Советскими учеными (В. Н. Чернецов и др.) доказано, что манси и хантэ образовались из смешения местных коренных племен и пришельцев с юга, степняков. Последние находились в родстве с иранскими народами Средней Азии и Ирана и невидимому сохранили связи с этими странами и после переселения на север, в пределы лесного Зауралья.

Если в Прикамье восточное серебро шло с юга водным путем по Волге и Каме через посредство Волжской Булгарии, то Зауральские племена снабжались южными изделиями непосредственно из Средней Азии через степи Казахстана. Сношения уральских племен со среднеазиатскими странами возникли еще в эпоху неолита. находка упоминавшегося выше хорезмийского серебряного сосуда в низовье реки Миасса указывает на сохранение, а может быть и усиление этих связей на грани нашей эры.

Но особенно интенсивными сношения со Средней Азией стали во второй половине I тысячелетия нашей эры, когда и была завезена на Урал масса восточного серебра. Сейчас древняя серебряная посуда восточного происхождения, найденная на Урале, украшает музеи нашей страны, но еще большее число ее погибло в прошлом, в первые столетия знакомства русских купцов и представителей царской власти с Уралом. Добыча серебра закамского, вероятно, с жертвенных священных мест, составляла в XIV веке особый промысел. На этой почве возникла ссора между Новгородом и Москвой, требовавшей от Новгорода передачи ей «серебра закамского».

Чтобы получить такие ценности, как серебро, должны были быть соответствующие богатства и у уральских племен. Охотники и рыболовы, пребывающие в рамках патриархально-родового строя, в обмен на серебро могли поставлять в южные страны только ценную пушнину из уральских лесов.

В лесном Приуралье, на западном склоне Урала, на севере Башкирии в эти столетия обитали племена, культура которых отличалась от Культуры обитателей

зауральских лесов, с одной стороны, и степных кочевников, с другой. К северу от Уфы по берегам рек Белой и Уфы во второй половине I тысячелетия нашей эры жили потомки тех племен, которые на тысячу лет раньше населяли в этих местах городище Кара-Абыз и ему подобные.

К V-VII векам нашей эры относятся городище и селище Чандар, а также Бахмутинский могильник. Могильник расположен у села Бахмутина на правом берегу реки Уфы. На противоположном берегу реки сохранились следы поселений, жители которых погребены в упомянутом могильнике. На возвышенном мысу «Соколиный камень» находится городище, а у его подножия близ хутора Чандар обнаружен культурный слой селища. Однородность находок на всех трех памятниках позволяет объединить их в единый одновременный комплекс.

Погребения не имели никаких видимых признаков, и могильник открыт был случайно, благодаря тому, что река стала размывать и разрушать могилы. Не малое число погребений уничтожено рекой. Археологическими раскопками изучено более 30 погребений. Покойники лежали на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на восток. Гробов не сохранилось, но некоторые признаки позволяют предполагать, что они были. Покойники, в особенности представители богатых семей, сопровождалась в могилу большим количеством вещей. **На** костяках и возле них находятся остатки обуви, одежды из меха и льняных тканей, украшения, орудия труда, оружие, посуда. Благодаря этому можно представить костюм населения северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры.

Нарядно выглядели женщины. Уши их были украшены серьгами из бронзовой проволоки в виде вопросительного знака с нанизанными на нее бусинами. Шею перехватывали гривны-обручи из перевитого серебряного или бронзового прута. Поверх льняной рубахи одевались ожерелья из красных пастовых и синих стеклянных бус и прикреплялись бронзовые бляхи, на спине имелись кольцевые бронзовые застежки. В талии одежду охватывал ремешковый пояс с серебряной или бронзовой пряжкой. Украшение костюма дополняли металлические привески: фигурки коньков, бутылочки, колесики, прикрепленные при помощи ремешков к поясу и просто в разных местах к одежде. Костюм так густо был снабжен металлическими бляхами и привесками, что при движении платье должно было издавать звон.

Мужской костюм был менее красочным. Ворот льняной рубашки застегивался на пуговицу, роль которой часто выполняла крупная 'бусина. Кожаный пояс имел серебряную, бронзовую или железную пряжку и украшался металлическими же бляшками. Сапоги стягивались ниже колен ремешками. Мужчины носили иногда серьги и бронзовые браслеты. К поясу у мужчин и женщин привешивался железный нож с деревянной или костяной рукояткой в ножнах.

Рядом с костяком мужчин располагались железные проушные топоры и топоры-иельты, мечи, копья, стрелы в колчанах, удила, глиняные горшки.

Погребенные в Бахмутинском могильнике люди жили на противоположном берегу реки Уфы. Здесь в обрыве надпойменной террасы заметен культурный слой. Раскопками выяснено, что он состоит из многочисленных черепков, почти бесследно истлевших костей, золы, углей, кусков обожженной глины. Жилища, невидимому, не были углубленными в землю. Единственные сохранившиеся от них признаки — это очаги, сложенные из обломков известняка. Возле очагов культурные остатки залегают особенно густо.

Больше всего в культурном слое встречается обломков глиняных сосудов в форме круглодонных чашек. Стенки их украшены почти по всей поверхности несложным орнаментом из ямок, изредка встречается орнамент в форме елочки, нанесенный насечками, гребенчатые зигзаги.

Описанные сосуды совершенно аналогичны керамике из Бахмутинского могильника. На селище обнаружены и другие вещи того же типа, как найденные в могильнике.

Селище примыкает к возвышенности «Соколиный камень», на верхушке которой имеется площадка, защищенная валом, сложенным из известняковых плиток. Высота вала превышает два метра. Оборона городища усиливается рвом, вырытым у внешнего края вала. Защищенная площадка невелика, не превышает 2 000 квадратных метров. Состав культурного слоя городища абсолютно однороден с находками на соседнем селище.

На севере Башкирии, в лесной полосе, известен ряд поселений и могильников, содержащих керамику и другие предметы бахмутинско-чандарского типа. В частности такая керамика оказалась в верхнем слое городища Кара-Абыз. Поэтому есть основание рассматривать памятники V-VII веков нашей эры, как оставленные потомками племен, обитавших в городищах типа Кара-Абыз.

Не совсем ясным остается характер хозяйства патриархально-семейных общин в бахмутинско-чандарское время, но некоторые данные позволяют предполагать, что люди здесь занимались и скотоводством и земледелием.

Как и тысячу лет раньше, население лесной северной Башкирии в своей культуре имело много общих черт с племенами Прикамья, но теперь сильнее сказывалось влияние южных, степных соседей, откуда поступали некоторые виды украшений из серебра и бронзы, например поясные наборы, пряжки, типичные для сармато-аланского степного мира.

Исторические события дальнейшего времени (начала II тысячелетия нашей эры) в лесной полосе Урала почти не освещены из-за отсутствия хорошо изученных памятников. Правда, в это время (не позднее XI века) состоялось знакомство новгородцев с Уралом. Им стало известно не только западное Приуралье и Прикамье, но и водный путь через хребет, — с Вычегды и Печеры на Сосьву и Обь. Но заселяться русскими Урал начал почти на полтысячи лет позднее. Эти поздние этапы уральской истории освещаются уже не археологическими, а письменными памятниками.

В результате многолетних археологических исследований, особенно продуктивных в советское время, накоплен, как было показано выше, достаточно большой фактический материал, который позволил проследить в основных чертах путь развития древних племен Урала. Появившись на Урале десятки тысяч лет назад, первобытное человечество пережило долгий каменный век, освоило разработку рудных богатств, вступило в бронзовый, а затем железный век. Усилиями многих поколений люди медленно, но упорно совершенствовали свою технику, развивали культуру. Древние племена Урала прошли сложный путь исторического развития в условиях первобытнообщинного строя, а некоторые из них вступили в эпоху раннеклассового общества еще до того времени, когда появились здесь русские люди.

Под влиянием высокой русской культуры развитие местных отсталых племен и народов пошло более быстрыми темпами. Этот чрезвычайно интересный этап истории Урала выходит уже за пределы темы настоящей книги, которая должна была осветить основные вехи древнейшей уральской истории в свете открытий археологии

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Работы классиков марксизма-ленинизма

К. Маркс, Капитал, т. I.

Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1948.

Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1950.

Ф. Энгельс, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, Госполитиздат, 1948.

И. В. Сталин, Анархизм или социализм?. Соч., т. 1.

И. В. Сталин, О диалектическом и историческом материализме, Вопросы ленинизма, изд. 11.

И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Москва, 1950.

Литература ко всей книге

О. Н. Бадер, Археологические памятники Прикамья и методы их первичного изучения. Молотов, 1950.

И. А. Иессен, Уральский очаг древней металлургии, Сб-к «Первое Уральское археологическое совещание», Молотов, 1948.

К. В. Сальников, Древнейшее население Челябинской области, Челябинск, 1948,

ЛИТЕРАТУРА К РАЗДЕЛАМ:

«Нижний и средний палеолит», «Верхний палеолит»

П. П. Ефименко, Первобытное общество, Ленинград, 1938. О. Н. Бадер, Первоначальное заселение Урала и Волго-Камья человеком,

«Ученые записки Молотовского университета», т. V, вып. 2, Молотов, 1947. С. Н.

Бибиков, Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала, «Советская археология», XII, М.-Л., 1949.

ЛИТЕРАТУРА К РАЗДЕЛАМ:

«Мезолит», «Неолит и энеолит лесной полосы»

О. Н. Бадер, Каменный век на Урале, Сб-к «Первое Уральское археологическое совещание», Молотов, 1948.

О. Н. Бадер, Новый тип неолитического поселения на Урале, «Советская этнография», 1949, № 2.

О. Н. Бадер, Новые раскопки близ Тагила в 1944 году, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», XVI, Москва, 1947.

С. Н. Бибиков, Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала, «Советская археология», XIII, М.-Л., 1950.

А. Я. Брюсов, Уральская археологическая экспедиция, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», XXXVII, М.-Л., 1951.

П. А. Дмитриев, Раскопки стоянки «Калмалкий брод» на р. Исети, Свердловск, 1934.

ЛИТЕРАТУРА К РАЗДЕЛУ:

«Неолит и энеолит степи, и лесостепи»

В. В. Гольмстен, Материалы по археологии Самарской губернии, «Бюллетень Самарского общества археологии, истории и этнографии», вып. 2, Самара, 1925.

Л. В. Сальников, Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», XXXVII, М.-Л" 1951.

А. А. Формозов, Археологические памятники в районе Орска, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», XXXVI, М.-Л., 1951.

ЛИТЕРАТУРА К РАЗДЕЛУ:

«Эпоха бронзы в степной и лесостепной полосе»

С. Н. Дурьлин, Челябинские курганы, Сб-к «Материалы по изучению Челябинского

округа», Челябинск, 1927.

С. Н. Дурьлин, Раскопки под Челябинском, «Записки Уральского общества любителей естествознания», т. XL, вып. 2, Свердловск, 1927.

М. П. Грязное, Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане, Сб-к «Казачи», вып. 2, Ленинград, 1927.

О. А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник, «Труды Государственного Исторического музея», вып. XVII, Москва, 1948.

Г. В. Подгаецкий, Могильник эпохи бронзы близ г. Орска. «Материалы и исследования по археологии СССР», I, М.-Л., 1940.

К. В. Сальников, Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области, «Материалы и исследования по археологии СССР», I, М.-Л., 1940.

К. В. Сальников, К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья, Сб-к «Первое Уральское археологическое совещание», Молотов, 1948.

К. В. Сальников, Замараевское селище, Сб-к «Первое Уральское археологическое совещание». Молотов, 1948.

К — В. Сальников, Хвалынско-андроновские курганы у с. Погромного «Советская археология», XIII, М.-Л., 1950.

В. Я. Толмачев, Раскопки и разведки 1910 года, «Известия археологической комиссии», вып. 53, Петроград, 1914.

ЛИТЕРАТУРА К РАЗДЕЛУ:

«Эпоха бронзы, в лесной полосе»

П. А. Дмитриев, К вопросу о земледелии в восточно-уральском родовом обществе, Сб-к «Из истории родового общества на территории СССР», М.-Л., 1935.

П. А. Дмитриев, Охота и рыболовство в восточно-уральском родовом обществе, Сб-к «Из истории родового общества на территории СССР», М.-Л., 1935.

П. А. Дмитриев, Землянки на зауральских стоянках, «Материалы и исследования по археологии СССР», II, М.-Л., 1941.

П. А. Дмитриев и К. В. Сальников, Краткий отчет о работах Уфимской археологической экспедиции. Сб-к, «Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг.» М.-Л., 1941.

К. В. Сальников, К вопросу о древней металлургии в Зауралье, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», XXIX, М.-Л., 1949.

К. В. Сальников, Следы древней металлургии меди в районе Свердловска, «Материалы второй научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска», Свердловск, 1950.

К. В. Сальников, Памятник абашевской культуры близ Магнитогорска, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», XXXV М.-Л., 1951.

А. А. Формозов, Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика, «Советская этнография», 1950, № 3.

Д. Я. Эдинг, Идолы Горбуновского торфяника, «Советская археология», IV, М.-Л., 1937.

Д. Н. Эдинг, Новые находки на Горбуновском торфянике, «Материалы и исследования по археологии СССР», I, М.-Л., 1940.

Д. Н. Эдинг, Резная скульптура Урала, Москва, 1940.

ЛИТЕРАТУРА К РАЗДЕЛУ:

«Ранний железный век в степной полосе»

Б. Н. Граков, Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г., «Труды секции археологии Российской ассоциации научно-

исследовательских институтов общественных наук», IV, Москва, 1928.

Б. Н. Граков, Пережитки матриархата у сарматов, «Вестник древней истории», 1947, № 3.

П. А. Дмитриев и *К. В. Сальников*, Краткий отчет о работах Уфимской археологической экспедиции, Сб-к «Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг.», Ленинград, 1941.

Ф. Д. Нефедов, Отчет об археологических исследованиях в Южном При-уралье, «Материалы по археологии восточных губерний России», т. III, Москва, 1899.

М. И. Ростовцев, Курганные находки Оренбургской области, «Материалы по археологии России», № 37, 1918.

К... В. Сальников, Сарматские курганы близ г. Орска, «Материалы и исследования по археологии СССР», I, М.-Л., 1940.

К. В. Сальников, Сарматские погребения в районе Магнитогорска, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», XXXIV, М.-Л., 1950.

К. Ф. Смирнов, О погребениях роксолан, «Вестник древней истории», 1947, № 4.

К. Ф. Смирнов, Сарматские погребения Южного Приуралья, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», XXII, М.-Л., 1948.

К. ф. Смирнов, Сарматские племена Северного Прикаспия, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», XXXIV, М.-Л., 1950.

ЛИТЕРАТУРА К РАЗДЕЛУ:

«Ранний железный век в лесостепной полосе»

П. А. Дмитриев, Мысовские стоянки и курганы, «Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук», т. IV, Москва, 1928.

П. А. Дмитриев, Жертвенные камни Зауралья, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», XIX, М.-Л., 1948.

К. В. Сальников, Городище Чудаки Челябинской области по раскопкам 1937 г., «Советская археология», IX, М.-Л., 1947.

К. В. Сальников, Археологические исследования в Курганской и Челябинской области, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», XXXVII, М.-Л., 1951.

А. А. Спицын, Зауральские древние городища, «Записки русского отделения. Русского археологического общества», т. VIII, вып. 1, СПб, 1906.

ЛИТЕРАТУРА К РАЗДЕЛУ:

«Ранний железный век в лесной полосе Приуралья»

В. В. Гольмстен, Могильник близ г. Уфы, Москва, 1918.

А. В. Збруева, Происхождение ананьинской культуры. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», IX, М.-Л. 1941.

Л. В. Шмидт, Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук, Уфа, 1929.

Л. В. Шмидт, Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества, Сб-к «Из истории родового общества на территории СССР», Ленинград, 1935.

ЛИТЕРАТУРА К РАЗДЕЛУ:

«Ранний железный век в лесной полосе Зауралья»

Н. Н. Бортвин, Находки на горе Азов на Урале, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», XXV, М.-Л., 1949.

Ф. Ю. Гебауэр, Заметка о Кашинском Чудском городище, «Записки Уральского общества любителей естествознания», т. XI, вып. 1, Екатеринбург, 1887.

П. А. Дмитриев, Об археологических исследованиях в Свердловской области летом 1940 г. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», XII, М.-Л., 1946.

Н. П. Кипарисова, Жертвенное место на Голом камне, Сб-к «Первое Уральское археологическое совещание». Молотов, 1948.

В. Н. Чернецов, Опыт типологии западносибирских кельтов, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», XVI, М.-Л., 1947.

ЛИТЕРАТУРА К РАЗДЕЛУ:

«Памятники Южного Урала в V-XV веках нашей эры»

Р. Б. Ахмеров, Древние погребения в Уфе, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», XXV, М.-Л., 1949.

Б. Н. Граков, Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций, «Археологические работы на новостройках в 1932-1933 гг.», вып. II, М.-Л., 1935.

Б. Д. Граков и А. Ю. Якубовский, Золотая орда и ее гибель, М.-Л., 1950.

О. А. Кривцова-Гракова, Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 г. «Труды археологической секции Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук», IV, Москва, 1928.

Ф. Д. Нефедов, Отчет об археологических исследованиях в Южном При-уралье, «Материалы по археологии восточных губерний России», т. III, Москва, 1899.

Э. Ю. Петри, Раскопки в Оренбургской и Тургайской области, «Отчет археологической комиссии за 1889 г.».

А. П. Смирнов, Волжские Булгары, Москва, 1951.

Б. А. Кошневский, Итоги археологического изучения Башкирской АССР, «Историко-археологический сборник», Москва, 1948.

ЛИТЕРАТУРА К РАЗДЕЛУ:

«Памятники конца первого тысячелетия нашей эры в лесной полосе»

Е. М. Берс, Никито-Ивдельские находки, Сб-к «Первое Уральское археологическое совещание». Молотов, 1947.

В. Н. Чернецов, К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье, «Труды института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия», т. 1, М.-Л., 1947.

А. В. Шмидт, Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук, Уфа, 1929.

